

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

1987
Часть II

Москва 1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1987
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Н.В.Елисева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель),
М.Б.Пиотровский, Э.Н.Темкин (зам.председателя)

КАДОПВЭ И ПУРВАРАНГА

(сравнительный анализ прологов в бирманской и санскритской драме)

Цель настоящего сообщения состоит в попытке сопоставления пурваранги – прологовой сцены санскритской драмы, подробно описанной в древнеиндийском трактате "Натьяшастра" (около 2–3 вв. н.э.) и кадопвэ – пролога перед бирманским театральным представлением, который разыгрывается в Бирме вплоть до настоящего времени. Сравнение показывает, что между двумя явлениями, отделенными временем промежутком почти около двух тысячелетий, имеются определенные соответствия. Очевидно, бирманская театральная традиция, находясь на периферии мощной древнеиндийской культуры, законсервировала в прологовой сцене те архаические черты, которые в индийском театре были давно утрачены. Это тем более примечательно, что в бирманском письменном наследии не сохранилось никаких прямых свидетельств знакомства с теорией и практикой классической индийской драмы.

Кадопвэ (обряд подношения) – это обязательный пролог, который исполняется в Бирме перед началом каждого театрального представления. Он начинается с трехчастного музыкального вступления, символизирующего космические катастрофы – ураган, пожар и наводнение, возникающие согласно буддийской космогонической концепции, при периодическом разрушении вселенной. Затем на сцену выходит актриса в амплуа "накадо" (досл. "супруга духа-ната", т.е. шаманка). Она совершает обряд поклонения четырем странам света, три раза поднимает чашу с подношением, призывая в свидетели сцену, местных духов-натов и публику, а затем, танцуя, исполняет трехчастный гимн-инвокацию к духам-натам. В первой части гимна она призывает верховного главу натов – буддийского короля богов Индру-Сакку (бирманское название – Тиджамин). Считается, что во время исполнения этой части гимна Тиджамин нисходит с небес, воплощается в накадо, а затем отбывает в шестинебесную страну натов. Эта часть гимна исполняется торжественно. Во второй части гимна, обращенной к натам, она изображает любовь и милосердие, в третьей, адресованной публике – радость и веселье. Танец накадо по мере исполнения приобретает все более быстрый темп. К концу третьей части инвокации актриса уже не в состоянии следовать оркестру и, оставаясь на месте, только движе-

нием рук, бровей, подергиванием ног изображает бешеный ритм танца. Считается, что если до исполнения пролога зловещие силы могли привести к неблагоприятному исходу праздника, то теперь они улагодворены, в мире установилось равновесие, и представление пройдет успешно для актеров и зрителей.¹

Пурваранга - прологовая сцена перед исполнением санскритской драмы - также должна была исполняться перед каждым представлением. Согласно "Сахитьядарпане", термин "пурваранга" означает, что вступительная сцена перед спектаклем исполняется для устранения всех препятствий. По другим версиям это слово происходит от глагола "gacj" в значении "удовлетворять" и, следовательно, означает, что церемония предназначена для того, чтобы заранее улагодворить кого-то.² В "Натьяшастре" указывается, что пурваранга состоит из двадцати частей. Первые девять исполняются за занавесом - сюда входят настройка всех видов музыкальных инструментов и игра на них, пляска танцовщиц. Остальные одиннадцать частей исполняются на сцене:

- 1/ песня во славу богов;
- 2/ появление сутрадхары (главы труппы) с двумя помощниками;
- 3/ установка сутрадхарой бамбукового шеста, символизирующего знамя Индры и самого Индру;
- 4/ совершение сутрадхарой прадакшины - кругового обхода вокруг сцены и поклонение дикपालам - 4-ем стражам света;
- 5/ исполнение сутрадхарой нанди - хвалебного гимна в честь богов, брахманов, царя; по другим версиям - в честь богов, царя, публики и актеров;
- 6/ исполнение мужского танца в стремительном темпе со всё возрастающей скоростью;
- 7/ чтение стихов во славу богов;
- 8/ поклон бамбуковому шесту, символизирующему знамя Индры;
- 9/ выход танцовщицы, совершающей подношение цветов богам с целью устранить зло, защитить живые существа, умилостивить богов, наставить зрителей, обеспечить процветание главе труппы, и покровительство самой танцовщице;
- 10/ тригата - беседа сутрадхары с помощниками - видушакой и парипарсвиной;
- II/ прарочана - краткий пересказ содержания драмы.³

Сопоставление прологовых сцен показывает, что их общая функция состоит в умиротворении злых сил, упорядочении мира, обеспечении успеха и процветания актерам и зрителям. Прологи должны исполняться перед каждым спектаклем, иначе представление не будет

иметь успеха, а актеров и зрителей постигнет несчастье.

Что касается места исполнения прологов, то бирманский вариант вплоть до начала XX века (когда появилась сцена, заимствованная у европейцев) исполнялся на круглой площадке, очерченной на земле, в центре которой устанавливалось деревце; на краях сцены сооружалась мандапа – легкий павильон для короля, почетных зрителей, строителя представления. Пурваранга исполнялась в натуре мандапе – специальном театральном павильоне. Хотя мандапа использовалась и в бирманской и в древнеиндийской традиции, функции её несколько различались – в первом случае она служила как бы "царской ложей" для зрителей, во втором – театральным зданием, внутри которого находилась сцена.

Время исполнения прологов в Бирме и древней Индии имеет некоторые отличия – в Бирме спектакль вместе с прологом исполняется только в ночное время (примерно от 9 ч. вечера до 4–5 утра). Санскритская драма могла исполняться утром, днем, в первой и в четвертой части ночи. Запрещалось ставить спектакль в полдень, в полночь и в обеденное время.

Участники бирманского пролога – музыканты и танцовщица; санскритского – музыканты, танцовщицы, сутрадхара и два его помощника.

В процедуре прологовых сцен совпадают следующие моменты:

- 1/ исполнение музыкального вступления;
- 2/ обряд поклонения странам света – в первом случае его исполняет танцовщица, во втором – сутрадхара;
- 3/ нисхождение на сцену Индры – в первом случае он воплощается в танцовщице, во втором – нисходит в бамбуковый шест, который является его символом;
- 4/ исполнение хвалебного гимна – в первом случае его исполняет танцовщица – в честь верховного божества, местных духов и публики (имеется в виду, очевидно, весь человеческий социум); во втором случае его исполняет сутрадхара в честь богов, брахманов, царя, актеров и публики (т.е. человеческого социума);
- 5/ исполнение стремительного танца со все возрастающей скоростью – в первом случае его исполняет танцовщица, во втором, очевидно, мужчина-актер;
- 6/ выход танцовщицы, совершающей подношение цветов богам с целью устранить зло, умиловить богов, обеспечить процветание человеческому социуму (в первом и во втором случаях).

Что касается двух последних частей пурваранги – тригаты и прарочаны, то, как нам представляется, они находят соответствие в бирманской драме, но не в прологе, а в самом театральном представ-

лении. Первая (стандартная) сцена бирманской драмы обычно представляет собой торжественный выход короля с министрами, что можно сопоставить с триггатором – выходом сутрадхары с помощниками; вторая сцена состоит из беседы короля с министрами, в которой обнаруживается завязка конфликта и определяется весь последующий ход действия – это как бы ключевая сцена спектакля, которую можно сопоставить с пророчаной – кратким пересказом содержания пьесы в санскритской пурваранге.

Впоследствии пророчана, так же как и в бирманской драме, была включена в текст самой пьесы, причем и нанди и пророчана сочинялись уже драматургами. Здесь на наш взгляд, кроется одно из самых важных отличий бирманской прологовой сцены от санскритской. Если в санскритской пурваранге нанди и благопожелательные стихи сочинялись сутрадхарой (впоследствии, авторами пьес) и от всего обряда пурваранги уже после Бхасы осталось лишь нанди, то в Бирме процедура обряда сохранялась практически неизменной вплоть до начала XX века. Все его элементы – детали костюма, танцевальных движений, пения и музыки были установлены раз и навсегда, и отклонение от них, по общепринятому мнению, могло навлечь на головы актеров гнев натов. Как считают бирманские исследователи, именно благодаря строгому соблюдению традиции, в обряде сохранились наиболее архаичные образцы музыки, дающие представление о ритуалах древних бирманцев. В кадопве прослеживается прямая связь с шаманской обрядностью – актриса называется "накадо" (шаманка); во время исполнения гимна она изображает вхождение в транс и соединение с духом Тиджамина. Текст самого гимна считается сакральным и сохраняется традицией в неизменном виде; по своей формальной структуре он сходен с шаманскими призываниями.

Следовательно, если сохранившийся в индийской драме фрагмент санскритской пурваранги – нанди – уже с древних времен является литературным приемом, то в бирманском театре пролог кадопве вплоть до последнего времени еще принадлежал к сфере обрядности. И именно это обстоятельство дает, на наш взгляд, материал, плодотворный для реконструкции древнейших стадий развития индийской драмы.

Как показали исследования Кейпера, древнейшая пурваранга была не прологом спектакля, как это зафиксировано в "Натьяшастре", а основной частью представления, где воспроизводилась битва богов и асуров. Она заканчивалась победой Индры и воздвижением победного столпа Индры, что являлось кульминационным моментом спектакля. Воздвижение бамбукового шеста – столпа Индры означало установление *axis mundi*, которым Индра отделил небо от земли в начале

творения. Повторение акта сотворения мира должно было освящать каждый последующий год, и пурваранга была ритуалом, направленным на восстановление на сцене первобытного сакрального мира, что символизировало начало мира в новом году.⁴

Нам удалось установить, что пролог перед бирманским театральным представлением входит как составная часть в сцену сотворения мира, которая вплоть до начала XX века исполнялась как обязательная прологовая сцена в бирманском театре марионеток. Эта сцена довольно подробно воспроизводит этиологический миф о сотворении мира Индрой-Тиджаминим и нисхождении его на землю в праздник Нового года. Основным событием новогоднего праздника в Бирме является ежегодное "оошество" на землю Индры-Тиджамина. В течение трех дней - "День сошествия", "День посещения" и "День отбытия" Тиджамина люди постятся, соблюдают десять буддийских заповедей и совершают приношения в пагодах. Когда удар пушки возвещает о прибытии божества на землю, все медленно выливает воду из заблаговременно приготовленных кувшинов, что соответствует одному из моментов пурваранги - перед установкой шеста Индры сутрадхара выливает на сцену кувшин с водой.⁵

Нам представляется, что бирманский материал поддерживает гипотезу Кёйпера о происхождении санскритской драмы из ритуала, воспроизводившего сцену сотворения мира в честь новогоднего праздника.

-
1. У Гоун Пхан. Мьямма за табин (Бирманское театральное представление). Рангун, 1966, с. 266-281.
 2. Chandra Bhan Gupta. *The Indian Theatre, its origin and development up to the present day.* Banaras, 1954, p. 119.
 3. Ibid, p. 119-120.
 4. F.B.J. Kuiper. *Varūna and Viduṣaka. On the origin of Sanskrit Drama.* Amsterdam, 1979, p. 129-131.
 5. Maung Htin Aung. *Folk Elements in Burmese Buddhism.* London, 1962, p. 32.

ПОПУЛЯРНОСТЬ МАЛЫХ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ В
ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРЕДМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ
(к и т а - четырехстишия)

Расцвет персидско-таджикской классической литературы принято относить к шестивековому периоду - с X по XV вв. Но в этой череде блестящих веков предмонгольское время, т.е. XII - начало XIII вв. - отличается особой интенсивностью литературного развития, яркостью литературных явлений. Художественная литература на языке фарси развивалась на обширной территории, где основными центрами были: Хорасан, Средняя Азия, Северная Индия, Закавказье и города западного Ирана.

Изучение этой примечательной литературной эпохи обеспечено надежными источниками: до нашего времени сохранилось многое из творческого наследия крупнейших представителей предмонгольской литературы. Мы располагаем текстами диванов - сборников стихотворений самых известных поэтов XII - начала XIII вв. - Анвари, Хакаки, Ватвата, Муджир ад-Дина Байлакани, Дзамал ад-Дина ибн Абдарраззак, Камала-Исмаила Исфакани, а также диванами, сохранившими если не все, то значительную часть литературного наследия - Сузани, Абд ал-Васи Джабали, Захира Фарйаби и др. Научное издание этой группы памятников (многие из них были впервые опубликованы в Иране в последнее время) делает возможным постановку ряда проблем, связанных с изучением литературного процесса, протекавшего в предмонгольское время в широком ареале распространения литературного языка фарси.

Простой учет сохранившихся поэтических текстов выявляет в частности такую общую закономерность, как широкое распространение стиховой формы к и т а - "фрагмент", "кусок", "отрезок". Диваны крупных профессиональных поэтов XII - начала XIII вв. - в отличие от диванов их предшественников, поэтов X-XI вв. - включают сотни стихотворений, написанных в форме кита; в среднем "фрагменты" - в творчестве самых известных поэтов - составляют приблизительно от четверти до трети литературного наследия.

Кита, "фрагменты", в силу, по-видимому, их невысокой литературной престижности мало привлекали внимание исследователей литературы. Показательно, что в больших "историях" классической персидско-таджикской литературы о форме кита говорится крайне скупо, часто о ней не упоминается вообще. Никогда в иранистическом лите-

ратуроведении не ставилась проблема системного анализа "фрагментов", относящихся к той или иной литературной эпохе, мы не видим и попытки проследить историю развития кита и ее поэтику, как специфической формы классического восточного стихосложения.

Между тем, творчество средневековых поэтов в той части, которая составляет в диванах разделы к и т а а т – показывает себя интереснейшим объектом исследования. Именно здесь можно вскрыть, как показал опыт изучения исфаханской школы поэтов, новые, еще мало известные науке, пласты классической персидско-таджикской литературы. Такие явления, как развитие городской литературной жизни, расширение социальной сферы литературы, т.е. проникновение поэзии во многие области жизни и деятельности человека, обогащение и обновление самого состава художественной литературы, – все эти явления, этапные для истории литературного процесса, самым тесным образом связаны с развитием в XII в. стиховой формы "фрагмент". Именно за счет этой наименее канонизованной, "вольной" стиховой формы и шло в предмонгольское время рождение и становление новых поэтических жанров.

Системно-сравнительный анализ "фрагментов" в творчестве поэтов, принадлежавших к самым разным культурным кругам, выявляет примечательный литературный феномен – чрезвычайную популярность в предмонгольское время малых стихотворных текстов.

Среди "фрагментов", весьма разнообразных по объему, включающих от 2-х до 30-ти (иногда и до сорока) бейтов, повсеместно преобладают кита в два-три-четыре бейта; они как правило и составляют около половины соответствующих разделов в диванах профессиональных поэтов предмонгольского времени. Особо выделим то общее явление, что наибольшее пристрастие поэты выказывают к созданию самых малых стихотворных текстов – в два бейта.

Покажем это в виде небольшой таблицы, ограничившись авторами, писавшими во второй половине XII в.:

Поэт	Количество кита в диване	Количество двухбейтовых кита	В процентном отношении к общему числу кита
Анвар	492	120	24,3%
Хакани	347	104	30,3%
Джамал ад-Дин ибн Абдарраззак	160	40	25%
Ватват	94	22	24%
Муджир ад-Дин Байлакани	86	21	24,4%

Как мы видим, двухбейтовые кита составляют приблизительно четвертую часть (иногда больше) в разделах "фрагментов".

Закономерность преобладания двухбейтовых "фрагментов" подтверждается анализом иллюстративного материала в поэтической антологии, составленной в начале XIII в. - в тазкире "Лубаб ал-Албаб" Мухаммада Ауфи. Всего в этом тазкире, охватывающем творчество домонгольских поэтов, цитируется - наряду с касыдами, газелями и рубай - 246 кита. Доля двухбейтовых кита (их 94) составляет 38,5%.²

Детальное исследование литературного материала показывает, что двухбейтовые кита следует выделить особо, как широко популярную форму поэтических миниатюр, повсеместно распространенную у персоязычных народов в XII - начале XIII вв. По признакам краткости и мобильности эти стихи поднялись до соперничества с одной из самых замечательных (и демократичных) форм восточного стихосложения - рубай. Кита-четырёхстишия (назовем их так в отличие от четверостиший - рубай) складываются в особый вид бытового стихосложения: стихи как бы отмечены печатью непосредственной, живой связи с реальной действительностью: это - высказывания "на случай" или под настроение, часто экспромт, набросанная наспех записка. Стихотворение-реплика, так мы определяем жанр этих малых поэтических текстов, которыми поэт отзывался на ту или иную жизненную ситуацию. В них - самый широкий диапазон тем: эмоциональное восклицание о жизненных невзгодах, едкая эпиграмма, легкая шутка, острое словцо, притча, поучительная сентенция, житейский афоризм, философская формула миропонимания.

Приведем в виде образца несколько двухбейтовых "фрагментов" Анвари.³ Вот жалоба придворного панегириста на отсутствие истинных ценителей поэзии:

О, сколько слов, что были у меня, неизреченными остались!
Услышать их никто не возжелал - они навеки скрытыми остались.
Любое слово, что я произнес, жемчужиной просверленной стало,
Я втайне рад, что главная жемчужина моя - цела, непросверлен-
ною осталась!

Поэт признается другу, что сломлен ударами судьбы:

От козней небосвода - колеса судеб
Я не живу, а все дрожу от страха...
Ты мне твердишь: "Таков уж мир. Воспрянь душой!"
Я и хочу воспрянуть, но - никак!

Шутка, связанная, видимо, с каким-то реальным событием:
Уж ежели такой как я дождется, наконец, удачи,
Сам шах Санджар пришлет ему лихого скакуна.

Но боже упаси нас от ослов двуногих и двуруких,
Которым в голову взбредет направить другу в дар - осла!

Стихотворение-проклятие, за которым видно бессильное отчаяние поэта:

Да, если даже целый мир будет охвачен тиранией,
Ни к одному страдальцу на земле не снизойдет своей защитой
небо.

От звезд и от небес все наши беды, знай!
Пусть будут прокляты и небеса и звезды!

Подобные стихи-реплики, которыми профессиональный поэт вел свой диалог со временем, несомненно принадлежали к сфере живого человеческого общения, они многое могут сказать нам об идеологии предмонгольского общества и о речевой культуре средневекового восточного города.

-
1. Э.Н.Ворожейкин. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII - начало XIII в.). М., 1984.
 2. *Lubābu l-Albab of Muhammad Awfi*. Ed. by E.G.Browne and *Murza Muhammad*. London-Leyden, 1906, Part I; London-Leyden, 1903 part 2.
 3. *The divan of Anvari*. Vol. II. Ed. by M.T.Modarres Razavi. Tehran, 1961, p. 612, 706, 588.

Л.В.Жданова

ТЕМА "СНЕГА" В СТИХОТВОРЕНИЯХ ЛИ ГЮБО (II68-II24I)

Человек средневековой Кореи воспринимал окружающий его мир в рамках уходящей в глубокую древность самобытной традиции, для которой не все элементы и явления зримого космоса были одинаково значимыми. В результате их отбора, происходившего в недрах культуры, складывалась определенная картина мира человека корейского средневековья. Наиболее четко она прослеживается на материале поэтического текста, несущего как бы в спрессованном виде большой объем информации мировоззренческого характера. Наша задача - попытаться со временем воссоздать с помощью статистических и иных методов картину мира, запечатленную в поэтическом творчестве отдельного автора, принадлежащего средним векам в Корее. Целью настоящих заметок является выявление и описание (на уровне поэтических образов) одной из составных частей этой картины - стихии

снега, вдохновившей крупнейшего корейского поэта XII-XIII вв. Ли Гюбо на создание ряда стихотворений.

Ли Гюбо писал по-китайски. В современной ему поэтической традиции на родном языке, насколько можно судить по сохранившимся текстам, "снег" не представлен. В более поздней корейской поэтической традиции на родном языке, в частности в жанре сиджо XVI-XIX вв., "зиме" и "снегу" отводится менее места, нежели "весне" и "ветру", например, или "осени" и "дождю".¹

О корейской поэтической традиции на китайском языке, связанной с этой темой, мы можем судить по антологии XVI в. "Тонмунсон". В ней теме "снега" посвящены стихотворения, принадлежащие Лим Юджону, автору, предшествующему Ли Гюбо, Ли Инно (1152-1220), старшему современнику поэта, и Ли Джэхёну (1287-1367). Факт включения в антологию этих стихотворений говорит о том, что корейской поэзии на китайском языке тема "снега" не была чужда.

Предварительное рассмотрение стихотворений упомянутых авторов показывает, что трактовку этой темы они черпали главным образом из китайской поэтической традиции, в которой тема "снега" была довольно популярной (ср. творчество прославленного сунского поэта Су Дунпо, жившего более, чем на столетие ранее Ли Гюбо).²

Стихотворения Ли Гюбо, посвященные снегу, можно разделить на две группы: 1. стихотворения-размышления о природе такого феномена как снег (в их заглавия входит глагол "воспевать" - кор. ён, кит. юн); 2. стихотворения, в которых снег предстает как календарная примета (в их заглавиях фиксируется время в пределах циклического года, лунного месяца, дня и времени суток). В первой группе стихотворений доминирует созерцательное начало. Созерцание снега дает толчок последующим мыслительным усилиям автора, реализующимся в русле буддийско-даосской традиции, во второй - акцент делается на практических наблюдениях земледельца, предсказывающего по выпавшим осадкам урожай важнейших культур (здесь "снег" связан с аграрным циклом). Обращает на себя внимание, что как в первой, так и во второй группе снег менее всего выступает как эстетически значимое явление.³

Остановимся на одном из стихотворений Ли Гюбо, принадлежащим к первой группе, и попытаемся выявить стоящие за ним представления:

Воспевание снега.

[Словно] разрежали воду // и сделали чистые цветы. (1)

Мгновение - // и [они] вновь стали водой. (2)

Все это очень // напоминает фокусы. (3)

- Подумал: Небо, // конечно, не таково [чтобы их проделывать]. (4)
 Часто кажется мне, // уж не дождь ли, падая с вышины, (5)
 Оказался подверженным // холоду. (6)
 На полпути [к земле] // [капли его превратились] в замерзшие (7)
 цветы, (7)
 Неожиданно напомнившие // цветы из прекрасной яшмы. (8)
 Вот то, во что как будто // превратился дождь. (9)
 Кто // вырезал [эти цветы]? (10)
 Внимательно разглядываю // искусно [сделанные] шесть (II)
 лепестков. (II)
 Безусловно, // это - труд самого Неба. (12)
 Небо - поистине // фокусник. (13)
 Никогда не // знаешь его намерений. (14)
 Смотрю, как на солнце // [снег] тает и становится влагой. (15)
 И снова сливается // с потоками дождя. (16)
 Если захочет, // вновь станет цветами. (17)
 А они - как // сами впитаются в землю? (18)
 Небесный механизм - // тайна, ее трудно разгадать. (19)
 Поставил вино // и в одиночестве пьянею. (20)

[/8, т. III, 9 (45)]

Сквозной образ этого стихотворения - образ "снега - цветка". Снег сравнивается с чистыми цветами, которые сделали, разрезав воду (I строка); с замерзшими цветами, в которые превратились капли дождя (7 строка); с цветами, напоминающими цветы из яшмы (8 строка); с цветами с искусно вырезанными шестью лепестками (II строка).

Образ "снега - цветка" имеет давнюю традицию в дальневосточной поэзии. Встречается он и в корейской поэтической традиции на родном языке. Ср. сиджо, приписываемое Чон Чхолью (1537-1594):

В сосновом лесу выпал снег.

Каждая ветка - цветы!

Одну ветку хотелось бы сломать

И послать государю.

Но государь лишь посмотрит на цветы,

Как они тут же растут.

[/7, IOI?]

В основе этого поэтического образа лежат, по-видимому, архаические представления о снеге как о женском начале. Не случайно, в китайской культуре снежинки мыслились как цветы, отличающиеся от обычных лишь числом лепестков (шесть, а не пять)⁴ и потому принадлежащие к началу и нъ [/9, 154]. В пользу этих представлений

говорит и сохранившийся в одной из сунских повестей осколок, видимо, некогда существовавшего мифа, согласно которому снегом ведало женское божество по имени Дун Шуанчэн. Особый интерес вызывает атрибуты божества: кувшин из прозрачного стекла, в котором Дун Шуанчэн хранила снег, и золотые палочки для еды. Всего несколько снежинок лежало на дне кувшина. Когда небо затягивали снежные облака, Дун Шуанчэн палочками для еды била по кувшину и вытряхивала из него одну снежинку, после чего на землю падал благодатный снег толщиной в один чи [6, 104-105]. Согласно этому китайскому мифу, появление снега на земле связано с космическим актом творения божественной женщиной из одной "первоснежинки", хранящейся в специальном сосуде (ср. с хранением дождя в вазе, наполненной водой, которую божество дождя разбрызгивает кончиком своего меча, а также с хранением ветра или ветров в мешке другого китайского божества [10, 275]), множества снежинок. Битье золотыми палочками для еды по сосуду богиней снега (функционально тождественное разбрызгиванию кончиком меча воды из вазы божеством дождя) призвано было стимулировать этот акт творения.

Не менее архаичным представлениям обязан своим существованием и такой образ, распространенный в ранней корейской и японской поэтических традициях, как "пена на волнах". Мы не случайно упоминаем его, рассматривая образ "снега" у Ли Гюбо. Он встречается еще у Чхве Чхивона (857-?) в четверостишии, связанном с так называемой "Банановой притчей" Лецзы. "Пена" в этом стихотворении имела следующее лексическое выражение: л а н х у а, кор. н а н х в а - "цветы на волнах". "Цветами на волнах", гонимыми ветром в весеннюю пору года, поэт предлагал любоваться тем, кто был занят проблемой относительности яви и сна (подробнее об этом см. [2, 80-85]). Сходный образ встречается в японской антологии "Манъёсю", где "пенистые волны" водопада ассоциируются с "белыми цветами", которые девушки "изготавливают для священных алтарей", установленных на месте погребения [1, 237]. Таким образом, различные, но равно соотносенные с белым цветом феномены природы - снег и пена осмыслены в корейской и японской традициях через один и тот же образ "цветка". В ранней же японской поэзии "снег" часто сравнивается с "пенной" (примеры см. [5, т. 2, 1639, 1651 и др.]) или вместе с "пенной" служит сравнением для цветов (чаще всего сливы). Ср.:

Когда бы я цветы душистой сливы,

Что вся, покрывшись пеной снега, расцвела ...

[5, т. 2, 1641]

Не потому ли, что не ведают цветы
О том, что в декабре снег белый выпадает,
Как пена нежная, -
Здесь сливы расцвели ...

[/5, т. 2, 1648/

Вернемся к стихотворению Ли Гюбо. Оно посвящено творению силами космоса "снега" и природе этого кажущегося загадочным явления. К проблеме "творения снега" поэт подходит с нескольких точек зрения. 1. Акт "творения снега" как и акт "творения цветов", мыслится этим автором как операция вырезания (глагол *ц з я н ь*, кор. *ч о н* и глаголы *ц з я н ь к э*, кор. *ч о н к а к*), т.е. орудования ножницами или же каким-либо другим режущим инструментом божеством (как в стихотворении "Воспеваю хризантемы", где цветы "вырезает" - *ц з я н ь к э* мифический Зеленый император - *ц и н д и*, кор. *ч х о н ь д ж е*), либо некоей высшей силой - Небом, которое в некоторых китайских текстах представлялось персонафицированным (см., например, роман Ло Гуаньчжуна "Троецарствие", где одному из ученых задают серию вопросов типа "Есть ли у неба голова и в какую сторону она обращена?", "Есть ли у неба уши?" и т.д. [4, т. 2, 327]). 2. "Творение снега" представляется как игры Неба (образ Неба как фокусника - *х у а н ь с и*, кор. *х в а н х в и*),⁵ в основе которых лежит принцип превращения одного в другое. 3. Снег мыслится как производное от дождя (образ застывших капель дождя как яшмы).

Какой же предстает в стихотворении средневекового корейского поэта природа снега? Снег в стихотворении Ли Гюбо выступает как стихия, легко претерпевающая метаморфозы. Исключительная подверженность снега изменениям навеяна не одной лишь буддийской идеей бесконечного превращения одних феноменов бытия в другие, но и связана, как мы полагаем, с предшествующими проникновению на Дальний Восток буддизма культурными представлениями о природе воды, являющейся исходным материалом, из которого силы космоса творят снег, и природе цветов, мыслящихся подобными снегу. И вода, и цветы на Дальнем Востоке несут идею нестабильности, постоянной изменчивости мира. В стихотворении даны два типа метаморфоз, присущих снегу. Первый тип связан с представлениями о замкнутом, круговом характере превращений различных феноменов бытия (цепочка: вода - цветы (снег) - вода). Второй - порожден иными представлениями. Согласно им, снег выступает как стихия, на определенном этапе (при соприкосновении с землей) не подверженная превращениям, как бы разрывающая круг бесконечных трансформаций (цепочка: дождь - цветы

(снег) – земля). Размышления об этом типе метаморфоз приводят поэта к переключению с буддийских представлений о взаимных превращениях различных феноменов бытия на даосские, связанные с выходом личности из круговорота жизни, с преодолением ее проблемы постоянно происходящих в мире перемен, с признанием личностью всех явлений в мире как тайны "Небесного механизма" – т я н ь ц з и, ⁶ кор. ч х о н к и, познать которую невозможно. Отсюда и чисто даосский выход из тупика, в который завели поэта размышления о природе снега, – обращение к вину как к источнику забвения, как способу отключения сознания от суетного мира.

1. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М.И.Никитину за предоставленные ей неопубликованные материалы по данной теме.
2. Насколько нам известно, эта тема до сих пор не привлекала внимания специалистов в области изучения литератур стран Дальнего Востока, чему способствовало, по-видимому, мнение о том, что она находится на периферии тем, получивших наибольшее распространение в литературах древности и средневековья в данном регионе. Между тем, с ней пришлось неожиданно столкнуться Л.З. Эйдлину, переводившему вьетнамские стихи, написанные по-китайски и датированные XII в. Л.З.Эйдлина поразило то, что эти стихи были созданы в стране, никогда не знавшей снега [3, 202]. Так вместе с языком распространялись далеко на юг и темы, связанные с иной культурной традицией.
3. По мнению В.Н.Горегляда, это существенно отличает данную традицию, представленную в творчестве известного корейского поэта периода Позднего Корё, от классической японской поэтической традиции, где эстетическое начало превалирует.
4. Ср. с четверостишием Чхве Чживона "Воспевание снега" (№ 4) из цикла "Семисловные стихи, в которых описывается сила дэ", первые две строки которого построены на числовых образах "пятицветная кисть" – "цветы о шести лепестках" (1 строка) и "третий месяц зимы" – "все четыре стороны" (2 строка), а 3 строка несет образы "непарного" – "парного" (о поэтических строках) и тем самым поддерживает идею нечетных и четных чисел в предыдущих строках.
5. Этот образ представляется необычным для китайской культуры с ее чрезвычайно развитым культом Неба. В предшествующей и сопутствующей Ли Губо китайской поэтической традиции, зафиксированной в "Пэйвэнь юньфу", нам не удалось его обнаружить.
6. Значение термина ц з и применительно к даосским текстам ис-

следовано В.М.Алексеевым в этюде ко второму стансу Ськун Ту.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Е.Глускина. Буддизм и ранняя японская поэзия (по материалам "Манъёсю"). - Индийская культура и буддизм. М., 1972.
2. Л.В.Жданова. Четверостишие корейского поэта Чхве Чживона и "Банановая притча" Ле-цзы. - ПИ и ПИИИВ. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983-1985. Ч. Ш. М., 1985.
3. Иностранная литература, 1976, № 9.
4. Ло Гуань-чжун. Троецарствие. Пер. В.А.Панасюка. Т. 1-2. М., 1954.
5. Манъёсю. Пер. с японского и комментарии А.Е.Глускиной. Т. 1-3. М., 1971.
6. Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X-XIII вв.). М., 1972.
7. Сиджо чип (чон) (Сборник сиджо (полный). - Чосон мунхак чонджип чеильквон (Полное собрание корейской литературы, т. 1), Сеул, 1941.
8. Тонгук И сангук чип (Сборник министра Восточного государства - И). Т. 1-УП. Сеул, 1984 (Серия "Коджон кугёк чхонсо", т. 166-172).
9. Цыхай, Шанхай, 1949.
10. *Asiatic Mythology*. New York, [1963].

М.В.Иванова

ЛЕГЕНДЫ О ЁСИЦУНЭ В "ГИКЭЙКИ" - "ПОВЕСТИ О ЁСИЦУНЭ" (XV в.)

На протяжении нескольких веков после окончания междоусобной войны между родами Тайра и Минамото складывались легенды о ее героях. Чаще, чем о других, рассказывали о храбром и добром воине Минамото-но Ёсицунэ. О его необычайной популярности в средневековой Японии говорит создание в эпоху Муромати "Гикэйки" - "Повести о Ёсицунэ".¹

Точное время создания произведения не известно, как не известно и имя его создателя. Рукописей эпохи Муромати (а ученые сходятся на том, что самое вероятное время написания произведения - начало XV века) не сохранилось. Ранние из известных рукописей относятся к началу периода Токугава. Кроме названия "Гикэйки" (или "Ёсицунэ ки", как оно прочитывается в некоторых изданиях) в рукописях имеются два варианта названия: "Ёсицунэ моногатари" и "Хо-

ган² моногатари". Рукописи мало отличаются друг от друга, в основном наличием или отсутствием в восьмой части (восьмом маки) главы "Цугинобу кёдаи готобураи-но кото" ("Заупокойная служба по братьям Цугинобу [и Таданобу]"). За ХУП-ХУШ века было выпущено довольно много изданий произведения, ксилографические издания, а они более характерны для этого времени, чем книги, напечатанные с помощью подвижных литер, выходили в 1633, 1635, 1640, 1645, 1659, 1670, 1673, 1689, 1698, 1708, 1724 годах; четыре старопечатные книги датируются периодом с 1600 по 1633 год.³

Жанр "Гикэйки" обычно определяют как г у н к и (военная эпопея), но это произведение во многом отличается от более ранних, "классических" гунки ("Хэйкэ моногатари", "Гэмпэй сэйсуйки", "Хогэн моногатари", "Хэйдзи моногатари"). Первое, что отличает "Гикэйки", это отсутствие вариантов. Все рукописи, ксилографические издания, старопечатные книги практически идентичны, в то время как для ранних гунки характерно большое количество вариантов ("Хэйкэ моногатари", например, существует более чем в ста вариантах). Второе существенное отличие "Гикэйки" от других произведений этого жанра - наличие одного главного героя. В ранних гунки не только нет главных героев, но авторов этих произведений вообще мало заботили судьбы отдельных личностей, они были сосредоточены на судьбах многих, на судьбе целых кланов, всей страны, в этом смысле ранние гунки гораздо более эпичны, чем "Гикэйки". И, наконец, третье: отличие в стиле повествования. По стилю "Гикэйки" мало напоминает мозаичные гунки с их многочисленными отступлениями, историческими аналогиями, вставными эпизодами.

Биография Ёсицунэ, в том виде, в каком она изложена в "Гикэйки", не была выдумана автором произведения. Источником для написания такой биографии служили многочисленные легенды о Ёсицунэ. Первые легенды сложились еще в эпоху Камакура, непосредственно по следам событий, это легенды, которые были включены в "Хэйкэ моногатари" и "Гэмпэй сэйсуйки" - рассказы о "центральном эпизоде" (по выражению В.М. Жирмунского) подвигов героя, об его участии в войне. В эпоху Муромати появились легенды о детстве Ёсицунэ, они менее других основаны на исторических фактах, в них очень силен фольклорный элемент. Тогда же были созданы и легенды о трагической судьбе Ёсицунэ после разрыва с братом, в которых ярко обрисованы образы людей, оставшихся с Ёсицунэ в этот трагический период его жизни.

Ко времени создания "Гикэйки" цикл легенд о Ёсицунэ уже сложился. Об этом говорит тот факт, что на его основе приблизительно в одно время с "Гикэйки" было создано большое количество произве-

дений в других жанрах, в том числе отогидзоси "Дзёрури дзюнидан дзоси" ("Двенадцать данов о Дзёрури"), "Тэнгу-но дайри" ("Дворец тэнгу"), "Ондзоси сима ватари" ("Путешествие Ондзоси на острова"), "Ониити Хогэн"; ковака "Фусими Токива" ("Токива в Фусими"), "Мирайки" ("Хроника будущего"), "Фузэ-но маки" ("Свиток о флейте"), "Косигоэ", "Оисагаси" ("Осмотр дорожных корзин"), "Ясима", "Идзуми-га дзё" ("Крепость Идзуми"); ёкёку "Тадано-бу", "Ясима", "Курама тэнгу" ("Тэнгу из Курама"), "Фуна Бэнкэй" ("Бэнкэй в лодке"), "Футари Сидзука" ("Две Сидзуки") и многие другие произведения. Автор "Гикэйки", безусловно, был знаком с многочисленными легендами о Ёсицунэ, но его произведение не является простой компиляцией. Автор отобрал и обработал легенды, пользуясь определенными принципами, о которых можно лишь догадываться, так как в книге нет никакого предисловия (или, что тоже вполне возможно, предисловие было утрачено, как и имя автора, и дата создания "Гикэйки").

"Гикэйки" состоит из восьми частей. Из них биографии Ёсицунэ до войны 1180-1185 годов посвящены три первых части и первая глава четвертой части (в третьем маки первые пять глав рассказывают о Бэнкэе). Для того чтобы понять, как автор отбирал материал для этой части книги, удобнее всего рассмотреть четыре легенды с одной и той же темой: они повествуют о том, как Ёсицунэ сумел проникнуть в тайны военного искусства.

Легенда "Сима ватари" ("Путешествие на острова") (литературным источником этой легенды является отогидзоси "Ондзоси сима ватари") рассказывает о том, как Ёсицунэ предпринял путешествие на остров Эдзо к королю-демону по имени Канэхира для того, чтобы познакомиться с книгой "Закон будды Дайнити", в которой были изложены тайны военного мастерства. Легенда похожа на сказку: сначала Ёсицунэ побывал на различных островах, населенных сверхъестественными существами, потом стал учеником демона, тот научил его различного рода колдовству; обманом получив книгу, Ёсицунэ спасся лишь благодаря знанию секретов, которые ему открыла Асахи - дочь демона.

В легенде "Курама тэнгу" ("Тэнгу из Курама") (литературными источниками здесь являются ёкёку "Курама тэнгу" и ковака "Мирайки") Ёсицунэ учится секретам военного искусства у сказочных тэнгу - крылатых существ с красными лицами и длинными носами.

Тэнгу является учителем Ёсицунэ и в легенде "Дзигоку-кай дэнсэцу" ("Прохождение сквозь ад") (литературный источник - отогидзоси "Тэнгу-но дайри"), причем, кроме сказочного, здесь очень си-

лен также религиозный буддистский элемент.

Автор "Гикэйки" включил в произведение легенду "Ониити Хогэн" (кроме "Гикэйки" этот сюжет использован в ёкёку "Ганкай" и в отогидзоси "Ониити Хогэн"). Ониити Хогэн живет в столице, аристократы и знатные самураи учатся у него военному искусству, взять в ученики Ёсицунэ он отказывается, тогда Ёсицунэ становится возлюбленным дочери учителя и с ее помощью добывает нужное ему китайское сочинение, которым владеет Ониити Хогэн. Многие составляющие сюжета здесь те же, что и в легенде "Сима ватари", но сказочности легенды об островах здесь нет.

Вероятно, автор "Гикэйки" хотел создать "реальную" биографию своего героя, во всяком случае, он не включил в произведение легенды-сказки "Сима ватари", "Курама тэнгу", "Дзёрури". Легенда о Дзёрури, кроме обилия сказочных мотивов, полна и буддийских элементов, такие легенды автор тоже не включал в произведение, например легенду "Токива мондо" ("Вопросы и ответы Токивы"), в которой рассказывается о посещениях матерью Ёсицунэ монастыря Курама, где она показывает большую осведомленность в буддийских проблемах. Очевидно, автор не хотел придавать произведению сильную буддийскую направленность, которая характерна для многих других произведений эпохи Муромати, в том числе и для сочинений о Минамото-но Ёсицунэ. Не включил автор в "Гикэйки" и легенду "Ясима Токива" ("Токива в Ясима"), в которой рассказывается о трагической гибели Токивы от рук разбойников. Эта легенда противоречила историческим фактам: известно, что в то время, о котором говорится в легенде, Токива жила в столице, об этом сказано в исторических сочинениях, в частности в "Адзума кагами".

По хронологии дальше должны были бы идти легенды о военной карьере Ёсицунэ, то есть те эпизоды, которые уже были знакомы читателям по "Хэйкэ моногатари" и "Гэмпэй сэйсуйки", но автор не включил их в свое произведение. Вероятно, он хотел дополнить, а не повторять "Хэйкэ моногатари". Вся история войны 1180-1185 годов изложена в одном предложении:

"Ондзоси в третий год Дзюэй [1184] пошел на столицу и выбил оттуда Тайра, везде - при Итинотани, в Ясима, при Данноура он был верным воином, первым бросаясь в бой и в конце концов разбил Тайра окончательно; он взял в плен военачальника Тайра, бывшего первого министра Мунэмори и его сына, с ними и еще тридцатью пленниками он вошел в столицу и после аудиенции у экс-императора, уже в первом году Гэнряку [1184], стал полицейским чиновником пятого ранга (кэмбиси гои дзё)".⁴

Два эпизода из "Хэйкэ", которые автор "Гикэйки" включил в произведение, это "Косигозэ" и "Хорикава ёути" ("Ночная атака на дом Хорикава"). Письмо Ёсицунэ к брату, написанное в Косигозэ, когда Ёритомо запретил Ёсицунэ войти в Камакуру, является историческим документом, этот эпизод представлен в "Гикэйки" практически так же, как и в "Хэйкэ", а вот эпизод "Хорикава ёути" претерпел значительные изменения. За два века, которые отделяют время создания "Гикэйки" от времени записи "Хэйкэ моногатари" образ Ёсицунэ стал совершенно другим: из некрасивого, но мужественного, гордого, порой безрассудного юноши, каким представлен Ёсицунэ в "Хэйкэ моногатари", он стал героем-идеалом, идеально красивым, идеально добрым, идеально мужественным и т.д. В "Хэйкэ" в эпизоде "Хорикава ёути" Ёсицунэ храбро бросается в бой, защищая себя и других, в "Гикэйки" он вообще не появляется на поле сражения представляя вассалам защитить его. Во второй половине книги Ёсицунэ совершенно пассивен, за него действуют Бэнкэй, Сидзука, Таданобу. В этой части книги особенно полно использованы существовавшие легенды о Ёсицунэ. Скорее всего, автор здесь пользовался не устными вариантами легенд, а письменными источниками, в первую очередь историческим сочинением "Адзума кагами".

"Гикэйки" - сочинение, в которое включены (в несколько переработанном, конечно, виде) многие легенды о Ёсицунэ, поэтому оно сыграло в дальнейшем существенную роль в японской литературе, особенно периода Эдо, как литературный источник легенд о Ёсицунэ. Кроме того, что не менее важно, именно в "Гикэйки" - произведении крупной формы - был создан (разработан, закреплён) тот образ-знак, который встает перед читателем, когда речь идет о Минамото-но Ёсицунэ.

-
1. См. перевод "Гикэйки" на русский язык: Сказание о Ёсицунэ. Перевод со старояпонского А. Стругацкого. М., 1984.
 2. Минамото-но Ёсицунэ известен под несколькими именами: Усивака, Сёнао, Ондзоси, Хоган, Куро Ёсицунэ.
 3. См. Симадзу Хисамото. Ёсицунэ дэнсэцу то бунгаку. (Легенды о Ёсицунэ и литература). Токио, 1935, с. 635-640. Н.С. McCullough. Yoshitsune: A fifteenth-century Japanese chronicle. Tokyo, 1966, p. V-VI.
 4. Перевод по "Нихон котэн бунгаку тайкэй" (серия "Японская классическая литература"), т. 37, Токио, 1959, с. 142.

ФOLЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В "ЗАПИСЯХ О НЕОБЫЧАЙНОМ" ФАМ ДИНЬ ХО И НГУЕН АНА

1. На становление и развитие вьетнамской прозаической литературы оказали большое влияние две традиции: местная культурная, в частности фольклорная, и китайская письменная. Взаимодействие этих традиций проявилось и в литературе 18 - нач. 19 вв. Проследим это на материале "Записей о необычайном"¹ - сборника небольших рассказов, написанного Фам Динь Хо и Нгуен Аном в начале 19 в.; основное внимание уделим фольклорной традиции.

2. Связь с китайской литературной традицией проявилась в следующем:

2.1. Название сборника (Танг тхыонг нгау лук). Первые два слова - "танг тхыонг" (кит. сан цан - тутовое дерево, голубой) - это усеченный вариант литературного китайского выражения "цан хай сан тянь" - "синее море превращается в тутовое поле", употребляющегося когда речь идет о каких-то необычайных событиях, изменениях.

2.2. Литературная форма. "Записи о необычайном" написаны в форме "бутки" (кит. бицзи) или "туйбут" (кит. суйби), у вьетнамских литературоведов нет единого мнения по этому вопросу. Сборник представляет собой литературную смесь: здесь можно встретить предание, заметки информативного и дневникового характера, новеллы. Так же, как и в китайской литературе такого рода, отсутствует тематическая подборка. Но, в отличие от китайских "бицзи" и "суйби", каждый рассказ из "Записей о необычайном" озаглавлен, у некоторых даже отмечены авторы - псевдонимы Фам Динь Хо или Нгуен Ана - Тунгниен или Кинь фу.

2.3. Построение некоторых рассказов. Их героями являются известные во Вьетнаме исторические лица. Рассказ в таком случае часто строится в форме китайской традиционной биографии и назван именем главного героя. Так, например, в рассказах из "Записей о необычайном" о Ть Ван Ане, знаменитом поэте 14 в., и Во Конг Чане, видном сановнике 18 в., излагаются, в основном, те же события, что и в официальных биографиях этих людей, написанных историком начала 19 в. Фан Хюи Тю. Повествования из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана, как и биографии, начинаются с указания откуда герой родом, далее следуют описание его деяний, приводятся должности, титулы героя, время их получения, в заключении может рассказываться о почестях, оказанных герою после смерти - превращении

его в духа, также иногда упоминается о его потомках.

3.1. В "Записях о необычайном" обнаруживается связь с вьетнамским фольклором. Повествования, созданные на основе народных преданий, поверий могут быть организованы в отдельный рассказ или же составляют большую или меньшую часть информативной заметки, рассказа об историческом персонаже, построенного в форме биографии. Эти рассказы, связанные с фольклором, тематически вместе не связаны.

3.2. В "Записях о необычайном" выделяются рассказы, в которых упоминаются верования, основанные на обожествлении реальных исторических лиц, многие из этих людей стали духами - покровителями общин (деревень). При жизни они оказали большие услуги стране, королю, деревне, или уже после смерти проявили себя сверхъестественным образом, прославившись совершением добрых дел. Отметим две разновидности таких повествований: в одних речь идет о земной жизни исторического лица, и заканчиваются они сообщением о посмертном обожествлении героя, о его потусторонней деятельности ничего не говорится; в других же повествованиях, напротив, персонажами являются уже обожествленные исторические личности, то есть рассказывается об их поступках после смерти.

3.3. Часть рассказов из сборника Фам Динь Хо и Нгуен Ана представляют собой как бы записи народных преданий. Таково, например, предание об Озере Возвращенного Меча, в основе которого скорее всего лежит распространенный у народов всего Индокитая миф о чудесном мече.² История чудесного меча связывается здесь с личностью Ле Лоя - национального героя Вьетнама, возглавившего в 15 в. борьбу против китайского господства. Можно добавить, что во Вьетнаме, вероятно, издавна бытовали архаические представления о связи чудесного оружия с водяными животными, в частности с Золотой Черепахой.

3.4. Водяные существа были популярны во вьетнамском фольклоре. В "Записях о необычайном" есть целый цикл преданий, связанных с обитателями подводного царства: черепахами, водяными змеями, рыбами. Особенно часто в сборнике Фам Динь Хо и Нгуен Ана речь идет о "тхуонг люонгах" - фантастических животных, похожих на змею или ящерицу.³ Вероятно, во Вьетнаме с ними были связаны какие-то культы. Например, о такого рода культе, возможно, говорится в предании о храме Динь Ланг, где рассказывается об одном из сыновей короля династии Ли, который превратился в тхуонг люонга и исчез в водах одного из озер. На берегу этого озера в честь него была воздвигнута кумирня. Несколько историй о водяных существ-

вах объединены в "Записях о необычайном" в рассказе под названием "Река Зунг". В одной из них упоминается миф о борьбе духа Гор и Духа Вод.

3.5. Судя по рассказам из "Записей о необычайном" мир духов и мир людей тесно взаимосвязаны. Водяные духи, например, похищают девушек себе в жены, предоставляя им, однако, возможность время от времени выбираться наверх, а иногда и совсем отпускают. Общение с духами часто происходит во сне, хотя они появляются и наяву (некоторые сверхъестественные существа могут представлять в образе девушек-красавиц); предсказания же их всегда сбываются. Людской правитель мог возвести в ранг духа какого-либо выдающегося человека, как правило, после его смерти. В зависимости от конкретных действий того или иного божества тот же правитель вправе был понизить ему титул или наоборот присвоить более высокий. Так, в рассказе "Река Док", правитель пожаловал речному духу высокий титул в награду за то, что тот помог ему продолжить прерванный путь - срыл песчаную отмель, преграждавшую дорогу лодке.

3.6. Главой всех сверхъестественных персонажей в "Записях о необычайном" представлен Верховный Владыка (Тхьонг де, кит. Шанди). Люди в случае необходимости могут ему пожаловаться на духа, и тогда Верховный Владыка его карает. Так случилось в истории про некоего До Уонга, на которого беспричинно напал дух-покровитель одной из деревень. Вернувшись к себе домой, До Уонг написал жалобу, и преследовавший его дух был наказан. В нескольких рассказах действия Верховного Владыки напоминают бога Грозы. Когда он хочет покарать духа, начинается сильный дождь, а кумирня провинившегося оказывается разбитой ударом молнии. Храм некоего духа, например, был разрушен в наказание за разглашение небесной тайны: этот дух, обернувшись красавицей-девушкой, сообщил школяру о его будущем благополучии и успехе на экзаменах.

4. Материал "Записей о необычайном" позволяет поставить вопрос о взаимопроникновении двух культур: местной, вьетнамской, во многих рассказах представленной мифологическим слоем, вероятно связанной с традицией Юго-Восточной Азии, и китайской, которая выступала в сборнике как своеобразный оформитель материала.

1. Phạm Đình Hồ', Nguyễn Ấp. Tang thường ngẫu lục, Hà-nội, 1960.

2. Я.В.Чеснов. Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае. - Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970, с. 87.

В. В. Кушев

АФГАНСКИЕ (ПАШТУНСКИЕ) ПЛЕМЕНА ХАЙБАРА И ТИРАХА
В СТИХАХ АЛИ-АКБАРА ОРАКЗАЯ

Афганские и персидские стихи поэта XVIII века Али-Акбара Оракзая, сохранные уникальной рукописью в собрании Матенадарана, могут представить интерес как источник по истории Афганистана и афганских (паштунских) племен в период правления династии Дуррани. Эти произведения не только позволили установить многие факты из жизни и многосторонней литературной и военно-политической деятельности их автора, о котором не было никаких сведений, но также содержат дополнительную информацию о правителях, разного рода административных, военных, религиозных деятелях, литераторах дурранийской державы, называют имена лиц, бывших неизвестными. Нередко раскрываются их характеры, особенности их взаимоотношений. В сочинениях Али-Акбара упоминаются также топонимы обширной территории от Кабула и Кандахара на западе до Кашмира и Лакхнау на востоке и названия некоторых народностей и паштунских племен. В числе последних - племена, населяющие область Хайбара и Тираха: афридии (априди), чамкани (цамкани) и оракзаи (оракзи, врэкзи), к которым принадлежал сам поэт.

Оракзаи, занимавшие заметное место в истории афганцев и игравшие порой прогрессивную роль во многих важных политических и военных событиях, привлекали к себе незаслуженно малое внимание по сравнению с соседними афридиями и теми племенами, с которыми находились в постоянных отношениях: юсуфзаями, хаттаками, вазирами. Случалось даже, что это племя и его представители рассматривались как относящиеся к афридиям и упоминались под этим именем, что, по-видимому, вызывалось территориальной близостью и взаимопроникновением, экономической и исторической общностью этих двух племен при определенном превосходстве афридиев, хотя эти обстоятельства не являются достаточным основанием для подобного смешения.

Сегодня оракзаи являются основными жителями области Тирах (Тира), занимая преимущественно долины рек Мастура-Той (приток р. Бара, впадающей в р. Кабул), Ханки-Той (приток р. Кохат, впадающей в Инд) и Хурмана (приток р. Куррам, впадающей в Инд) с прилегающими южными склонами хребта Торгар и северными склонами хребта Са-

мана. На западе район их расселения захватывает часть Куррама, на территории которого обитает значительное число оракзаев. Небольшое количество их находилось в Хайбаре или приходило туда: около Джама (вблизи города Джамруд) в начале века еще существовала их полузаброшенная деревня, а сам поэт Али-Акбар причисляет себя к жителям именно хайбарского Тираха.

По-видимому, почти такими же были границы расселения оракзаев до XIX века, когда они предприняли экспансию и сумели овладеть северным и северо-восточным Кохатом. Однако в том же столетии они были вытеснены оттуда хаттаками и бангашами и были вынуждены вернуться в горные долины Тираха. Бабур, называя племена к югу от Юсуфзаев Свата и Пешавара, упоминает афридиев в районе Хайбарского прохода, оракзаев и вазиров. Шинвары, оракзаи и афридийские подразделения заха-хель и куки-хель владели Хайбарским проходом до XIX века, когда афридиям удалось занять здесь доминирующее положение, вытеснив оракзаев.

Перепись паштунского племенного населения не производилась, и существуют лишь оценочные данные. Прежде определялось количество воинов, которых могли выставить племя и его подразделения. На начало века оракзаи имело 26100 воинов, причем основную силу представляло подразделение, которое так и называется - лашкарзи, т.е. "войсковое" (6500 воинов). Всего же было известно десять подразделений, остальные: масози (4500), мишти (3000), шейхан (3000), алихель (3000), даулатзи (2000), исмаилзи (2000), маллахель (800), ализи (500), мухаммадхель (300). (На середину XIX века Раверти называл сто двадцать тысяч душ оракзаев и афридиев вместе взятых). Согласно М.Г.Асланову, в 50-х гг. нашего века в племени оракзаев насчитывалось двести пятьдесят тысяч человек, в том числе в Афганистане, по данным В.А.Ромодина, двадцать тысяч. С учетом принятого процента прироста населения можно оценивать численность оракзаев сегодня равную приблизительно тремстам пятидесяти тысячам. Кифер, очевидно, имел данные только по Курраму и называет для этого района (около 1980 г.) сто пятьдесят тысяч оракзаев.

Численность афридиев на середину XX века, по М.Г.Асланову, - около двухсот пятидесяти тысяч, в том числе в Афганистане, по данным В.А.Ромодина, тринадцать тысяч. Согласно Киферу, всего в Пакистане и Афганистане (около 1980 г.) - четыреста тысяч, которые живут в Хайбаре, северном Тирахе, северном Кохате и в машреки (в Нанграхарской провинции) и имеют зимовки в долине Каджури, выходящей на пешаварскую равнину. Подразделения племени: заха-хель, кукихель, акахель, маликдин(хель), камбар(хель), адамхель,

камархель, дзангальхель, камрай, сепай; известны клан захакхель бостихель и зияуддин – вероятно, клан акахель. В начале века захакхель и камбар имели по 4500 воинов, маликдин – 5000, кукихель – 4000, сепай – 1200, камрай – 600.

Априди и оракзи, объединенные общими историческими узлами, обычно выступали в союзе против своих врагов, но случалось им быть в разных лагерях и, как отмечалось, воевать друг с другом. Они очень близки и в экономическом отношении: оба племени занимаются скотоводством с перекочевками на зимние и летние пастбища, рисосеянием, ткачеством, постоянно участвовали в транзитной караванной торговле и охране путей. Живучесть родо-племенного устройства способствовала долгому сохранению обычая переделов земли (веш) и решающей роли джирги (совета племени).

Оракзи вместе с афридиями, хаттаками и еще двумя десятками племен входят, согласно традиционным генеалогиям, в группу карлани, единственную из пяти генеалогических ветвей, которая ведет свое начало не по прямой мужской линии от общего предка всех афганцев. Все три названных племени возводят свою родословную к одному предку Кодаю, но оракзи (с утманхелями) от его первой жены, а априди и хаттаки (с мангалами, дзадранами, дзадзи, хугиани, тури) – от второй. Характерно, что все перечисленные племена живут достаточно компактной группой, в основном в горных районах (рох) между Сулеймановыми горами и реками Инд и Кабул (Ландай), говорят на диалектах северо-восточной группы, но имеющих отличительные особенности, благодаря чему современные исследователи выделяют их в особую промежуточную группу (кроме хаттаков Кохага).

Сравнительно немногочисленное племя цамкани, так же как и соседнее с ним крупное племя шинвари, принадлежит к восточной подветви (харшбун) главной ветви паштунского древа – сарбани. Цамкани входят в группу горяхель вместе с известными племенами момандов, халилов, даудзаев. Общая численность цамкани неизвестна, в Афганистане в середине нашего столетия их было тринадцать тысяч. Основная масса племени живет в северном Курраме, в районе западнее Тираха и восточнее города Парачинар, на севере цамкани отделены от шинваров хребтом Сафедкох (Спингар). Через земли этого массива цамкани ведет один из путей из долины Пешавара на запад, в Афганистан, через перевал Певар. В Афганистане цамкани занимают территорию в 60–100 км от этого массива племени, юго-западнее Певара, по долине верхнего течения Куррама, в уезде на северо-востоке Пактии, который назван их именем. Их центр здесь – селение Цамкани. На севере граница этой части племени определяется хребтом с вершиной Мандхир, на западе – грядой с вершиной Бакиар.

Наконец, село Цамкани со смешанным в племенном отношении населением есть в десяти км (трех курухах) от Пешавара на дороге в Атток. Еще на двадцать пять км (восемь курухов) восточнее - деревня ази-хеля, одного из кланов цамкани. Нельзя не упомянуть, что пешаварской Цамкани знаменито тем, что в нем жил и похоронен суфийский шейх миа Умар Цамкани, духовный наставник Ахмед-шаха Дуррани и многих его высших чиновников: первого вазира, заместников Кашмира, правителей Пешавара из знатных родов попальзаев и бамизаев. С глубоким уважением пишет о миа Умаре и поэт Али-Акбар, встречавшийся с шейхом. Умар и его сыновья - авторы нескольких трактатов по вопросам мусульманского богословия, их предки принадлежали к орденам кадири и чистти, а Умар руководил суфиями накшбанди.

Племя шинвари занимает ту же территорию между рекой Кабул и хребтом Сафедкох, до Хайбарского прохода на востоке и верховьев Куррама на юго-западе, где их застал Тимур и где Бабур встретился с хизхелем, вероятно, подразделением шинваров. Как и цамкани, они относятся к восточной подветви сарбанов. По В.А.Ромодину, их численность только в Афганистане - сто восемьдесят тысяч, но по более поздним данным Кифера их общее число - сто тысяч. В Пакистане шинваров немного, они занимают небольшую территорию в Хайбаре возле афганской границы. Дialect шинвари оказывает сегодня большое влияние на формирование литературной нормы афганского языка.

Литература

М.Г.Асланов. О формировании афганского национального языка. - Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М.-Л., 1963, с. 3-23.

Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958.

В.А.Ромодин. Генеалогическая структура основных групп афганских (паштунских) племен и их расселение в XVI-XVII вв. - Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980, с. 239-251.

В.А.Ромодин. Некоторые историко-демографические данные об афганском (паштунском) населении Афганистана. - Страны и народы Востока. Вып. XV. М., 1973, с. 169-172.

М.И.Атаи. Дэ Паштунистан мас'ала. Кабул, 1348 (1969).

Абдурауф Бенава. Паштунистан. Кабул, 1330 (1951).

Абдушкаур Рашад. Дэ Цамкано Миа Умар. Кабул, 1981.

Imperial gazetteer of India. Vols. V (p.69), XVI (p.51), XV (p.302, 342-345), XIX (p.241), XXIII (p.388-390). Oxford, 1908.

Ch.Kieffer. /Afghanistan/, Languages. - Encyclopaedia iranica. Vol. I, fasc. 5, p. 501-507.

(Военно-политическая история племен отражена в обобщающих трудах И.М.Рейснера, В.М.Массона и В.А.Ромодина, Г.Ф.Гирса и в ряде

работ западных востоковедов. Основные источники по папгунским племенам: Хайат-и афгани, Хуршед-и джахан, Хуласат ал-ансаб, Тарих-и мурасса, Тарих-и афагина, Тазкират ал-абрар ва-л-ашрар).

Ж.С.Мусаэлян

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КУРДСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В ЖУРНАЛЕ "ХАВАР"

Первый номер общественно-политического и литературно-художественного журнала "Хавар" ("призыв, воззвание") вышел в Дамаске 15 мая 1932 г. в период, когда возросла роль идеологического фактора в освободительной борьбе после поражения курдского движения в 20-х гг. Курдская периодическая печать с самого своего зарождения, выражавшая национально-освободительные идеи, нацеленная на повышение национального самосознания, была органом курдских политических организаций или же отдельных политических и общественных деятелей.

Журнал "Хавар" издавался по инициативе политического и литературного деятеля Джаладета Бадырхана - издателя, главного редактора, обозревателя, переводчика. В нем впервые в истории курдоведения использован разработанный Дж.Бадырханом латинизированный алфавит курдского языка. Вначале журнал выходил два раза в месяц, а затем из-за денежных трудностей его издание стало нерегулярным и в августе 1943 г. прекратилось. В журнале принимали участие многие курдские писатели, публицисты и общественные деятели, проживавшие в Сирии, Иране, Ираке, Египте, Ливане, Турции и др. странах. Дж.Бадырхану помогал его брат Камуран Бадырхан, корреспондентами, публицистами выступали Джагархун, Осман Сабри, Кадриджан и др.

Журнал "Хавар", рассчитанный на самые широкие круги, призывал к пробуждению национального самосознания, к содействию общего культурного развития курдов, к сохранению литературных памятников прошлого, народного творчества, обычаев и традиций, к развитию курдского языка. Всего опубликовано 57 номеров этого журнала.¹ В первом номере были изложены цели и задачи "Хавара". Особое внимание уделялось изучению произведений курдских классиков (Али Харири, Ахмеда Хани, Мелае Джезири), известных современных курдских писателей и поэтов. Было напечатано 187 стихотворений более 50 поэтов различных частей Курдистана (Джагархуна, Османа Сабри, Камурана Бадырхана, Мустафы Боти, Хошкара и др.²

В числе программных целей журнала "Хавар" было изучение и популяризация курдского народного творчества. Придавая огромное значение национальному фольклору, редакция журнала исходила из того, что фольклор является важнейшей составной частью духовного богатства народа, содержит много образцов художественного мастерства, на которых могут учиться молодые писатели и поэты и которые питают их творчество. Фольклор публиковался почти в каждом номере, начиная с № 4. Текст латиницей сопровождался переводом и комментариями на французском языке, сделанными обычно Тавуспарезом (Роже Леско). Из номера в номер печатался текст и перевод народной поэмы "Мам и Зин" под названием "Маме Алан", были изданы два варианта сказания "Сиабанд и Хадже", легенды о происхождении названия горы Бингодь, что находится на юге Эрзерума, и о правителе Ботана Мир Мухаммаде. Проза в журнале представлена также сказками о животных ("Лиса и петух", "Осел, волк и лиса"), притчей "Человек и змея", пословицами, поговорками, загадками (177 наименований), печатавшимися в пяти номерах.

Однако основное место в журнале "Хавар" занимает народная лирика. Здесь представлены 25 песен большой формы, записанных в Турции, в районе Ботан. Они выражают внутренний мир человека со всей его гаммой чувств, переживаний, утраченных иллюзий и надежд. В этих лирических песнях редко поется о счастливой любви, влюбленные сетуют на свою судьбу, на препятствия, создаваемые родителями к их браку. В песне "Прекрасная Айше" юноша жалуется: "Твои родители нарушили [данное] нам слово" (№ 7). И юноша не мог жениться по любви из-за бедности или социального неравенства: "Калым за меня большой, откуда ты возьмешь?" - говорит девушка ("Шахино", № 37).

Спасение от брака с нелюбимым - похищение, которое может коварным образом изменить судьбу юной курдянки. В этой же песне девушка просит похитить ее весной, когда их семья отправится на летнее пастбище. Песни раскрывают трагедию женщины, выданной замуж поневоле за старика, рассказывают о презрении молодой жены к постылому мужу. Выданная замуж не по любви, курдянка до конца жизни не могла уже освободиться от тягостного брака. Уйти от мужа она не могла. Хотя развод разрешался, но фактически никогда не практиковался, поскольку противоречил национальным традициям. "Негодня мужа [скорее] убьют красавиц жен, но не дадут развода" ("Прекрасная Айше", № 7). И муж-убийца брался под защиту всеми, даже его кровными врагами. Популярна у курдов песня "Басна" (№ 22), имеющая различные варианты. Юная девушка из племени оме-

ри подлюбила богатого юношу из этого же племени, но отец выдал ее за старого Ибрагима Тамо. Прожив несколько лет с постылым мужем, она была похищена возлюбленным.

Очень распространена тема разлуки, связанная с препятствиями, трудностями, возникающими для любящих. Обычно разлука вызвана тем, что юноша отправляется на чужбину: на службу в турецкую армию или же на заработки. "О злосчастный!" - песня молодой женщины, покинутой своим женихом, отправившимся в другую деревню жениться. Она вышла замуж за своего двоюродного брата, однако тоскует, вспоминает свои встречи с неверным, которого продолжает любить и в то же время ненавидеть. Велико ее горе, велико ее желание отомстить.

Слышала я, ты женился, сватался к одной [девушке],

Если она лучше меня, будь счастлив, я не прокляну тебя,
ты далеко от меня,

Если же нет, да сотворит всевышний, чтобы иссушил тебя
недуг, осталась лишь горсть костей, [брошенных] на ветер,

Чтоб ты ослеп и был в [моей] власти! (№ 38)

События другой любовной песни (№ 24) разворачиваются на историческом фоне. Женщина поет о перипетиях войны и горечи разлуки со своим возлюбленным. В песне отразилась битва Ибрагима-паши - предводителя племени милли с арабами на территории Нисибина. Битва примирила племена, соперничавшие с милли: такие как кики, приняли сторону Ибрагима-паши, и под натиском курдов арабы были вынуждены отступить.

Песня "Мой отец" (№ 40) создана на смерть Ахмеда-аги - вождя племени реман, обитавшего в окрестностях Диарбекира. Он выступил против султана и погиб. К моменту гибели Ахмеда-аги его старший сын Амин был еще слишком мал, чтобы ему наследовать. Жена покойного Парихан возглавила племя и продолжала бороться против турецких властей. На коне с оружием она устремлялась вперед во главе войска. Ее сопровождали дангбежи, которые слагали в ее честь песни. Ее репутация затмила славу Ахмеда-аги, а сыновья его были больше известны, как сыновья Парихан.

В журнале "Хавар" опубликованы также несколько колыбельных и хороводных (плясовых) песен. Наибольший интерес представляет "Колыбельная Фате" (№ 27), записанная в 1919 г. из уст жительницы сирийской деревни, разграбленной и уничтоженной во время войны Ибрагима-паши с турками. У этой женщины в конце войны погиб сын и умерла дочь, свою колыбельную она пела маленькому сыну.

В зачинах песен помещены пейзажные описания. Пейзаж дается как конкретный фон, как реальная обстановка, среди которой раз-

вертывается сюжет, помогает созданию настроения, углубляет и проясняет основную мысль, воспроизводит реальные черты места и времени описываемых событий, выражает душевное состояние героев. Описание природы связано с последующими строками куплета, оно созвучно с общим тоном событий песен, подчеркивает сходство явлений живой природы с состоянием героев. Сопоставление человеческих чувств с явлениями природы может быть построено на контрастном параллелизме. Природа служила для курдской народной поэзии источником, откуда она черпала свою образную символику. Весна - время, на фоне которого разворачивается диалог между влюбленными (№ 54). Начало каждой строфы вызывает в памяти картины природы: вершины гор, покрытые снегом, потоки, падающие с гор, перелет птиц. Весна, цветы, восход солнца символизируют любовь и радость свидания. Осень, осыпавшиеся листья, высокие горы, холод, тучи, ветер - означают горе, тоску, отчаяние, олицетворяют непреодолимость стоящих на пути влюбленных препятствий. В двух осенних песнях, записанных в Ботане в форме диалога юноши и девушки (№ 28), каждая строфа начинается с упоминания прихода осени: туман окутывает горы, потоки, вызванные дождями катят свои шумные воды, снега покрывают вершины гор. Наступает зима. Шатры покидают свои летние пастбища, чтобы спуститься в долины. Конец беззаботности прекрасных дней, пора прощания, жалобы на то, что кто-то может умереть.

Символика основана на применении различных художественных приемов (метафора, сравнение, олицетворение, параллелизм и др.). Девушка желает быть безрогим ягненокм и в течение трех ночей (самых длинных в году) и сорока дней (самых холодных) спрятать свою голову под войлочную накидку пастуха. Юноша завидует корешкам растений, которые собирают девушки и продают на склоне Карачага и т.д.

Журнал "Хавар" сохранил для будущих исследователей образцы курдского народного творчества, не зафиксированные в других изданиях. Изучение их представляет несомненный интерес для фольклористов, диалектологов, этнографов.

-
1. Hawar. Kovara kurdi. Şam, 1934-1943, № 24-57. Первые 23 номера журнала находятся в архиве К.К.Курдоева.
 2. Обзор журнала "Хавар" был сделан К.К.Курдоевым. См. III и ПИКНВ. ХУ. Ч. I (I), с. 31-36.

О ЗВУКОПИСИ В "МАХАБХАРАТЕ"

1. При изучении поэтической системы памятников древнеиндийской словесности звукопись относится обычно к так называемым низшим уровням поэтики текста.¹ Однако основная характеристика звуковой стороны древнейшей поэзии – прямая связанность со смыслом – делает ее значимой для понимания высшего уровня – семантического.

2. Стимулом к исследованию звукового символизма в "Ригведе", самом раннем литературном памятнике на территории Индии, послужило опубликование заметок Ф. де Соссюра об анаграммах.² Согласно гипотезе де Соссюра (к сходным выводам независимо от него пришел В. Н. Топоров³), принцип анаграммы предлагается рассматривать как основополагающий для конструирования стиха в древнеиндийской, древнегреческой, древнегерманской и некоторых иных поэтических традициях.

3. Звуковая сторона древнеиндийского эпоса остается пока не затронутой изучением областью поэтики. А priori ясно, что устный в своем генезисе эпический текст, адресованный слуху аудитории, безусловно должен был быть акустически орнаментирован. В противном случае он едва ли смог бы успешно выполнить свое эстетическое назначение.

4. Задача данной статьи состоит в том, чтобы попытаться ответить на вопрос: проявляет ли себя открытый Ф. де Соссюром принцип композиции древнего поэтического текста в типологически ином, чем ригведийский, текстовом материале – в эпической поэзии, и если проявляет, то каким образом. Параллельно следует выяснить, сводится ли функция эпической звукописи этого типа исключительно к орнаментальности.

5. Согласно Ф. де Соссюру, анаграмма предполагает восстановление на основе повторяющихся слогов и фонем некоего "священного имени" (божества или героя), которое, как правило, не названо. Иными словами, схема ведийской анаграммы выглядит следующим образом: 1) повтор слогов (или фонем), которому за пределами текста, т. е. до его создания, предшествует аналитическая операция – членение слова (имени) на эти составляющие; 2) в процессе конструирования текста – соединение этих составляющих в семантически заданный звуковой комплекс – имя собственное, которое опять же остается за пределами текста.

6. Установлено сходство функций древнего поэта (кави) с грамматистом и жрецом.⁴ Мифологическая сфера индоевропейского ри-

туала концентрировалась, как известно, вокруг "основного" мифа о дракоборце. В грамматике и, следовательно, в поэтике, т.е. правилах сложения ведийского текста, а также в "основном" мифе и, соответственно, в ритуале функция "космизации" схематически выглядела как первоначальное разъятие целого на элементы (анализ) и следом за тем - восстановление изначального единства (синтез).

7. Приложение этой грамматико-поэтической и мифо-ритуальной аналогии к эпическому материалу требует пояснений. Между эпической и ведийской традициями не существует преемственности, что делает невозможным постановку вопроса о наследовании поэтических приемов при переходе от раннего жанра словесности к более позднему. Становление эпоса шло параллельно существованию мощной ведийской традиции. Это делает возможным допущение воздействия одной традиции на другую.⁵ Даже если бы не существовало прямых свидетельств эпоса, имеются общие историко-культурные основания для решения вопроса о том, какая именно традиция оказывает воздействие на другую. Тезис о возможности использования эпосом ряда приемов ведийской поэзии базируется, таким образом, на признании общности пространственно-временного континуума, в рамках которого длительно сосуществовали ведийская и эпическая традиции.

8. Далее изложены наблюдения над звукописью на тему "священного имени" Индры в батальных сравнениях "Махабхараты". Объектная часть этих сравнений содержит в свернутом виде сюжет "основного" индоевропейского мифа в его эпической модификации - борьба Индры с демонами. Выбор материала диктовался тем соображением, что именно батальные сравнения представляют собой систему, производящую наиболее существенные черты героической поэзии. Оказалось возможным установить, что основной композиционный принцип древней ритуальной поэзии накладывается на важнейший поэтический прием эпического жанра. Выбор эпических сравнений с указанной мифологической семантикой (их количество в батальных контекстах "Махабхараты" наибольшее) дополнительно обосновывается тем обстоятельством, что, по наблюдениям Ф. де Соссюра, именно гимны "Ригведы", посвященные Индре (а их - большинство), дают абсолютное число анаграмм.⁶

9. И в ведийских гимнах, и в эпическом материале первичный аспект восприятия сюжетов демоноборческого мифа - батальный. Космогонический же смысл поединков Индры с асурами вырисовывается опосредованно, на основе интерпретации всех однотипных контекстов.⁷ И субъектная, и объектная части эпических сравнений содержат как целое перечень поединков - героев эпоса и их антагонистов (субъ-

ектная часть), а также Индры и различных асуров (объектная часть). Процесс создания образа космической битвы, таким образом, двуедин, особенно если учесть значение мотивов богорожденности, богоравности и богоборчества для понимания специфики героических образов индийского эпоса. Речь, следовательно, может идти об общем мифологическом поле субъектной и объектной частей сравнения. И если для композиции эпоса структурирующим является "основной" индоевропейский миф (в его календарной трансформации),⁸ то тот же вывод относительно композиционной основы батальных сравнений с данной семантикой не является противоречивым. Идейная среда мифологических сравнений эпоса, которая удерживает весьма архаические представления,⁹ покоится на космогонической батальности.

Ю. С темой Индры в "Ригведе" связан один из самых древних поэтических размеров - триштубх (ануштубх). Тот же самый размер достаточно представлен в эпических батальных контекстах, использующих сравнения на ту же тему. М.К.Смит показала связь этого размера с типологически ранним слоем эпоса - героическим.¹⁰ Ассоциированность батально-космогонической темы "основного" мифа с определенным стихотворным размером примечательна в свете проблемы воздействия ведийской традиции на формирование эпической поэтики.

II. Главное отличие анаграммы в эпосе от ведийского анаграмматизма заключается в том, что в эпическом стихе обязательно наличествует словотема (в ведийской анаграмме она, как правило, отсутствует); имя Индры или одно из его sub-names непременно названо:

sametyāhañ suta-putrena sañkhye

vṛtrena vajrīva narendra-śukhya ... (VIII.47.12)¹¹

"Сойдясь в бой с сыном сугы, как Владелец ваджры с Вритрой, о первый среди людских Индр ..."

...tato 'hanisyat keśavañ karnañ ugrañ

marutpatir vrtram ivatta-vajrah (VIII.48.14)

"... Тогда Кешава погубил бы грозного Карну, словно Владыка марутов, воздевший ваджру, - Вритру".

...jambhañ jighāñsuñ pragrhīta-vajrah

jayāya devendram ivogra-manyuñ (VIII.55.3)

"... Подобно яростному Индре богов, вознамерившемуся погубить Дхамбу и во имя победы взявшемуся за ваджру".

...śatakratuñ vṛtra-nijaghñusañ yathā (VII.57.65)

"... Подобно Стосильному, возжелавшему покарать Вритру".

12. Одним из следствий анаграмматизма древней поэзии явилось развитие лексической и грамматической синонимии. Этой тен-

денцией языкового развития могут быть, по крайней мере частично, объяснены два явления, характерные для эпической анаграммы. Во-первых, — варьирование имен божества, среди которых хотя и не обнаруживается большого числа абсолютных синонимов (как, например, *marutpati* — *marutvā*), но сама возможность замещения одного имени другим реализуется благодаря существованию языковой синонимии (каждое из имен передает некую грань общей "идеи Индры"). И второе. Антагонисты Индры — асуры — именуются по-разному (Вритра, Шамбара, Джамбха и т.д.), но их образы в эпосе практически сливаются в один, и, таким образом, их имена также могут условно рассматриваться как синонимы с единой семантикой — "антагонист Индры", т.е. Вритра. "Номенклатурный костяк" объектной части батального сравнения в эпосе предстает поэтому как "Индра — Вритра". Использование в сравнениях "священного имени" и его эквивалентов обыгрываемых в звукописи чаще всего путем варьирования его слогов и фонем, демонстрирует на фонетическом уровне текста универсальный характер фольклорного повтора и вариации.

13. Можно считать, что подобная анаграмматической звукопись продолжает функционировать как принцип построения эпического стиха (минимальное текстовое пространство, в пределах которого в эпосе возможен фонетический разгон для звукописи по типу анаграммы, — две пады, т.е. половина строфы—двуступишия). Однако операция собирания из повторяющихся (и варьирующихся) слогов и фонем имени Индры, т.е. процедура восстановления словотемы, полностью упраздняется: словотема присутствует в тексте. Тем самым стирается аналогия между творческим актом эпического певца—импровизатора и древнейшими операциями грамматиста—поэта—жреца, что говорит о коренном изменении психологической основы творчества. Прием анаграмматической звукописи формализуется: в "игру созвучиями" вовлекаются и имена антагонистов Индры. Изменения в звукописи по типу анаграммы идут, очевидно, по линии постепенного изживания "субстратных ассоциаций" (с мифом и ритуалом). Превращаясь едва ли не в чистый прием звукописи, анаграмматизм явно выигрывает в художественном отношении — в ясности звукообраза: отвлекающий момент разгадывания звукового символизма снимается. При этом назначение анаграмматикоподобной звукописи и в эпосе не сводится к чистой орнаментальности: этот прием по-прежнему подчеркивает связанность звука и смысла в настоящей поэзии.

I. Такая терминология фигурирует, например, в названии статьи
В.Н.Топорова. К описанию некоторых структур, характеризующих

- преимущественно низшие уровни, в нескольких поэтических текстах. Ш. Об одном примере звукового символизма (РВ X, 125) .- УЗ ТТУ, вып. 181, ТЗС, Тарту, 1965.
2. Ф.де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 633-649.
 3. См. примеч. I.
 4. См. Т.Я.Елизаренкова. Древнеиндийская поэзия и ее индоевропейские истоки. - Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979, с. 12, 13.
 5. О двух параллельных традициях древнеиндийской словесности - традиции "мантра", т.е. сакральной, и традиции "сута", героико-эпической, писал еще в 50-х гг. Р.Н.Дандекар - R.N.Dandekar. *The Mahābhārata. Origin and Growth.* - *University Ceylon Review*, 1954, v. 12, no 2.
 6. Ф.де Соссюр. Указ.соч., с. 640.
 7. Космогоническое истолкование "основного" мифа в "Ригведе" дано впервые Н.Брауном и поддержано Ф.Б.Й.Кёйпером.
 8. См. П.А.Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
 9. См., напр., С.Л.Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса. Пантеон. М., 1975.
 10. M.C.Smith. *The core of India's great epic. (Thesis).* Harvard University, 1972.
 - II. Примеры взяты из одной из батальных книг "Махабхараты" - восьмой, "Книги о Карне".

А.Ф.Троцевич

БУДДИЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В КОРЕЙСКОЙ ПРОСТОНАРОДНОЙ ПРОЗЕ

I. В основе многих произведений корейской средневековой прозы лежат иноземные сюжеты, в частности, индийские, которые пришли в Корею с буддийской литературой. В связи с этим возникает проблема: что происходит с сюжетом "чужого" сочинения в процессе его превращения в памятник корейской литературы?

Рассмотрим этот вопрос на примере повести "Чок Сонни",¹ написанной на сюжет джатаки о двух принцах - Друге Добра и Друге Зла. Эта джатака входит в состав "Сутры о воздаянии за милости".²

Корейская повесть была создана в конце XVIII - начале XIX вв. и названа по имени главного героя.³

2. Содержание джатаки. Принц Друг Добра отправляется в море,

чтобы добыть волшебную жемчужину Мани, которая может принести счастье всему народу его царства. Он добывает ее на далеком острове. На обратном пути Друг Добра встречает своего брата Друга Зла. Брат ослепляет его и, забрав жемчужину, скрывается. Слепой Друг Добра добирается до страны Лишиба. Здесь его сначала берет к себе в дом пастух, потом смотритель царского сада. В саду Друг Добра встречается с дочерью царя, с которой он был помолвлен еще будучи царским сыном. Происходит чудесное исцеление и узнавание. Друг Добра получает принцессу в жены и счастливо возвращается домой. Герой прощает злого брата и тем демонстрирует одну из добродетелей Будды – милость к своим смертельным врагам.

3. Корейская повесть сохраняет сюжет джатаки, но вносит в него три поправки:

1) изменяется мотив добывания чудесной жемчужины: не для блага всего народа, как в джатаке, а для исцеления больной матери;

2) вводятся новые персонажи и с ними новые сюжетные ходы: например, дочь первого министра, которая стала названной сестрой героя;

3) передвижение героя имеет четкие пространственные координаты.

Остановимся на особенностях пространственного перемещения героя.

4.1. В сутре Друг Добра отправляется за жемчужиной в "большое море" на некий остров сокровищ. В повести герой держит путь в Западные края. Там, в Западном море, есть остров, на котором стоит гора, в горе – пещера, а в ней во дворце из драгоценностей находится Будда – властитель Западного края, владеющий чудесной жемчужиной.

4.2. В сутре Друг Добра, ослепленный братом, бредет неведомо куда, пока не оказывается в некоей стране Лишиба. В повести злой брат бросает ослепленного Соня в лодку, лодка плывет по воле волн, пока ее не прибывает к скале, по форме напоминающей голову дракона. Герой усаживается на вершине этой скалы и начинает играть на бамбуковой дудочке. Игру услышал министр китайского императора и привез Соня в Китай, где герой сразу попадает в императорский сад-дворец и встречается с принцессой.

4.3. В сутре нет описания свадьбы Друга Добра с принцессой и обратного пути героя в свою страну. В повести рассказывается о свадьбе, которая произошла осенью в восьмой луне. При этом Соня появляется на свадьбе одетый в золотые доспехи. После свадьбы он вместе с принцессой на корабле плывет на юго-восток – возвращает-

ся на родину. При этом для того, чтобы Соньей мог попасть в столицу, его свита отражает нападение старшего брата и побеждает его. Попробуем раскрыть смысл этих пространственных помет.

5.1. Герой повести отправляется на запад. В западном краю он поочередно попадает в горную пещеру, лодку, на вершину скалы, имеющую вид головы дракона, в дворцовый сад. Его состояние - слепой, нищий, утративший свое подлинное имя.

Нахождение на западе в горной пещере семантически равно пребыванию в состоянии смерти (универсальная мифологическая семантика). Это состояние подчеркивается и тем, что Соньей лишен зрения, имени и места царского сына. Герой - неприкаянный, убогий, нищий, т.е. "мертвый".

5.2. Смерть героя дана не как окончательная уничтоженность, а в перспективе будущего нового рождения. Есть три пометы его грядущего возрождения: 1) лодка в море, 2) остров-скала в виде головы дракона, 3) царский дворец-сад.

В культурных традициях Кореи и Юго-Восточной Азии лодка связана с женским началом,⁴ а пребывание персонажа в лодке равнозначно его зачатию в материнском лоне.⁵ Итак, Соньей, плывущий в лодке, (зачатие) должен быть рожден лодкой (из женского - материнского лона).

5.3. Остров-скала. Герой сидит на скале, которая имеет форму головы дракона, и играет на бамбуковой дудочке. Игра на дудочке в корейской мифологической традиции интерпретируется как знак рождения мужского божества.⁶ Рождает героя - необыкновенного человека - скала-дракон. Семантика камня, скалы как женского начала универсальна для мифологии многих народов. Дракон, имеющий функции женского рожающего существа, известен древним корейским преданиям.⁷

Необыкновенность Соньей (совершенная игра на дудочке) замечает китайский министр и везет его в столицу во дворец государя. Переезд в столицу есть знак утверждения истинной сущности героя - его незаудярности. Но Соньей при этом остается слепым, без имени, его статус царского сына не раскрыт. Зрение и настоящее имя возвращаются к нему также в акте нового рождения.

5.4. Соньей, оказавшись в царском дворце, поселяется в саду в уединенном домике. Он играет на бамбуковой флейте, его игру услышала принцесса. Происходит встреча героев. Соньей играет на дудочке, принцесса вторит ему на кыме (струнный музыкальный инструмент) На свидании в саду открывается подлинное имя Соньей, а сам он прозревает. Разберем семантику пространственных помет.

Сад, домик в саду - известная метафора женского лона. В повести метафора "женщина - сад - домик в саду" имеет антропоморфного "дублера" - принцессу. Принцесса общается с ним - как бы "вынашивает" в себе героя. В результате он избавляется от убожества и безвестности и рождается вновь уже как прекрасный принц. При этом сам акт рождения акцентирован звуком - игрой на бамбуковой дудочке.

Таким образом, открытие истинной сущности героя и возвращение ему настоящего облика описано в повести как новое рождение.

5.5. Тем не менее, Сонный все еще находится на чужбине. Его возвращение на родину происходит после свадьбы с принцессой в конце осени. В аграрных обществах осеннее бракосочетание должно стимулировать силы плодородия, поддержать активность солнца перед наступающей зимой. В повести эти аграрные представления оформились в образах производительности: 1) сам герой появляется на свадьбе одетый в золотые доспехи (золото - известный символ активного солнца); 2) после свадьбы герой плывет на корабле на юго-восток (вспомним отмеченное выше представление о лодке-корабле как женском лоне); 3) на родине свита героя вступает в бой с войском враждебного брата - с "силами тьмы" (сражение-состязание - одно из неперемных действий, направленных на преодоление хаоса-тьмы); 4) после победы герой с триумфом въезжает в столицу и входит во дворец:⁸ вновь рожденный герой снова оказывается в "своем пространстве".

Как нам кажется, Сонный проделал путь солнца: сначала отправился на запад - в страну смерти (смерть представлена состояниями убожества, безымянности, лишения родного дома). Смерть преодолевается в актах нового рождения. Последнее рождение и состязание окончательно утверждают героя-солнце на его "законном" месте.

6. Итак, многочисленные приключения Соня - это путь от неустроенности к устройению. Переход от хаоса к гармонии описывается как перемещение в пространстве из одного места в другое,⁹ где в каждом пункте герой новым рождением постепенно возвращает себе истинное имя, облик и статус.

Таким образом, иноземное произведение литературы преобразуется на корейской почве. Этим преобразованиям дано направление корейские законы организации сюжетного повествования.

1. Для работы использован ксилографический текст повести "Чок Сонный" из Рукописного отдела ЛО ИВ АН СССР, Корейский фонд,

шифр В-2, т. 2.

2. См.: "Китайская трипитака, заново составленная в годы Тайсё". Токио, 1924, т. 3, № 156, с. 142.
3. Я предполагал, что имя Соньй (в старом написании, которое принято в данном ксилографе - Сёньй) является записью искаженного звучания двух иероглифов имени главного героя джатаки "сону" (сёну) - "Друг Добра".
4. См.: Ю.В.Ионова. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX - начало XX вв.). М., 1982, с. 75; М.И.Никитина. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982, с. 159-161.
5. См.: М.И.Никитина. Ук.соч., с. 159-161.
6. О звуке, источаемом бамбуком, как знаке рождения мужского божества, см.: М.И.Никитина. Ук.соч., с. 120.
7. О драконе как женском рожавшем существе упоминается, например, в предании об основателе древнего корейского государства Силла: по одной из версий жена царя-основателя Хёккосе родилась у дракона, который появился возле колодца. См.: Ирён. Записи событий, оставшихся после гибели Трёх государств". Пхеньян, 1960, с. 89.
8. Обратим внимание на то, что четыре заключительных события повести в точности воспроизводят осенние ритуалы, которые проводились, например, в древнем корейском царстве Карак. Об этих ритуалах есть запись в историческом сочинении Ирёна "Записях событий, оставшихся после гибели Трёх государств", с. 265. См. об этом также в кн.: А.Ф.Троцевич. Корейский средневековый роман. М., 1986, с. 104.
9. Ср.: такое же описание пути героя к устройению дано в романе Ким Манджуна "Облачный сон девяти". См. об этом: А.Ф.Троцевич. Ук.соч., с. 110-125.

М.С.Фомкин

О ЛЕНИНГРАДСКИХ СПИСКАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СУЛТАН ВЕЛЕДА (1226-1312).

Из дошедших до нас списков произведений староосманского поэта Баха эд-дина Султан Веледа (1226-1312) три списка находятся в Советском Союзе и хранятся в Ленинграде: один - в Рукописном Отделе ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (шифр ПНС-523),¹ и два - в ЛО ИВ АН СССР (шифры В157 и В1810).² Все три списка содержат как персо-, так и тюркоязычные стихи этого поэта.

В соответствующих зарубежных исследованиях до сих пор остается неученной превосходная рукопись Публичной библиотеки, приобретенная для нее профессором В.Д.Смирновым летом 1892 г. в Турции и содержащая "Гюбаб-наме" Султан Веледа. До последнего времени дата написания этой рукописи (отсутствующая в ней самой) определялась исследователями лишь приблизительно. Однако сейчас, после появления новых научных сведений, в частности, фундаментального исследования о бумажных водяных знаках,⁴ стало возможным дать новую, более точную датировку указанной рукописи. Она имела следующие различные датировки: 1) - не позднее начала 16 века (Смирнов, 1896, с. 20). Более определенно В.Д.Смирнов указал эти временные рамки на вклейке, имеющейся на переплете этой рукописи: "От конца 15 до второй половины 16 века"; 2) - не ранее начала 17 века (Костыгова, 1973, с. 110). Однако просматривающаяся на 4, 23, 28, 99 и других листах рукописи филигрань "якорь в кругу" со специфической монограммой "CC" хорошо отождествляется с образцом, получившим теперь точную датировку (Мошин, 1973, № 1710 - 1570-85 гг., № 1711 - 1581 г.),⁵ что позволяет с уверенностью датировать эту рукопись 1570-1585 годом. При датировании представляется целесообразным применять методика, сформулированную Н.П.Лихачевым: не прибавлять к дате филигрании лет на вывоз и хранение бумаги, так как эта прибавка лишь увеличит вероятность ошибки,⁶ поскольку, как это убедительно показал ряд авторов, промежуток времени между производством бумаги и ее потреблением в средние века был весьма невелик - не более 2-3 лет,⁷ и никогда не превышал 10 лет,⁸ будучи для османских письменных памятников обычно гораздо короче вследствие быстрого потребления свободных количеств бумаги (Николаев, 1954, с. 2). В разбираемом случае срок использования бумаги для этой персидской рукописи уменьшается тем, что она была переписана и переплетена не в Иране, а в Турции, что, конечно, сокращает срок доставки бумаги к месту потребления из Европы, а вероятнее всего - из Италии (Николаев, 1954, с. 14). О турецком происхождении этой рукописи свидетельствуют: - ее переплет на основе иранских образцов с тиснением, техника которого характерна для Турции конца 16-17 в.; - примененный в ней почерк - насх, тогда как в Иране в этот период для подобных сочинений использовался преимущественно насталик и талик; и главное, - европейская бумага с филигранями, использовавшаяся в Турции с конца 14 в.⁹ в отличие от Ирана, где писали (практически исключительно) на восточной бумаге, не имеющей водяных знаков.

В собрании рукописей ЛО ИВ АН СССР имеется один из списков

стихов Султан Веледа - рукопись В157(192). Она приобретена Азиатским Музеем в 1819 г. в составе коллекции Ж.Руссо и содержит "Рубаб-наме" Султан Веледа. Отметим ошибку М.Мансуроглу, который указывает датой ее написания 767/1365 г.,¹⁰ в то время, как в конце самой рукописи на л.95б рукою переписчика поставлена точная дата: ۱۰۱۷ سنه تاریخ، т.е. - 1017/1608 г. Эта же дата указана в каталогах, зафиксировавших эту рукопись (см. примечание 2).

В указанном собрании нам удалось обнаружить еще один - новый список турецких стихов Султан Веледа. Это - рукопись В1810, содержащая 5 турецких газелей этого поэта (2 из них - смешанные, т.е. один бейт - персидский, другой - турецкий), которые находятся на листах 211а, 330б рукописи. Этот список однажды уже был "открыт" для науки, но тем не менее остался неизвестным и незафиксированным: в архиве академика К.Г.Залемана хранится его представленная для печати в 1916 г., но неопубликованная ученым статья "Новые сельджуцкие стихи", в которой он приводит тексты нескольких обнаруженных им турецких газелей.¹¹ Однако К.Г.Залеман никак не указывает, откуда им были взяты указанные газели (видимо, это предполагалось сделать в дальнейшем - в конце статьи записано: "продолжение будет"). Нам удалось установить это и тем самым зафиксировать еще один список турецких стихов Султан Веледа.¹² Должно заметить, что обнаруженные К.Г.Залеманом стихи уже в то время не были "новыми" для науки, т.к. все они были к этому моменту опубликованы другими учеными.¹³ Возвращаясь к названной рукописи, нужно исправить атрибуцию газели, которая содержит два турецких бейта и находится на л.210б под заглавием: حضرت سلطان ولى قدس الله سره لا حد т.е.: "Его Величество Султан Велед, да освятит безгранично Господь его могилу". На самом деле эта газель (начало: كچکن او غلن چي، نه کلکل) принадлежит не Султан Веледу, а его отцу Джалал ад-дину Руми.¹⁴

Этот ленинградский список очень важен в том отношении, что он показывает известную распространенность турецких газелей Султан Веледа на средневековом мусульманском Востоке, их определенную популярность.

Подобные поэтические сборники создавались на Востоке преимущественно в соответствии с установившейся традицией составления рукописной книги, т.е. в данном случае с учетом совместимости авторов по их иерархическому положению в глазах читателей. В нашей рукописи турецкие (и персидские) стихи Султан Веледа стоят в ряду произведений таких известных и популярных в определенной культурной среде поэтов, как (порядок рукописи) Джами, Джалал ад-дин

Руми, Аттар, Насими, Фузули, Насир Хосров, Ансари. Это говорит о том, что для читателя - владельца рукописи все эти стихи относились примерно к одному кругу по своей значимости и популярности.

Кроме этого, важно то, что в этом списке тюркоязычные стихи стоят в окружении персоязычных текстов других авторов, стоят, так сказать, сами по себе. Значит, они записывались не бездумно, не по инерции, не вместе с персидскими стихами Султан Веледа, а отдельно, будучи специально выделены читателем из его поэтического наследия. Логично предположить, что они были достаточно распространены, их знали, и они (именно тюркские стихи Султан Веледа) нравились читателям, потому что в такой "неофициальный", "неподносной", "семейный" сборник, каким является ленинградская рукопись В1810, вносились, надо полагать, только те стихи, которые отвечали вкусам и эстетическим представлениям читателя - владельца этого сборника.

-
1. См.: Г.И.Костыгова. Персидские и таджикские рукописи "Новой серии" Государственной Публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. Алфавитный каталог. Л., 1973, с. 110, № 323 (далее: Костыгова, 1973).
 2. См.: О.Ф.Акимускин, В.В.Кушев и др. Персидские и таджикские рукописи Института Народов Азии АН СССР. (Краткий алфавитный каталог). Ч. I. М., 1964, с. 234, № 1710, с. 382, № 2934 (далее: Акимускин, 1964). Рукопись В157 указана также в: /Rousseau J.L./ Catalogue d'une collection de cinq cents manuscrits orientaux. Paris, 1817, p. 28, № 233.
 3. В.Д.Смирнов. Собрание восточных рукописей, приобретенных для Императорской Публичной библиотеки профессором В.Д.Смирновым летом 1892 года на книжных рынках Константинополя и Брусы во время его командировки от Императорского С.-Петербургского Университета на Восток. - Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1893 год. СПб., 1896, с. 14, 20 (далее: Смирнов, 1896).
 4. V. Mošin. Anchor watermarks. /В надзагл.: Monumenta chartae papiraceae historiam illustrantia, 13/. Amsterdam, The paper publ. soc., 1973 (далее: Мошин, 1973).
 5. Ср.: Вс.Николаев. Водяные знаки Османской империи. Т. I. Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ. София. 1954 (далее: Николаев, 1954). В этой работе датируется та же филигрань, но без монограммы, см.: № 119 - 1585 г., № 128 - 1588 г. В общем приближении эти даты соот-

ветствуют более точной датировке В.Мошина.

6. Н.П.Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Часть I: исследование и описание филигранных. СПб., 1899, с.86 (далее: Лихачев, 1899).
7. E.J.Labarre. Dictionary and encyclopaedia of paper and paper-making (Second Edition). Oxford University Press, London and Toronto, 1952, p. 358; а также: Лихачев, 1899, с. 69-78.
8. C.M.Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusquen 1600. T. 1, A-CN, Geneve, 1907, p. 18-19.
9. A.S.Ünver. 15-inci yüzyilda Türkiyede kullanılan kagitlar ve su damgalari. - Belleten, cilt 26, sayı 104, Ankara, 1962, s. 739.
10. M.Mansuroglu. Sultan Veledin türkçe manzumeleri. Istanbul, 1958, s. 5.
11. К.Г.Залеман. Новые сельджукские стихи. (Рукопись). - Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 87, оп. I, № 303.
12. Это удалось сделать благодаря любезной консультации О.Ф.Акимухина.
13. Celebi Veled: 1) Edebiyat-i Islamiye. - "Tercuman-i Hakikat" ve "Servet-i Fünun" tarafından Girit muhacirleri menfaatine müstereken çıkarılan fevkalade nüsha. Istanbul, 1313/1897; 2) Mevlana Sultan Veled hazretlerinin türkçe siirleri. - Türk Dergisi, Istanbul, 1327/1909, № 1, s. 7-11; № 2, s. 41-45; № 3, s. 105-110; E.J.W.Gibb. A history of Ottoman poetry, T. 1-6, London, 1900-1909, T. 1, p. 150, 163, T. 6, № 1, 2, 4, 5; в 1909 г. сообщение об этих стихах было сделано на заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества, см.: Н.Н.Мартинович. Новый сборник стихов Джелаль-ед-дина Руми и Султана Веледа. - ЗВОРАО, т. 24, вып. I-4, Пг., 1917, с. 205 (далее: Мартинович, 1917).
14. См.: Мартинович, 1917, с. 207-208; а также: M.Mansuroglu. Calaladdin Rumi's türkische Verse. - Ural-Altäische Jahrbücher, B. 24, Heft 3-4, Wiesbaden, 1952, S. 107, № 2.

С.Хойслер

РОЛЬ СТИХОВ В "ЖИЗНЕОПИСАНИИ ШЕСТЕРЫХ ВАССАЛОВ" НАМ ХЕОНА (XV век)

"Жизнеописание шестерых вассалов" ("Джсин джон") - произведение корейского конфуцианского ученого Нам Хёна (1454-1492). Оно написано на ханмуне, корейизированном варианте древнекитайс-

кого литературного языка (вэньянь). "Жизнеописание шестерых вассалов" рассказывает о деяниях выдающихся конфуцианских ученых, поэтов, политических деятелей Кореи середины XV века, вошедших в историю как "Сарюксин" - "Шестеро казенных подданных". Это - Сон Саммун, Пак Пхэннён, Ли Гэ, Ха Виджи, Лю Сонвон, Ю Ынбу. Они были казнены в результате неудавшегося дворцового переворота, поднятого ими с целью восстановления на престоле законного государя Тан-джона (1453-1455), свергнутого узурпатором Седжо в 1456 году. Имена этих сановников впоследствии стали символами преданных государю подданных, и шире - верных своим принципам людей.

"Жизнеописание шестерых вассалов" дошло до наших дней только в рукописном виде. Нам пока известны два его варианта: один хранится в Рукописном фонде ЛО ИВАН СССР и носит название - "Пу юксин джон" - "Жизнеописание шестерых вассалов с приложениями". Другой, фотокопию которого мы получили в университете им. Ким Ир Сена в Пхеньяне, носит название "Юксин джон" - "Жизнеописание шестерых вассалов". Место и время обоих рукописных вариантов, к сожалению, не обозначены. Два рукописных варианта "Жизнеописания шестерых вассалов" различаются по количеству включенных в них частей (в "Юксин джон" - шесть жизнеописаний и авторское послесловие, в "Пу юксин джон" - одиннадцать жизнеописаний, отсутствует авторское послесловие), что нам дало основание характеризовать эти два варианта как два разных типа коллективных жизнеописаний.

Одно из них - "Юксин джон" - "закрытое" коллективное жизнеописание, завершаемое авторским послесловием в стиле Сыма Цяня, содержащее оценку персонажей отдельных жизнеописаний и объединяющее тем самым отдельные части произведения в единое идейное и художественное целое. В него включены жизнеописания Сон Саммуна, Пак Пхэннёна, Ли Гэ, Ха Виджи, Лю Сонвона и Ю Ынбу. Другое - "Пу юксин джон" - "открытое" коллективное жизнеописание с более или менее свободным набором входящих в его состав отдельных жизнеописаний, не заключенное авторским резюме. В это произведение входят жизнеописания Сон Саммуна, Пак Пхэннёна, Ли Гэ, Ха Виджи, Лю Сонвона, Ю Ынбу, Хо Ху, Ли Чинюка, Чон Бона, Ким Сисыпа и Нам Хёона.

Отдельные жизнеописания шестерых казенных вассалов, идущие в одинаковом порядке в том и другом варианте, имеют некоторые различия. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в "Юксин джон" включены пять стихотворений, а в "Пу юксин джон" - только три. В последнем отсутствуют стихотворения Пак Пхэннёна и Сон Саммуна, помещенные в "Юксин джон" в первом и втором жизнеописаниях, т.е. в начале произведения. Сохранились только стихо-

самого Ю Ынбу, но и целиком "Юксин джон". Оно несет в себе настроение спокойствия, уверенности в том, что дело, которое было совершенно во имя государства, не пропало даром, т.е. как бы подводит итог сказанному выше.

Что же изменяется с изъятием стихотворений Пак Пхэннёна и Сон Саммуна? Во-первых, обедняется их характеристика как поэтов и как личностей, живущих напряженной духовной жизнью. Во-вторых, нарушаются внутренние связи между жизнеописаниями и ослабляется мотив тесных дружеских связей шестерых вассалов между собой. Т.е. изъятие стихотворений, с нашей точки зрения, наносит урон полноте характеристики "шестерых казенных" и художественному единству "Пу юксин джон" как литературному произведению.

Автор "Пу юксин джон", видимо, и не стремился соединить все жизнеописания в целом более тесно за счет стихов. В его произведении друг с другом соотнесены только три жизнеописания (и, соответственно, три лица из шестерых). Это вполне может объясняться тем, что, как мы уже заметили выше, для "Пу юксин джон" вообще характерны более "свободные" отношения между отдельными частями произведения, чем для "Юксин джон". К тому же, видимо, автор "Пу юксин джон" акцентировал какие-то иные связи между отдельными жизнеописаниями, нежели автор "Юксин джон", а именно - временные и смысловые (ситуативные).

Так, стихотворение Ли Гэ, идущее первым в этом произведении, сочинено по дороге на казнь на рассвете:

"... Рассвет настает, не сплю,
выхожу за ворота..."

Он описывает предсмертную ситуацию. Ли Гэ в нем говорит о том, что он выполнил свой долг и знает, что смерть ради своих принципов - славное дело. Он уверен, что его преданность государю и после смерти останется в памяти людей.

Второе стихотворение сочинено Ха Виджи в то время, когда он был охвачен тревогой. Здесь имеется в виду тот критический момент, когда малолетний Танджон вступил на престол, и влиятельные сановники начали борьбу за власть. В это время Пак Пхэннён одолжил Ха Виджи свою соломенную накидку от дождя, заверяя тем самым Ха Виджи в своей дружбе и обещая поддержку в кризисной ситуации:

"... При дымке и дожде на пяти озерах
хорошо бы отыскать друг друга!"

Стихотворение написано днем. ("Над головой - светло, это ясное солнце в небе стоит").

Последнее стихотворение сочинено Ю Ынбу еще до того, как в

государстве начались смуты. Он в то время был начальником пограничного округа и много сделал для укрепления северных границ корейского государства. Стихотворение как раз и описывает то состояние спокойствия, когда в стране воцарился мир, иноземцы больше не нападали на Корею:

"... На заставе нет пыли [войны],
воины [спокойно] спят".

Из текста стихотворения можно понять, что оно написано ночью. Стихотворение пронизано не только настроением спокойствия, но и духом бодрости и оптимизма:

"... Пять тысяч резвых коней -
их ржание раздаётся под ивами.
Три сотни лучших соколов -
они сидят перед башней".

Сопоставив эти три стихотворения, мы можем установить следующую временную и ситуативную цепь, в которую они выстраиваются:

- 1) 1450 г. - 1453 г. - накануне 1453 г.
- 2) рассвет - день - ночь
- 3) смерть - критическая ситуация - покой.

Притом, что в хронологическом аспекте акцентируется прошлое (стихи фиксируют "ход назад", за три года до событий), в пределах суток стихотворения задают цикл, ориентированный на ночь. В событийном плане стихотворения воссоздают движение в социуме - от катастрофы к гармонии.

Как можно заметить, стихотворения в "Пу юксин джон" и в "Джун син джон" выполняют различные художественные функции.

ПАДЕЖНЫЕ ФОРМАНТЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ XI в.

В этой статье мы рассмотрим падежные форманты, встречающиеся в языке, представленном одним из жанров японской литературы XI в. — моногатари (повести). Этот жанр является наиболее близким к разговорному языку того времени. Мы не будем ограничиваться синхронным срезом, но также попытаемся рассмотреть развитие функций падежных формантов начиная с древнеяпонского языка УШ в. и дать, насколько это будет возможно и целесообразно, сравнительно-исторический комментарий.

В отечественном японоведении существует давний спор о том, что представляют собой японские падежные форманты — суффиксы падежей или послелоги.¹ Японские лингвисты считают эти форманты падежными служебными словами. Эту же точку зрения разделяют и западноевропейские японисты. Вслед за В.М. Алпатовым мы будем рассматривать эти показатели как агглютинативные падежные форманты.

История японской падежной системы характеризуется двумя важными тенденциями:

1) большая часть падежных формантов сохранилась с древнейших времен до наших дней;

2) многие из них существенно изменили функции.

К числу не сохранившихся в языке прозы XI в. или сохранившихся в реликтовых случаях древних падежных формантов относятся три: -и, -ту, -на.

Формант -и встречается крайне редко даже в текстах "Манъ-ёсю" (УШ в.), например: Ки-нб сэкимори-и тбдбматэму ка мо (М, 771)² "Страж заставы в [провинции] Ки остановит ли [меня]?" Он имеет функцию показателя именительного падежа. Учитывая монофтонгизацию пряяпонских дифтонгов *ай > э и *ой, *уй > *и³ в период, непосредственно предшествующий УШ в., и последующую конвергенцию древнеяпонской восьмигласной системы в пятигласную (а > а; у > у; и, й > и; э, э > э; о, б > о), можно в ряде японских слов выделить скрытый именительный на -и. Например, мэ "глаз", др.-яп. мэ < *ма-и. Основа *ма восстанавливается в композитах: ма-на-ко "глаз", зрачок (букв. "дитя глаза"), ма-бута "веко" (букв.

"крышка глаза"). Формант -и имеет надежное соответствие в среднекорейском форманте именительного падежа -и, например ср.-кор. пáрам "ветер" - пáрам-и, на "я" - най. Возникновение новой основы, включавшей в себя скрытый формант именительного падежа, привело к появлению в древнеяпонском языке параллельных форм некоторых слов, например: ама/амэ "небо".

Форманты притяжательного падежа -ту и -на редко использовались в текстах VIII в., употребляясь практически только в композициях и фразеологических оборотах, например: ма-на-ко "зрачок", аки-ту-ками "явленный бог". В XI в. эти форманты встречаются уже только в словах, являющихся композитами по происхождению, например: минато "порт" ми "вода" + на + то "дверь".

Для праяпонского состояния можно реконструировать притяжательный падеж на *-н, не сохранившийся в виде самостоятельной морфемы в древнеяпонском языке, ввиду утраты последним конечных слоговых согласных. Рефлексом *-н мы считаем озвончение (точнее, преназализацию) начального согласного второго компонента композита, имеющего структуру "имя" + "имя", например: яма "гора" + *ти "дорога" > ямади "горная дорога" (яма^нди < *дама-н ти); *ма "глаз" + фута "крышка" > мабута "веко" (ма^нбута < *ма-н фута).

Регулярными для языка моногатари XI в. служат следующие форманты:

1) Формант -но (др.-яп. -нó) являющийся в современном языке показателем родительного падежа, а также оформляющий подлежащее придаточного определительного предложения, в японском языке XI в. имел следующие функции:

а) притяжательного падежа: токоро-но сама (XII, 158, 2)⁴ "вид [того] места"; тори-но кова (XII, 154, 3) "голос петуха";

б) местного падежа: соно токоро-но дайджин кугяу тудофитэ... (XII, 275, 4) "В том месте собрались министры и придворные...". Эта функция -но сохраняется вплоть до XV в., например: коно токоро-но, Такасаго-но ... (ЕК, 66, 5) "В этом месте, в Такасаго..." В языке VIII в. примеров на подобное употребление -но еще больше, тогда как в языке XVI-XVIII вв. -но в этой функции уже не встречается;

в) именительного падежа в придаточном определительном предложении: ... Вау Каку-сян-но икэру каусоу-ни... (XII, 154, 16) "... в многоэтажном здании, где жил Ван Гоцзе...";

г) именительного падежа в главном предложении; примеров такого употребления -но очень мало: какару фито-но офасикэру ё (XII, 155, 8) "Есть такие люди!" Чаще всего подлежащее остается

неоформленным. В I свитке "Хамамацу тюнагон моногатари" (XI в.) подлежащее главного предложения оформлено но всего 15 раз, а остается неоформленным 592 раза.

2) Формант ни употреблялся в течение всей истории японского языка в качестве показателя дательного падежа: Рэкияу то ифу токоро-ни фунэ томэтэ... (ХМ, 153, 9-10) "Оставили лодку в месте, называемом Лиян..."; ... тори-но ковэ-ни нисэтэ (ХМ, 154, 6) "... подражая голосу петуха...". Иногда в значении местного падежа ни может осложняться частицей -тэ: иризэ-но мидууми-нитэ (ХМ, 153, 4) "в озере-устье". Наконец, мы нашли один пример, где ни выполняет функцию притяжательного падежа: Каракуни то ифу моногатари-ни э-ни (ХМ, 154, 12-13) "на картинках повести "Китай". Можно заметить, что функции формантов но и ни являются отчасти идентичными. Мы предполагаем, что в праяпонском языке это были два сингармонических варианта одной морфемы родительного падежа, в дальнейшем разошедшихся по функциям. В языке XI в. мы застаем лишь следы этой вариативности. Отметим, что в среднекорейском языке также существовал единый родительный падеж, реконструируемый для пракорейского в виде *-ни.

3) Формант во в прозе XI в. в подавляющем большинстве случаев имеет функцию винительного падежа: урэфэ-во ясумэ... (ХМ, 156, 1) "[это] успокоило [его] печаль...". В отличие от современного японского языка прямое дополнение при переходном предикативе может быть и не оформлено во: ...тю: нагон-но офасимаси токоро-~~о~~ какаюу бакари ситурафитэ суфэтатэматуру (ХМ, 154, 16) "... место, где будет находиться тюнагон, устроили, убрав его так, что оно прямо-таки сияло". По-видимому, так же как в тюркских и монгольских языках, наличие или отсутствие форманта винительного падежа зависело от определенности или неопределенности объекта. В языке УШ в. и в поэтических памятниках IX-XI вв. -во часто встречалось в функции показателя подлежащего при сказуемом, выраженном качественным предикативом, что может свидетельствовать о реликте эргативности или активности в древнеяпонском языке.⁵ В языке прозы XI в. примеры на употребление во в этой функции почти не встречаются, а в новояпонском языке XIII в. они исчезают окончательно. В некоторых случаях во выполняет функцию исходного падежа: соко-во татитэ (ХМ, 153, 4) "отправившись оттуда". В сравнительно-историческом плане формант во < *бб может быть сопоставлен с аналогичным формантом -бэ в тунгусо-маньчжурских языках.

4) Формант эри в языке прозы XI в., в отличие от языка УШ в., в функции показателя сравнительного падежа употребляется

значительно чаще, чем в функции показателя исходного падежа: се-ре-эри уруфасикутэ... (ХМ, 202, 7) "[это] красивее, чем то...". Вместо эри в функции исходного падежа начинает использоваться -кара, встречающийся еще довольно редко.

5) Формант -га, использовавшийся в древнеяпонском языке исключительно как показатель притяжательного падежа, начинает использоваться как показатель именительного падежа при подлежащем, представленном субстантивированным предложением: ... игру-га курусику... (ХМ, 374, 14) "... смотреть [на это] горько... (буив. смотрение [на это] горько)".

6) Остальные падежные форманты - -то, -маде и -фе практически не отличаются по своим функциям от соответствующих формантов современного языка.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что падежная система языка прозы XI в. занимает промежуточное положение между древнеяпонской и новояпонской системами. Следовательно, по крайней мере в области склонения язык японской прозы XI в. представляет собой не поздний древнеяпонский, а среднеяпонский язык.

1. В.М.Алпатов. Еще раз о характере ганго в японском языке. - "Вопросы японской филологии", № 5. М., МГУ, 1981.
2. Для цитат из "Манъёсю" указывается номер стихотворения.
3. Знаками э, и, о мы передаем древнеяпонские гласные второго сингармонического ряда.
4. Для цитат из прозаических памятников и драматических произведений указывается номер страницы по изданию и номер строки на странице.
5. А.В.Вовин. О реликте эргатива в древнеяпонском языке. М., ИНИОН, 1985. Деп. № 21071.

Сокращенные обозначения текстов:

- М - "Манъёсю" (万葉集. 日本古典文学大系, 4-7. 東京 1956).
ХМ - "Хамамацу тонагон моногатари" (浜松中納言物語. 日本古典文学大系, 77. 東京, 1964).
ЕК - "Екёку" (言書曲. 日本古典讀本, 8 東京 1938).

И.Н.Воевуцкий

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Под конфессиональным языком (по другой терминологии - агноязыком) мы будем в данной работе понимать разговорный язык той

или иной конфессиональной группы, оказавшейся в таких условиях, что канонический язык (язык священных текстов) утратил функцию разговорного языка. В качестве разговорного употребляется (обычно видоизмененный) язык населения, в среду которого попала данная конфессиональная группа; однако для записи используется шрифт канонического языка. При переводе канонической литературы на конфессиональный язык возникал калькированный вариант, конфессиональный по лексике и канонический по синтаксису; в остальных случаях использовался обычный разговорный вариант (по другой терминологии — "местный").

Малые конфессиональные языки лишь недавно стали привлекать внимание исследователей, и хотя в данной области мы еще далеки от генеральных обобщений, некоторые явления бросились в глаза почти сразу, а именно то, что независимо от конкретного языка, во всех конфессиональных языках выступает ряд общих черт на всех языковых уровнях.¹ В данном сообщении мы постараемся показать схожесть орфографических методов в иудейско-итальянском и мусульманско-испанском языках.

В нашей статье, посвященной иудейско-итальянской орфографии,² мы показали три сосуществующие орфографические тенденции: 1) ориентированность на нормы орфографии канонических языков (древнееврейского и арамейского): например, конечный "а" сопровождается графическим ם или ם; 2) ориентированность на нормы итальянской орфографии: например, в передаче звука ѣ; в итальянском он может быть только перед гласным и передается сочетанием *sci* + гласный; в древнееврейском его передает самостоятельная буква ן; тем не менее глагол *lasciare* в иудейско-итальянской передаче можно встретить как в написании ןךשךל так и ןךשךל хотя ן после ן не нужен. (Подобного явления не встретишь, например, в иудейско-испанском языке, поскольку иудейско-итальянский существовал в италоязычной среде, иудейско-испанский же развивался вдали от Испании); 3) фонетический принцип (полная противоположность первой тенденции), когда при записи исходят только из необходимого и достаточного без оглядки на традицию, в результате возникают формы на взгляд еврейскоязычного читателя нелепые и уродливые, но все же читабельные: например, слово может кончаться и непосредственно на "а" без ם или ם.

Богатый материал на мусульманско-испанском языке (алхамиадо) стал доступен прежде всего благодаря серии публикаций СЛЕАМ.³ К сожалению, в этой серии почти не приводятся факсимиле рукописей, которые издадутся не в оригинальной арабской графике, а в транс-

крипци, тщательно разработанной и подробной, но недостаточной все же для изучения их орфографии. Обобщенные сведения об орфографии алхамиадо содержатся в книге издателя упомянутой серии А.Галмеса де Фуэнтеса.⁴ На этих сведениях мы и будем основываться в дальнейшем изложении.

Следует различать два алхамиадо. Первый – мосарабский алхамиадо, язык испанцев в завоеванной арабами Испании. Этот язык не оставил письменных памятников (литература в это время создавалась на латинском языке), так что ранний (X–XIII вв.) этап истории испанского языка документирован плохо. Единственные свидетельства о нем – испанские слова, упомянутые в арабских глоссариях того времени, топонимика, ономастика и вкрапления испанских слов в арабоязычные мувашшахи. Фонетика этого языка восстанавливается лишь приблизительно, хотя бы из-за неточности и разнообразия передачи арабами испанских слов. Для языка этой эпохи более распространен термин "романский", включающий как испанский, так и каталанский и португальский.

Второй алхамиадо – алхамиадо морисков (испанских мусульман) эпохи Реконкисты (XIV–XVII вв.). Он является следующим этапом развития языка и лишь косвенно помогает восстанавливать язык мосарабского периода. На этом алхамиадо существует обширная литература. Здесь мы обнаруживаем два варианта, приведших к двум противоположным способам передачи испанских слов арабскими буквами (но не в одном и том же тексте, как это было в иудейско-итальянском).

Первый вариант – алхамиадо Арагона и Кастилии. По мнению А.Галмеса де Фуэнтеса разговорным арабским мориски этих областей не владели, испанский же знали прекрасно, а арабскими буквами записывали испаноязычные тексты лишь по традиции: для того, чтобы ясен был мусульманский адресат этих текстов, (тождественно употреблению еврейских букв в малых иудейских языках: не остается сомнения в иудейском происхождении и назначении текстов). В этом алхамиадо нет никакой оглядки на арабскую орфографию, испанское слово написано так, как удобно, как достаточно для точной передачи; так алиф не означает здесь долготу, а передает звук "е", ташдид не означает удвоения, а передает звуки, отсутствующие в арабском, например, $\text{ف} = \text{p}$; ташдид в арабском недопустим в начале слова, здесь же он может быть и в начале; не устраняется двусогласное начало, ни на письме, ни в произношении. Этот вариант алхамиадской орфографии полностью соответствует третьему из перечисленных нами способов иудейско-итальянской орфографии. Издателю прочесть такой текст как правило не трудно.

Иное дело – мориски Валенсии. Они как раз прекрасно знали арабский и говорили на нем, испанский же знали плохо, а с латиницей были знакомы лишь немногие из них. По-испански они и не писали, так что самостоятельных текстов на этом алфавите нет. И все же им приходилось прибегать к записи испанских слов: для заучивания молитв в условиях насильственной христианизации. Естественно, рассмотренный выше способ записи был для них неприемлем: такое написание раздражает глаз арабоязычного читателя, кажется ему бессмысленным нечитабельным набором букв. В передаче морисков Валенсии испанские слова стилизируются под арабскую орфографию: чтобы слово можно было прочесть, оно должно напоминать арабское; например, имена, оканчивающиеся на "а", записаны с использованием *ā*, двусогласное начало устраняется предваряющим алифом с каким-либо гласным и т.п., то есть так же, как передавали арабы испанские слова в мосарабский период. Этот вариант орфографии алфамиадо соответствует первому из рассмотренных нами способов иудейско-итальянской орфографии, хотя последняя никогда не доходила в своих имитациях до крайностей. Расшифровать эти тексты сложно, но, как мы уже сказали, текстов таких мало, и это естественно, ибо если бы испаноязычная литература у морисков Валенсии получила распространение и развитие, такой способ орфографии едва ли удержался бы; скорее он приблизился бы к тому способу, какой мы встречаем у морисков Арагона и Кастилии.

Одинакова судьба обоих рассмотренных языков: к XV в. потомки уцелевших морисков превратились в испанцев и пользовались обычным испанским языком и латиницей; примерно к этому же времени итальянские евреи записывали даже религиозные тексты (пасхальная аггада и т.п.) в основном обычным итальянским языком латинскими буквами.

-
1. Подробнее: И.Н.Воевуцкий. Лингвистическое значение среднеарабских текстов-калек. III и ПИИЧВ, XV, ч. II. М., 1985, с. 42-43.
 2. И.Н.Воевуцкий. Палеография иудейско-итальянских текстов. ПИВ 1978-1979. (В печати).
 3. Colección de literatura española aljamiado-morisca. Dirigida por Álvaro Galmés de Fuentes. 1. Madrid: Gredos, 1970-
 4. A.Galmés de Fuentes. Dialectología mozárabe. Madrid, 1983. (Biblioteca románica hispánica. III. Manuales, 58).

СЛОВА 將 цзян И 把 ба(препозиция дополнения в танских вэйлу школы чань)

В текстах чаньских буддийских вэйлу эпохи Тан слова 將 цзян и 把 ба употребляются в нескольких функциях.

Хотя как самостоятельное сказуемое цзян в наших текстах не отмечено, оно сохраняет свое знаменательное значение, употребляясь с глаголами 來 дай и 去 цуй. Такое цзян управляет прямым дополнением (при этом само дополнение может быть опущено). Во всех отмеченных нами случаях дополнение выражено только неодушевленным существительным.¹ По-русски мы передаем такое цзян как "принести" или "унести" (в зависимости от дай или цуй). Примеры:

師云, 侍者將火來 (Л., 137)

Ши юнь шичжэ цзян хо дай Наставник сказал: "Помощник, принеси-ка огня!"

乃喚侍者, 將百丈先師禪版机案來 (Л., 137)

Най хуань шичжэ цзян Бай-чжан сянь ши чань бань цзиань дай
"Принеси-ка мне доску чань и скамеечку моего первого учителя Бай-чжана!"

汝將法華經來 ... (Ш., 42)

Жу цзян фа хуа цзин дай ... Если ты принесешь Лotosовую Сутру...

客將柴去 (Ш., 2)

Кэ цзян чай цуй Пришелец унес дрова.

有一人將去也 (Л., 132)

Ю и жэнь цзян-цуй ляо е Какой-то человек унес /мотыгу/.

黃蘗云, 雖然如是, 汝當將去 (Л., 137)

Хуан-бо юнь суймань хуши ху дан цзян-цуй "Пусть будет так, но ты унести /их/".

Что касается служебных функций цзян, то оно употребляется с дополнением, имеющим значение орудия действия; при глаголах с двойным управлением цзян с дополнением, обозначающим объект, стоит перед глаголом, а дополнение со значением адресата – после глагола; дополнение с цзян, стоящее перед глаголом, может обозначать объект обладания, находящийся при объекте, осуществляющем действие.²

В отдельных случаях дополнение при цзян может опускаться (когда оно совпадает с дополнением к глаголу, стоящему перед цзян), тогда цзян оказывается непосредственно перед сказуемым. Примеры:

... 將鏝打地三下 (Л., 124)

... цзян цзветоу да ди сань ся ... он трижды ударил мотыгой по земле.

士乃解杖子盡一丹相 (П., 128)

Ши най цзян чжанцзы хуа и де сян Тогда Лан цзюй ши посохом нарисовал луну (досл. облик луны).

Такое цзян соответствует древнекитайскому 以 и; кстати, для первого примера отмечен вариант, где вместо цзян стоит и:

師又以鑿杖打地三下 (Л., 124)

Ши ю и цзветоу да ди сань ся Наставник снова трижды ударил мотыгой по земле.

... 解此深心, 牽塵刹 ... (Л., 138)

... цзян цы шэнь синь фэн чэнь ча ... эту глубокую мысль я поднесу всем в суетном мире и в монастырской святynie.

我將心傷上五祖 (Ш., 6)

Во цзян синь цзе шан у цзю Я преподнесу Пятому Патриарху гатху своего понимания.

你解這箇身心, 到如雙兩片皮 ... (Л., 89)

Ни цзян чжэге шэнь синь даочу бо лянпьян пи ... Вы носитеесь со своим телом и душой и работаете двумя кусками кожи (букв. повсюду шлепаете губами).

見一僧化緣, 乃解一文金等問曰 ... (П., 177)

Цзянь и сэн хуавань най цзян ивэнь цян вэньюе... Видя, что какой-то монах просит подаяния, Лан цзюй ши, протягивая монету, спросил... (В переводе этого примера мы вынуждены передать цзян второстепенным сказуемым).

解大知口唇, 到彼岸 ... (Ш., 26)

Цзян да чжихуй дао би ань ... С большой мудростью они переводят на тот берег...

我等不須澄心用意作偈, 解呈和尚 (Ш., 5)

Во дэн бусуй чэн синь юн и цзо цзе цзян чэн хэшан У нас нет необходимости очищать наш разум и прилагать усилия для сочинения гатхи, чтобы преподнести Lee наставнику.

Довольно распространенной в наших текстах является конструкция, когда цзян выступает в сочетании с цэ вэй (謂 вэй) и (реже) с цэ: цзянвэй (цзян...вэй) и цзян...цэ соответствуют древнекитайскому 以 ... 為 и...вэй "считать", "полагать":

解為你是箇俗人 (Л., 107)

Цзянвэй ни ши ге су хань Я-то считал тебя простым парнем.

我解你是箇人 (Л., 136)

Во цзянвэй ши ге жэнь А я еще считал его человеком.

如解黃藥為金 (Ф., 71)

Лу цзян Хуан-бо вэй цзинь Это подобно тому, что считать Хуан-бо золотом.

莫将佛为究竟 (Л., 87)

Мо цзян фо вэй цзюцзин Не принимайте Будду за что-то конечное.

汝聞道信心，將為有可得也 (Ф., 71)

Лу вэньдао чуань синь цзянвэй в кэ дэ е Вы услышали о передаче Учения от сердца к сердцу и полагаете, что можете постичь Бого.

Иногда в конструкции цзян ... вэй перед вэй стоит еще 人 и: 不可将福以为功德 (Ш., 34)

Бу кэ цзян фу ивэй гундэ Нельзя считать заслугами благодетельние.

你今不解...将空作实 (Ф., 67)

Ни цзинь бу цзе ... цзян кун цзо ши Вы не разбираетесь ... и принимаете пустоту за реальность.

Слово ба в текстах ойду не встретилось нам в качестве самостоятельного сказуемого, но оно отмечено как знаменательный глагольный корень в сложных глаголах, состоящих как из синонимичных корней (把捉 бачжо "поймать", "схватить"), так и в составе результативных глаголов (把出 бачу "вырвать", 把住 бачжу "схватить", 把得 бадэ "схватить" и др.).

Что касается служебного значения ба, то примеров на такое функционирование в наших текстах не так много.⁴ Судя по этим примерам, дополнение, вынесенное с помощью ба, может иметь как инструментальное значение, так и значение объекта; при этом сказуемое может быть выражено не только обычным переходным глаголом, но и глаголом, обозначающим чувства. Примеры:

便把棒打他... (Л., 61)

Бянь ба бан да та ... Тогда наставник бьет его палкой...

... 或把把木棍喜怒 (Л., 68)

... хо ба цзицвань сину ... иногда с помощью каверзного способа они изображают радость или гнев.

把什麼引 (П., 57)

Ба шэmma инь Как (досл. с помощью чего) проводить?

... 瞎瞎子无眼人, 把我瞎瞎死, 认青黄赤白 (Л., 75)

... ся туцзы у янь жэнь ба во чжао-ди и жэнь цин хуан чи бай

... слепые негодники узнают, что одежда, которую я ношу, синяя, желтая, красная, белая.

如把屎棍子向口裏吞了吐过喫别人 (Л., 77)

Жу ба ши куайцзы сян коу-ли хань ляо туго юй бежэнь Это

все равно, что, педержав во рту кусок навоза, выплюнуть его и передать другому.

На именованя у нас материале дифференцировать условия употребления цзян и ба не представляется возможным. Можно лишь сказать что и цзян, и ба могут выносить в препозицию к глаголу дополнение с инструментальным значением, значением объекта и некоторыми другими значениями, не поддающимися точному определению. Формальные условия для вынесения дополнения в наших текстах те же, что и в современном китайском языке - это, как правило, наличие при глаголе двух дополнений, морфологическая оформленность глагола-сказуемого или двусложность последнего.

Кроме препозиции дополнения, которая осуществляется с помощью служебных слов, встречается изредка и препозиция, материально как будто никак не оформленная. В качестве иллюстрации приведем три предложения из самого раннего вйлу - Сутры Шестого Патриарха:

常付施衣法 (Ш., 7)

Дан фу ку и фа [я] передам тебе облачение и Дхарму.

衣法常付何人 (Ш., 49)

И фа дан фу хэжэнь Кому [я] передам облачение и Дхарму?

法即付了 (Ш., 49)

Фа цзи фу дяо Дхарму [я] уже передал.

В первом предложении порядок слов нормальный, во втором и в третьем - инверсированный: дополнение со значением объекта действия вынесено вперед, что позволяет подчеркнуть и выделить соответственно хэжэнь "кому?" и фу дяо "уже передал". "Оформителем" такой инверсии безусловно выступала интонация, поскольку тексты вйлу, как известно, предназначались для устного исполнения.

1. В языке предшествующего периода цзян вводило только одушевленное существительное, с неодушевленным же употреблялось служебное слово 持 чи (См. I, 163); в текстах дуньхуанских бьяньвэней цзян в сочетаниях с глаголами движения могло иметь при себе как одушевленное, так и неодушевленное существительное. (См. 2, 242)
2. В языке предшествующего периода в аналогичной функции употреблялось служебное слово 持 чи (См. I, с. 158). Из текстов вйлу отдельные примеры с чи в указанной функции отмечены в Сутре Шестого Патриарха, язык которой по ряду параметров близок к языку Ш-У вв.: 從何處來,持此經典 (Ш., 2) Цун хэчу дай чи цы цзиндянь Откуда ты явился с этими сутрами?
3. Многократно отмечено ба в знаменательном значении в одном светском тексте первой трети VIII в. - чуаньци Чжан Вэнь-чэна "Пеце-

ра отшельника", язык которого, несомненно, в значительной степени отразил разговорный язык своего времени (см. 4, с. 12). Не случайно, упомянутое сочинение входит в круг тех памятников эпохи Тан, которые используются Лэй Шу-сяном как материал для грамматики разговорного языка эпохи (см. 5, с. 196). Ба употребляется в этом тексте и как отдельный однослог, и как корень, оформленный глагольным показателем: 名把个娘子手而别 (Д., 31) Ху ба Ши-нян шоуцзы эр бе Вдруг он схватил руку Десятой сестры и отвернулся. 奈時把手子,石心不得 (Д., 26) Йиши бачжао шоуцзы жэнь синь будэ Тогда он схватил [ее] руки, будучи не в силах сдержать [своих] чувств. Любопытно выглядит пример, где сказуемое ба является заключительным словом в предложении, непосредственно перед ним стоит дополнение с предлогом, а первую позицию в предложении занимает вынесенное без всякой маркировки дополнение со значением объекта: 手子從君把, 腰支和任迴 (Д., 26) Шоуцзы цун цэнь ба яочки и жэнь хуй Она выдернула [свою] руку [из рук] и талия [ее] кокетливо изогнулась.

4. Об употреблении в текстах танских вйлу служебного слова ба см. 5.

Список сокращений источников:

- Л. - 臨濟錄. 柳田聖山訓注. 京都, 1861. [Записи бесед Линьцзи. Ред., комм. Янагида Сэйдзан].
- Ш. - 南宗頓教最上大能摩訶般若波羅蜜經 [Алтарная Сутра Шестого Патриарха] - в кн. *The Platform Sutra of the Sixth Patriarch. The text of the Tun-huang Manuscript with Translation, Introduction and Notes by Philip B. Yamroslaky. N.Y. and London Columbia University Press, 1967, с. 1-30.*
- П. - 龐居士語錄. 入矢義高 [Записи бесед Пан цэйши. Ирия Еситака - сост. и комм.]. 東京. 瑞摩書房. 1973, в сер. 禪の語錄, вып. 7.
- Ф. - 傳心法苑. 範下院錄. 入矢義高 [Записи бесед Хуанбо. Ирия Еситака - сост. и комм.]. 東京. 瑞摩書房. 1969, в сер. 禪の語錄, вып. 8.
- Д. - 張文成. 禪宗仙履. 中國古典文學出版社, 上海, 1955 [Чжан Вэнь-чэн. Пещера отшельника].

При цитации примеров из Л. и Ш. указывается параграф, из П., Ф. и Д. - страница.

Литература:

Л. И. С. Гуревич. Очерк грамматики китайского языка III-V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литерату-

ры). М., 1974.

2. И.Т.Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.

3. 姚.把"字句(如置武)的起源,—"中国语文"
Гэ И. Происхождение конструкции со служебным словом ба - "Чжунго юйвэнь". 1958, № 3, с. 117-118.

4. 季羨之. 中国文学史略稿. 五十年代出版社.
Ли Чан-чи. Очерк истории китайской литературы. 1955, 第三卷.
с. 12.

5. 吕叔湘. 汉语语法论文集. 科学出版社. 北京,
1955 [Лий Шу-сян. Сборник статей по грамматике китайского языка].

М.Н.Зислин

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО СОЧИНЕНИЯ ПО ГРАММАТИКЕ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА "АЛ-КИТĀБ АЛ-МУШТАМИЛ..."

В настоящем сообщении речь пойдет о третьей, самой большой части "Книги, объемлющей основы и производные древнееврейского языка" ("Ал-Китāб ал-Муштамил...") Абū-л-Фараджа Харūна ибн ал-Фараджа. Как известно, эта часть посвящена буквам алфавита¹; она открывается словами: "Речь о буквах древнееврейского языка $\aleph \beth \gamma \delta \epsilon \zeta \eta \theta \iota \kappa \lambda \mu \nu \pi \rho \sigma \tau \upsilon \phi \chi \psi \omega \phi \imath \kappa \rho \eta \tau \omega \nu$ (рук. А, л. 57 б; рук. Б, л. 100 б). Основное внимание автор уделяет одиннадцати буквам, т.е. фонемам, которые в древнееврейском языке служат и грамматическими и корневыми показателями ('āлеф, бēt, хē, wāv, йōд, kāф, lāмед, mēm, нūн, шīн и tāv). Абū-л-Фарадж Харūн детально рассматривает грамматическое значение, т.е. функции каждой из этих фонем в структуре словоформ имени, глагола и частиц. Такая организация языкового материала является для нашего автора методом описания формообразования в языке.

Далее делается попытка раскрыть взгляды автора на структуру отдельных словоформ, учитывая, что в семито-хамитских языках модификация лексического значения глаголов выражается не только редупликацией и инфиксацией, но также аффиксацией (добавлением служебных фонем к глагольной основе)². Мы коснемся также вопроса об ассимиляции звуков (в формулировке автора "ассимиляция букв"). Из большого объема текстов третьей части сочинения³ мы выбрали для нашего сообщения разделы о фонемах хē и нūн.

1. Абū-л-Фараджу известно явление ассимиляции. Говоря о

словосочетании⁴ שׁוּבַת הַיּוֹם [Ко. 10, 11], имперфектив, порода קָאָל , он указывает, что в слове הַיּוֹם ассимилировалась (דַּלֵּט) фонема (в тексте "буква") הוּן , ибо, по его мнению, это словоформа שׁוּבַת (рук. Б. л. 103 а).

2. Абӯ-л-Фараджу известно, что префикс $\text{חֵ$ модифицирует основное значение глагола. Мы нашли один пример: словоформы לֹא и לֹא־לֹא . По его мнению, это глаголы непереходные, а словоформа * לֹא־לֹא , которую он образует от לֹא לֹא לֹא (1Р. 18, 37), перфектив, порода хиф'йл] – переходный глагол (קָטַל) (рук. А, л. 143; Б. л. 225 б).

3. В разделе о фонеме חֵ Абӯ-л-Фарадж Харӯн отмечает ее функцию в составе морфемы определенного артикля, который аналогичен, по его мнению, арабскому артиклю ال . Он приводит примеры: הַיּוֹם (Hi. 1,1) и הַיּוֹם (Ps. 1,1) (рук. Б, л. 8 а).

4. Абӯ-л-Фарадж Харӯн отмечает словоформы разных частей речи, в которых префикс содержит фонему חֵ со значением вопросительности (לֹא־לֹא).

4.1. В именах: לֹא־לֹא (2Р. 5,7).

4.2. В самостоятельных личных местоимениях (לֹא־לֹא): לֹא־לֹא (Jв. 66, 9).

4.3. В указательных местоимениях (לֹא־לֹא):

לֹא־לֹא (Th. 2, 15).

4.4. В частицах (לֹא־לֹא): לֹא־לֹא (Jв. 57. 6).

4.5. В словоформах глагола:

4.5.1. перфектива: לֹא־לֹא (Dt. 4, 33);

4.5.2. имперфектива: לֹא־לֹא (Jr. 16, 20);

4.5.3. инфинитива: לֹא־לֹא (2S. 19, 43)

(рук. Б, л. 9 а и б).

4.5.4. Однако Абӯ-л-Фарадж Харӯн не знает функции фонемы חֵ в качестве показателя породы хиф'йл; он не выделяет этот лексико-грамматический ряд. Перечисляя формы масдара, к которым примыкает חֵ לֹא־לֹא (Jв. 7, 13), לֹא־לֹא (Dt. 3-24 לֹא־לֹא), לֹא־לֹא לֹא־לֹא и לֹא־לֹא , т.е. словоформы инфинитива породы хиф'йл он указывает лишь на то, что в данных словах חֵ не является ни корневым, ни показателем определенного артикля, ни показателем вопросительности (рук. А, л. 77 а; Б, л. 531 б).

5. В разделе о фонеме הוּן Абӯ-л-Фарадж, ссылаясь на арабскую модель انفعل и арабский пример انكسر , опознал глагольную породу ниф'ал в древнееврейском языке. Но парадигму глагола с первым корневым הוּן , подобно парадигме глагола с первым корневым

йбд,¹ он строил исходя только из факта наличия или отсутствия данной фонемы в словоформе. В результате появилось два ряда форм при одном глагольном понятии: один ряд с тремя корневыми согласными, второй - с двумя. При этом в одну парадигму включены словоформы разных глагольных пород. Приведем примеры двух глагольных понятий, в каждом из которых, по мнению автора, два ряда грамматических форм.

Б.1. Первый пример - глагольное понятие "приближать";

Б.1.1. Первый ряд с корневой нûн, т.е. с тремя корневыми согласными:

·16 2 1! [(Dt. 21, 5) перфектив + wāw consecutivum, порода ниф'ал]

6 2 1! [(Am. 9, 13) перфектив + wāw consec., порода ниф'ал].

В этом ряду оба глагола породы ниф'ал, но автор их грамматически не характеризует.

Б.1.2. Второй ряд без фонемы нûн, т.е. с двумя корневыми согласными, то же глагольное понятие "приближать";

6 2 [(2S. 1, 15) императив, порода қал];

·16 2 [(Gn. 45, 4) императив, порода қал];

6 2 1 [(Gn. 44, 18) имперфектив + wāw consec., порода қал];

·16 2 1 [(Js. 41, 22) имперфектив, порода хиф'йл];

п 6 2 1 [(Lv. 2, 8) перфектив + wāw consec., порода хиф'йл];

д·16 2 1 [(2R. 4, 5) партицип актив, порода хиф'йл];

п 6 2 [(Gn. 27, 21) императив, порода қал];

п 6 2 1 [(1S. 30, 7) императив, порода хиф'йл];

6 2 1 [(1S. 30, 7) имперфектив + wāw consec., порода хиф'йл];

(рук. А, л. 139 а; Б, л. 217 а).

Б.2. Второй пример - глагольное понятие "окружать".

Б.2.1. Первый ряд с корневой фонемой нûн, т.е. с тремя корневыми согласными:

·19 2 1 [(Js. 29, 1) имперфектив, порода қал];

9 2 1 [(Js. 10, 34) имперфектив + wāw consec., порода пи'ёл (ниф'ал?)];

·19 2 1 [(Hh. 19, 26) перфектив, порода пи'ёл].

Б.2.2. Второй ряд без корневой фонемы нûн, т.е. с двумя корневыми согласными; то же самое глагольное понятие "окружать":

д·19 2 1 [(2R. 11, 8) перфектив + wāw consec., порода хиф'йл];

9 2 1 [(Hh. 19, 6) перфектив, порода хиф'йл];

д·19 2 1 [(1R. 7, 24) партицип, порода хиф'йл];

п 9 2 1 [(Js. 15, 8) перфектив, порода хиф'йл];

9 2 1 [(Th. 3, 5) имперфектив + wāw consec., порода хиф'йл]

(рук. А, л. 138 б, Б, л. 216 б).

6. В приведенных примерах Абӯ-л-Фарадж Харӯн поставил в один ряд без какой-либо характеристики словоформы разных глагольных пород. В ряду 5.1.2. породы қал и хиф'а́л; в ряд 5.2.1. қал и пи'а́л.

Аналогичным образом автор характеризует и другие глаголы с первой корневой согласной нӯн:

ntá, nts, nkm, ntr, ndp, nkr, nbl,
ndb, ndr, ndd, nãk, nãk, nkb, nzl,
ngñ, nml, nps, nãl, ntn
и др.

7. Некоторые выводы:

а) Абӯ-л-Фарадж знает, что модификация глаголов осуществляется присоединением префикса к глагольной основе.

б) Автору "Книги, объемлющей основы и производные древнееврейского языка" известно явление ассимиляции фонем (в тексте букв).

в) В этом сочинении иерусалимский языковед пытался использовать взгляды арабских грамматистов и найти глагольные породы в древнееврейском языке. Он выделил породу ниф'а́л, но из-за отрицания закона о трехсогласном корне не смог построить полную ее парадигму.

г) Вновь убеждаемся в том, что единую систему глагольных пород автору определить не удалось.

8. В дальнейшем метод описания формообразования в языке, при котором исходным моментом служила отдельная фонема, был отвергнут. Но было одно исключение – этот метод применялся младшим современником Абӯ-л-Фараджа Харӯна Йоной ибн Джанāхом (1090-1155) гг., приверженцем закона о трехсогласном корне.

1. М.Н.Зислин. Фрагмент из рассуждений Абӯ-л-Фараджа Харӯна ибн ал-Фараджа о морфологии древнееврейского глагола. III и ПИЖНВ, 1985, с. 47-50.

2. И.М.Дьяконов. Семито-хамитские языки. М., 1955, с. 95; его же: Языки Древней Передней Азии. М., 1967, с. 256.

3. Нами укомплектовано 469 с. сводного текста этой части.

4. Примеры из Ветхого Завета, приводимые в данном сообщении, в источниках А и Б не огласованы. Мы приняли огласовку Каирской рукописи Ветхого Завета XI в. (ГПБ Б 19^A), опубликованной в *Biblia Hebraica ed. R.Kittel-P.Kahle, Stuttgart, 1937*, на том основании, что списки А и Б "Ал-Китāб ал-Муштамил..." также были переписаны в Каире: первая в XII в., вторая в XIV в. Источники примеров отмечены в скобках общепринятыми сокращениями.

ПРЕПОЗИЦИЯ ДОПОЛНЕНИЯ В ВЭНЬЯНЕ

В вэньяне, как и вообще в китайском языке, простое повествовательное предложение нейтрального стиля с предикатом - переходным глаголом и именными субъектом и объектом имеет порядок слов SVO, где S - субъект, V - предикат, O - объект.

Изменение актуального членения предложения или необходимости специально выделить, подчеркнуть какой-либо элемент высказывания влекут за собой изменение порядка слов. При этом нестандартная синтаксическая позиция того или иного члена предложения маркируется определенными грамматическими средствами.

Выделению и подчеркиванию могут, естественно, подвергаться различные элементы предложения, но нас будет интересовать в первую очередь имя, обозначающее объект действия глагола (т.е. лицо или предмет, изменяющиеся под действием глагола); такое имя является дополнением к глаголу-сказуемому и в исходной, стандартной, конструкции следует непосредственно за ним, не требуя в этой позиции никакого оформления (修道路 сю даолу "строить дороги" [С, 89, 24]; 建學堂 цзянь шветан "создавать школы" [С, 10, 57]; 改良政治 гайлян чжэньчи "проводить политические реформы" [С, 94, 12]; 行社會革命 син шэхай гэмин "осуществлять социальную революцию" [С, 85, 15]).¹ С инверсией, обусловленной актуальным членением предложения, в китайском языке, как и в других языках с твердым порядком слов, связан и порядок слов пассивных предложений, в которых объект действия также занимает первую позицию (позицию подлежащего), и это можно рассматривать как один из способов превращения объекта действия в тему высказывания.²

Грамматические средства, с помощью которых обеспечивается инверсия имени, обозначающего объект действия глагола, в привлеченных текстах чрезвычайно разнообразны, и на них мы сейчас остановимся, подразделив все случаи на четыре основных типа,³ при этом мы будем исходить не из значения конструкций, а из их структуры.

Первый тип характеризуется наличием и субъекта и объекта; возможны следующие два варианта.

1) Объект, представляющий собой неодушевленное существительное, выносится вперед, в позицию перед субъектом (которым может быть только одушевленное существительное) как тема высказывания; после глагола-сказуемого (им может быть глагол активного воздействия и некоторые другие) на месте объекта находится личное местоимение.

мение 之 чжи, дублирующее объект – тематическое подлежащее;⁴ никаких иных средств оформления этой конструкции не требуется. Глагол, как правило, не имеет в данном случае показателей ни справа, ни слева (в отличие от байхуа, где в аналогичной конструкции нет дублирующего местоимения, но глагол всегда оформлен – либо глагольными показателями, либо наречиями, стоящими перед ним), так что морфема чжи в этой конструкции выполняет скорее грамматические функции (встречающиеся в отдельных случаях указательное местоимение перед тематическим подлежащим или наречие 已 и – показатель перфекта – перед глаголом–сказуемым не являются определяющими для данной конструкции). Приведем примеры:

此種地價稅法，英國現已行之 Цзю чжун ди цзя шуй фа, Ин го сянь и син чжи "Такой закон о [взимании] налога [в соответствии] с ценой земли Англия теперь уже ввела" (С, 87, I);

地方行政，軍政府總攝之 迪фан синчжэн, цзюнь чжэнфу цзуншэ чжи "Местное управление полностью принимает на себя Военное правительство" (С, 69, 2I).

2) Второй вариант отличается тем, что здесь темой высказывания служит развернутая предикативная конструкция (подлежащее этой конструкции оформляется как подлежащее зависимого предложения); в конце предикативной конструкции находится служебное слово 者 чжэ; как и в первом варианте данного типа, предикативная конструкция дублируется местоимением чжи, стоящим после глагола–сказуемого, например:

故英之能傾印度...者，商力為之也 Гу Ин-чжи нэн цин Инду... шан ли вэй чжи е "Поэтому именно сила торговли сделала то, что Англия сумела подчинить Индию..." (С, I3, 20).

Второй тип характеризуется тем, что здесь отсутствует субъект (он невозможен, а не просто опущен), и объект занимает первое место (место подлежащего). Конструкция возможна при глаголах активного воздействия на объект и некоторых других.⁵ Для взъянтя данную конструкцию нельзя считать "неполной" (безагентной) пассивной конструкцией, поскольку полная пассивная конструкция образуется в этих текстах не путем введения субъекта с помощью предлога 於 ой (как в древнекитайском языке), а совершенно другими средствами (см. ниже "Третий тип"). Различаются два варианта этого типа конструкции.

I) Перед глаголом–сказуемым присутствует какое-либо наречие, указывающее на границу группы сказуемого (иногда оно стоит в начале предложения); такое наречие является грамматическим условием данного варианта конструкции; предложение переводится как неопределенно-личное, например:

新政府方成 Сянь чжэнфу фан чэн "Новое правительство только что сформировали" (С, 86, 5);

夫民国新建 Фу минь го синь цзянь "Ведь Республику только что основали" (С, 83, 15).

2) Перед глаголом-сказуемым находится служебное слово 已 и - показатель перфекта (в отрицательном предложении - 未 вэй "еще не"). Глагол обозначает состояние, последовавшее за определенным действием; носителем этого состояния служит объект действия; помимо и 已 вэй в этой конструкции можно встретить отрицание 未嘗 вэйчан, модальную частицу 矣 и (означающую достижение известной точки на линии времени), а также служебное слово 既 цзи (имеющее такое же значение, как 已 и, но отмечающееся в вэньяне только в составе придаточного предложения). Приведем примеры:

中国民族, 民權西曆已達到 Чжунго миньцзу, миньцвань лян цэн и дадао "В Китае принципы национализма и народовластия уже осуществлены" (С, 85, 2);

荒土闢矣 Хуанту пи и "Необработанные земли распаханы" (С, 10, 9).

Третий тип составляют различные пассивные предложения. Их общий признак заключается в том, что объект действия всегда стоит впереди (на месте подлежащего) независимо от того, присутствует или опущен субъект действия. Данный тип имеет несколько вариантов, различающихся формально, а именно тем, как вводится субъект. Здесь возможны глаголы разных семантических групп. Пассивная конструкция обычно переводится активной.

1) Одним из наиболее распространенных вариантов для привлеченных текстов является конструкция 為...所 вэй...со. Это - именная конструкция, в которой при связке вэй в качестве именной части сказуемого выступает сочетание глагола с предшествующим ему местоимением 所 со (как известно, со, стоящее перед глаголом, превращает глагольную конструкцию в именную); субъект находится перед со (в редких случаях он может опускаться). Приведем примеры:

此等重利, 皆為地主所得 Цыдэн чжун ли, цзе вэй дичжу со дэ "Такую огромную выгоду полностью получает землевладелец" (С, 86, 18);

社會革命為全球所提倡 Шэхуй гэмин вэй цвань цю со тичан "Весь земной шар ратует за социальную революцию" (С, 84, II).

2) Следующим по употребительности вариантом является глагольная конструкция, в которой предлог 由 ю вводит субъект и вместе с ним предшествует глаголу-сказуемому; имя со значением субъекта в данном случае никогда не опускается. В вэньяне можно встретить и

различные промежуточные варианты рассматриваемой конструкции (когда, например, объект дублируется местоимением 之 чжи, стоящим после глагола-сказуемого, и конструкция напоминает первый тип, но с избыточным использованием предлога 由). Приведем примеры:

大總統由國民公舉 Дацзунтун ю го минь гунцзэй "Президент избирается гражданами страны" (С, 69, 9);

仍由比國造成 韋н ю Би го цзаочэн "Все равно [она] была построена бельгийцами" (С, 88, 4);

此宣誓典禮,本由政府執行之 Ци сваньши дяньли, бэнь ю чжэнфу чжисин чжи "Эта церемония присяги, собственно говоря, должна проводиться государством" (С, 161, II).

В вэньяне, кроме того, отмечен смешанный вариант пассивной конструкции с предлогом 由, в котором перед глаголом-сказуемым присутствует еще и служебное слово со (по аналогии с конструкцией вэй... со). Пример:

... 由斯密氏所打破 ... Ю Сьми ши со дапо "... [Эта закономерность] была раскрыта Адамом Смитом" (С, 125, II);

... 一切疾病,皆由微生物所致 ... Ице цзи, цзе ю вэйшэнью со-чжи "... Все болезни вызывается микробами" (С, 137, 2);

... 黃熱疫,則由蚊子所傳染 ... Хуанжэи, цзе ю вэньцзы со чуаньжань "... Желтая лихорадка переносится москитами" (С, 137, 3).

3) В привлеченных текстах встречается также глагол с пассивным значением - 被 бэй.⁶ В конструкции с пассивным глаголом субъект помещается между пассивным и значащим глаголом (он может опускаться). Примеры:

德國海面被英封禁 Дэ го хаймянь бэй Ин фэнцзинь "Германия с моря была блокирована Англией" (С, 115, 3);

彼等名冊,已被搜獲 Бидэн минцэ, и бэй соужо "Их списки были при обыске захвачены" (С, 182, 3).

4) Пассивная конструкция, в которой субъект вводится предлогом 於 юй и стоит после глагола-сказуемого (или прилагательного; перед сказуемым, кроме того, возможно присутствие слова 見 цзянь - показателя страдательного залога), - явление, достаточно редкое для рассматриваемых текстов. Пример:

夫百貨者...運於商旅 Фу бай хо чжэ... юнь юй шанлюй "Все товары... перевозятся купцами" (С, 13, 4).

Четвертый тип характеризуется тем, что имя со значением объекта выносится не в самое начало предложения (т.е. не как тема высказывания и не как подлежащее), а в позицию перед глаголом-сказуемым. Субъект занимает первое место - место подлежащего (он может быть опущен). В вэньяне встречаются различные варианты этого типа.

1) Объект находится перед глаголом-сказуемым, имея перед собой предлог. Это — наиболее простой случай, поскольку сам объект маркирован специальным служебным словом. В привлеченных текстах из таких служебных слов отмечены 以 и 將 цзян. Слово цзян, обычное в этой роли в древнекитайском языке и широко распространенное в средневековом байхуа, употребляется там для препозиции дополнения в тех случаях, когда после глагола-сказуемого находится знаменательное или служебное слово (кроме стихов в каньских пьесах, где эти условия не соблюдаются). То же самое наблюдается и в веньяне, но здесь из глагольных показателей возможен лишь модификатор. Конструкция с предлогами 以 и 將 цзян употребляется как при глаголах, обозначающих активное воздействие на лицо или предмет, так и при глаголах с двойным управлением. Приведем примеры:

若能將平均地權做到 ... Жо нэн цзян пинцзюнь до цюань цзюдао... "Если [мы] сможем осуществить уравнение прав на землю..." (С, 86, 3);

將此主義普及全國 цзян цы чжуи пуцзи цюань го "распространить этот принцип в [масштабе] всего государства" (С, 86, 4)

夫人不能以土養... 人不能以草食 Фу жэнь бу нэн и ту ян ... хэнь бу нэн и цас ши "Ведь люди не могут есть землю... люди не могут есть траву" (С, 10, 14).

2) Объект может занимать позицию перед глаголом-сказуемым, находясь между частицей 惟 вэй "только" и местоимением 是 ши "это", "это". Данный вариант наблюдается при таких глаголах, как 聽 тин "слушать", 瞻 чжань "смотреть вверх", 求 цю "требовать", "просить", 賴 лай "опираться", "полагаться", 務 у "заниматься", т.е. не обозначающих активного воздействия на лицо или предмет. Например:

惟文是務 Вэй вэнь ши у "[Они] занимались только литературой" (С, 126, 4).

I. Материалом для нас послужили статьи Сунь Ятсена (сокращенно: С), опубликованные в двухтомнике "Избранные сочинения Сунь Ятсена" (孫中山選集 Сунь Чжуншань сянъцзи), изданном в Пекине в 1956 г. Двухтомник содержит произведения самого разного характера как в плане языка, так и в плане содержания и стиля. Для наших целей отобраны официальные тексты (доклады, письма, декларации и т.п.), написанные на веньяне. При примерах первая цифра после "С" обозначает страницу, вторая — строку.

2. Ср. замечание С.Е.Яхонтова относительно английского языка ("Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог". Л., 1974, с. 51).
3. В данной статье не затрагиваются случаи, когда личное, возвратное, взаимное, вопросительное или относительное местоимение, при определенных условиях, как и в древнекитайском языке, всегда занимает позицию перед глаголом-сказуемым или перед предлогом (подробнее см. Т.Н.Никитина. Грамматика древнекитайских текстов. Синтаксические структуры. Л., 1982, с. 18-21).
4. В вэньяне можно встретить, кроме того, конструкцию с тематическим подлежащим, явившуюся результатом превращения глагольного предложения в именное. В отличие от рассматриваемой конструкции с тематическим подлежащим, здесь перед глаголом-сказуемым стоит относительное местоимение 所 со, выполняющее функции вынесенного вперед имени; в структурном отношении это - особый случай (см. Т.Н.Никитина. Ук.Соч., с. 73).
5. Мы не касаемся здесь тех особых случаев, когда перед глаголом-сказуемым находится либо модальное прилагательное (難 нань "трудно" или 易 и "легко), либо модальный глагол (可 кэ "можно"), - в таких предложениях первое имя (на месте подлежащего) обозначает объект действия глагола.
6. Пассивный глагол 遭 цзао встретился нам лишь в конструкции без подлежащего / об этой конструкции см. И.Т.Зюграф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979, с. 260-262 /.

Ю.И.Иоаннесян

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРЕДЛОГА bar-e В РАЗГОВОРНОМ ДАРИ

Р.Фархади, указывая на употребление предлога bar-e в разговорном дари, считает его вариантом предлога bara-ye книжно-литературного языка.¹ Такого же мнения придерживается А.Л.Гринберг.² Действительно, семантически bar-e обнаруживает сходство с bara-ye, ибо одним из его основных значений является цель действия: uā bar-e xaridan-e jens āmada budan "они приходили, чтобы купить товар".³ Развитием этого значения является употребление в устной речи bar-e в составе сложного союза, вводящего придаточные предложения цели - bar-e az i ke, где этот предлог также может быть соотнесен только с bara-ye книжно-литературного языка. Однако, этим

не исчерпывается круг значений *bar-e*, который используется и для указания на адресата действия: *bar-e ma goft* "сказал мне", *bar-e ō pešān dād* "показал ему".

В.Иванов отмечал частое употребление предлога *bar/war* в современных говорах Хорасана, а также в "*Tabāqāt-i Ansāri*", встречающегося вместо *ba* и *barā-ye*. Примеры В.Иванова не оставляют сомнения, что речь идет о том же *bar-e*, что и в дари: "*warash guftum*". Однако автор возводит его к предлогу *abar* ранних памятников на персидском языке.⁴

В таджикских говорах, во многих юго-западных иранских языках и диалектах исследователями отмечены фонетически и семантически схожие предлоги. При этом для одних характерно значение цели, для других - адресата действия или нахождения вблизи предмета.

В большинстве таджикских говоров интересующий нас предлог имеет форму *bari*,⁵ и значения его варьируют в различных диалектах, обозначая цель, причину действия (пенджикентский, рогский говоры),⁶ либо - совершение действия в непосредственной близости к предмету (жулябский говор).⁷ В матчинском говоре предлог *biri* (*bari* > *biri*, ср.: *sari* > *siri*) объединяет значение цели: *biri mardak gar uobam* "найду, пожалуй, для него [человека] слово" и адресата: *šumo biri man xat karded, bə adrisi maktab nəvised...* "когда вы мне напишите письмо, пишите на адрес школы...".⁸

В бахтиарском языке отмечен предлог *ver*, который указывает на адресата действия: *benevisum kāgiz ver Xaj Xalilxūn* "напишу письмо Халильхану из племени Хадж", *xayar megū'in ver dede Māhi* "не говорите об этом известии сестре".⁹

В диалекте бурунгуни Фарса *bir*, *bire* - "у", "около", "к": *bušu bire bāvāš* "он подошел к отцу".¹⁰

В габри *bri*, *berī* - значение цели, ср. подчинительный союз *briāy-i ke*.¹¹

В ларских диалектах *bar* используется аналогично предшествующему случаю, ср. *bar ši* "для чего".¹²

В татском языке интересующий нас предлог употребляется в том же значении, ср. *je ta adam ama bā kāre mirza kuti bū ki "bāre mū kağaz binoūs"* "один человек пришел к писцу, сказал ему: Для меня письмо напиши", *ābā bāre har tā išan doxtar xoist, ārusi sāxt* "отец для каждого из них сосватал девушку, сыграл свадьбу".¹³

Приведенные примеры показывают, что в упомянутых выше иранских языках и диалектах имеется предлог, семантически совпадающий либо с *barā-ye* литературного персидского языка, либо обнаруживающий явное сходство с предлогом *bar-i* ранненовоперсидского, также

употреблявшимся для выражения нахождения вблизи предмета и направления движения в сторону предмета, ср. Bahḡām bar-(i) Xāqān šod.¹⁴ Значение адресата действия, движения по направлению к предмету и нахождение вблизи предмета тесно связаны между собой.

Возвращаясь к предлогу bar-e разговорного дари, следует отметить, что он (а также, насколько можно судить по работам В.Иванова, хорасанский вариант war-/e/) отличается от рассмотренных выше случаев тем, что объединяют оба значения. Это наводит на мысль о том, что этот предлог мог возникнуть в результате контаминации barā-ye и bar-e. Подобное предположение кажется тем более правдоподобным, если учесть, что фонетически переход barā-ye в bar-e в разговорном дари представляется закономерным, чему способствует утрата долготы "ā" после сонорных "r", "l", характерная для разговорного дари, ср. послелог -rā// -ra, наречие čerā//čera. Сочетание aye в устной речи переходит в ē, ср. banda-ye xodā → bandē xodā. В ряде случаев переход āye в ē (через промежуточную форму aye) наблюдается в слове bālēsār из bālānesār. С учетом вышеизложенного можно предположить, что предлог barā-ye в разговорном дари, трансформировавшись в bar-ē, почти полностью фонетически совпал с bar-i ранненовоперсидского языка, о чем говорилось выше. Это привело к слиянию обоих предлогов, как фонетически, так и семантически. Долгота ē в bar-ē < barā-ye вряд ли могла служить помехой для подобной контаминации, так как, воспринимаясь как изафет, ē мог утратить свою долготу, т.е. уподобиться изафету. Результатом этого процесса явилось возникновение единого предлога, объединившего два значения.

-
1. Р.Фархади. Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974, с. 102.
 2. А.Л.Гринберг. Татский язык. - Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М., 1982, с. 279.
 3. В работе используются личные записи автора.
 4. W.Ivanow. Persian as spoken in Birjand. - JASB, N.S., 1928, v. XXIV, p. 255; он же: Tabāqāt of Ansāri in the Old Language of Herat. - JRAS, 1923, pt. 1, p. 362.
 5. А.З.Розенфельд. Таджикско-русский диалектный словарь (юго-восточный Таджикистан). Л., 1982, с. 32.
 6. С.Ю.Иванова. Материалы по пенджикентскому говору таджикского языка. - Труды Ин-та яз. АН СССР, 1956, т. 6, с. 283; И.Ю.Богоград. Рогские говоры таджикского языка. - Там же, с. 144.
 7. Р.Л.Неменова. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956, с. 34.

8. А.Л.Хромов. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1982, с. 100, 55.
9. А.А.Керимова. Лурские и бахтиарские диалекты.-Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. М., 1982, с. 308 (здесь и далее примеры приводятся в транскрипции авторов).
10. Там же, с. 358.
11. W.Ivanov. The Gabri dialect spoken by the Zoroastrians of Persia. Estratto dalla "Rivista degli studi Orientali", vol. XVI, p. 97.
12. А.А.Ромасевич. Лар и его диалект. - Иранские языки, I. М.-Л., 1945, с. 59.
13. Б.В.Миллер. Татские тексты. Там же, с. 115, 123.
14. G.Lazard. La langue des plus anciens monuments de la prose persane. Paris, 1963, p. 404.

Ирене Квонг Лай Ю
(И.Квонг)

ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ С СУФФИКСОМ -kan В ИНДОНЕЗИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Употребление суффиксов -kan и -i у производных основ является одним из способов формального выражения индонезийской категории переходности. Глаголы движения (далее ГД) с суффиксами -kan и -i до сих пор не были предметом специального исследования. Цель данной статьи - выявить значения ГД, образованных только с помощью суффикса -kan.¹

ГД в индонезийском языке имеют свою специфику. В русском языке эти глаголы (кроме нести, вести, везти) относятся к непереходным. При помощи приставок от некоторых из них образуются переходные глаголы (обежать дом, исходить лес), однако это всегда связано с дополнительными оттенками. В индонезийском языке от непереходных ГД почти всегда могут быть образованы переходные с помощью не приставок, как в русском языке, а суффиксов -kan и -i, причем новообразованные глаголы, особенно с суффиксом -i, могут сохранять свое первоначальное значение движения (далее ЗД): berangkatkan penumpang (букв. отправляться + -kan - пассажиры) "отправлять пассажиров", merenang-i sungai² (букв. ме- + плавать + -i - река) "плавать по реке" (последний не может быть переходным в русском языке).

Категория переходности в индонезийском языке отличается от

таковой в русском языке. В индонезийском переходность глагола определяется его способностью образовать формы как действительного, так и страдательного залогов. В русском же языке значение переходности закрепляется за каждым конкретным глаголом как его способность принимать прямое дополнение.³

В индонезийском языке содержание категории переходности осложняется еще и тем, что его составляют различные виды объектной связи: связь с прямым объектом, с результативным объектом, с инструментальным объектом, с объектом-адресатом, с объектом совершения действия, с заинтересованным объектом. И все эти объекты считаются прямыми дополнениями, так как в страдательном залоге они трансформируются в подлежащее. Таким образом, в индонезийском языке имеется возможность широчайшего применения страдательных оборотов, которые в русском языке невозможны.

При грамматическом описании индонезийского языка вышеперечисленные виды объектов действия сводятся к двум разрядам – подвижные объекты и неподвижные объекты. Отсюда два значения переходности: 1) переходно-побудительное (каузативное) – при направленности на подвижный объект (основы с суффиксом *-kan*) и 2) переходно-приложительное (локативное) при направленности на неподвижный объект (основы с суффиксом *-i*).

Когда одна и та же глагольная основа может иметь и подвижный, и неподвижный объект, то изменение суффиксального оформления глагольной основы зависит от характера объекта. От одной и той же глагольной основы *datang* "прийти" при помощи суффиксов *-kan* и *-i* образуются глаголы с разными лексическими значениями. В данном случае мы имеем дело с разными лексемами. Ср. *mendatangkan tamu* (букв. *мен-* + прийти + *-kan* – гости) "пригласить гостей" и *mendatangi abangnya* (букв. *мен-* + прийти + *-i* – ее брат) "прийти к ее брату".

ГД с суффиксом *-kan* образуются от всех трех основных классов морфем: 1) существительных, 2) прилагательных и непереходных глаголов, 3) переходных глаголов.

В привлеченном материале встречаются существительные, от которых при помощи суффикса *-kan* образуются ГД, причем сами эти существительные, как правило, лишены признака движения, например: *meminggirkan mobil* (букв. *мен-* + край + *-kan* – машина) "отвести машину в сторону".

Встречаются также ГД с суффиксом *-kan*, образованные от некоторых прилагательных, обозначающих расстояние, например: *mendekatkan anjingnya ke dokter* (букв. *мен-* + близкий + *-kan* – ее

собака к врач) "подвести ее собаку к врачу".

Что касается производных основ с суффиксом **-kan**, образованных от самих ГД, то среди них возможны и переходные, и непереходные. В предложениях эти новообразованные ГД ведут себя очень разнообразно.

Когда каузативное значение суффикса **-kan** в ГД, образованных от переходных глаголов, не подчеркивается и эти глаголы с суффиксом **-kan** имеют те же значения, что и глаголы без суффикса **-kan**, мы имеем дело с деграмматикализацией суффикса.

ГД же с суффиксом **-kan**, образованные от непереходных глаголов, могут приобретать дополнительные лексические значения, причем некоторые из них не одно, а несколько. Реализация значения таких многозначных глаголов связана со значением объекта, порождающего одушевленности и неодушевленности (иногда для выяснения этого значения требуется широкий контекст).

Рассмотрим основные значения этих глаголов.

1. ГД с суффиксом **-kan**, образованные от переходных глаголов, значение каузативности суффикса которых не подчеркивается, требуют прямых одушевленных объектов, например: *Seperti biasa, bubar kuliah aku boncengkan dulu Isti pulang ke rumahnya* [VI, 324, 81] "Как обычно, после занятий я сначала подвез (букв. подвести + **-kan**) Исти домой". Данной группе противопоставляются ГД остальных групп, образованные от непереходных глаголов.

2. Переходные ГД с суффиксом **-kan**, образованные от непереходных глаголов, употребляются в несколько ином ЗД. Они требуют неодушевленных объектов, например: *Perintahkan pada pasukan pelanngkal pesawat udara, supaya menembak tiap-tiap kapal terbang musuh yang memasuki daerah kita, dan mobilisasi barisan buruh buat memindahkan bom-bom itu segera* [RB, 28] "Прикажите зенитчикам открывать огонь по каждому вражескому самолету, который вторгается в наше воздушное пространство, и мобилизуйте рабочий отряд для того, чтобы срочно перевезти (букв. меш- + перемещаться + **-kan**) эти бомбы".

3. Некоторые непереходные ГД с суффиксом **-kan** в сочетании со словом **как** "ноги" приобретают другое ЗД ("шагать" и др.) и остаются непереходными, например: "Terima kasih, Tuhan ...", *ucap Yani lirih sambil mengayunkan kakinya masuk kelas* [B, 3, 5] "Спасибо [Тебе], Господин...", *promptala себе Яни и magнула* (букв. *meng-* + качаться + **-kan** - ее ноги) в класс".

4. ГД, где значение каузативности суффикса **-kan** подчеркивается, требуют прямых одушевленных объектов, например: *Pada waktu*

melompatkan kedua kuda tadi, kuda itu meronta-ronta dan mendengus-dengus dengan galaknya [RR, 84] "Когда [я] заставлял обеих лошадей прыгать (букв. ме- + прыгать + -kan - обе лошади), они сильно бидись и фыркали".

5. ГД с суффиксом -kan, когда объект доставляется куда-то при помощи транспорта, могут сочетаться и с одушевленными и неодушевленными предметами, например: Pesawat "Senlawah" ... menerbangkan wakil Presiden Moh. Hatta untuk melakukan inspeksi ke daerah Sumatera [TI, 35, 23] "Самолет "Сенлавах" ... доставил (букв. ме- + лететь + -kan) вице-президента Мох.Хатта на территорию Суматры для проведения инспекции".

6. ГД с суффиксом -kan со значением конкретного действия сочетаются с объектами и одушевленными, и неодушевленными, например: Kancil memasukkan kakinya ke dalam air [B, 28, 14] "Канчиль опустил (букв. ме- + войти + -kan) свои ноги в воду".

7. В эту группу входят сочетания ГД с суффиксом -kan с существительными в прямом лексическом значении. В этих сочетаниях в переносном значении употребляется лишь ГД, например: "Ingat, ketika ia akan dimasukkan ke dalam penjara, ia berkata..." [DA, 96] "Помнишь, перед тем, как он был заключен (букв. di- + войти + -kan) в тюрьму, он сказал..".

8. При сочетании ГД с суффиксом -kan с существительным отвлеченного смысла ЗД глаголов определяется за счет отвлеченности объекта, например: Tapi papa dan mama tidak tahan lagi, sikap ini di dalam adat kita dinilai sebagai menjatuhkan martabat dan harga diri [K, 104, 68] "Но папа и мама больше не могли терпеть это положение, [поскольку] по нашим обычаям это означало уронить (букв. ме- + падать + -kan) авторитет и чувство собственного достоинства".

9. При сочетании ГД с суффиксом -kan с существительным прямого лексического значения оба компонента употребляются в переносном смысле и приобретают единое неразделимое значение, присущее фразеологизму. Такие сочетания в рассматриваемом материале единичны, например: ... usahanya akan menjatuhkan nama Indonesia di dunia internasional gagal sama sekali [KU, 235/ "... [вся] его деятельность, [направленная на то], чтобы подорвать авторитет (букв. ме- + падать + -kan - имя) Индонезии на мировой арене, потерпела крах".

Среди вышеперечисленных групп самыми частотными в употреблении являются ГД со значением каузативности (§ 4), со значением передвижения при помощи транспорта (§ 5) и со значением конкрет-

ного действия (№ 6). ГД в сочетании с существительным прямого лексического значения (№ 7) и переносного (№ 8) встречаются вдвое реже предыдущих. Еще реже - ГД, образованные от переходных глаголов значение каузативности суффикса которых не подчеркивается (№ 1); ГД, образованные от непереходных глаголов, приобретающие иное ЗД (№ 2); ГД в сочетании со словом "ноги" (№ 3). Реже всего используются ГД, входящие в состав фразеологизмов (№ 9).

- I. Нами рассмотрены и расписаны современные периодические издания и произведения художественной литературы последних лет. Принятые сокращения (в периодических изданиях первая цифра после сокращения обозначает номер журнала, вторая - страницу);
- B - "Bobo". Jakarta, 1980, № 28; 1981, № 3.
- DA - Dumas A. Dua puluh tahun kemudian. Diterjemahkan serta dipendekkan oleh Iskandar N.St.Djakarta, 1953.
- K - "Kartini". Jakarta, 1978, № 104.
- KU - Kamus umum bahasa Indonesia. Disusun oleh Poerwadarminta. Tjetakan ke-tiga. Djakarta, 1961.
- RB - Rumah baru dan tjerita² lain. Peking, 1957.
- RR - Raspe R.E. Baron von Munchhausen. Kiterjemahkan oleh Zuber Usman. Jakarta, 1949.
- TI - "Transtel Indonesia". Jakarta, 1982, № 35.
- VPI - "Variasi PUTRA Indonesia". Jakarta, 1980, № 324.
2. Каждый ГД с суффиксами -kan или -i может быть употреблен в действительном залоге с приставкой me- и ее вариантами meh-, men-, meny-, meng-, редко - ber-, и в страдательном - с приставкой di-. Здесь и далее под термином ГД с суффиксами -kan или -i мы подразумеваем их возможность образовать ту или иную залоговую оппозицию.
3. Характеристика категории переходности индонезийского глагола дается по работам Н.Ф.Алиевой: Н.Ф.Алиева и др. Грамматика индонезийского языка. М., 1972, с. II7-164; Н.Ф.Алиева. Индонезийский глагол. Категория переходности. М., 1975.

И.Т.Канева

ЗАМЕТКИ ПО ШУМЕРСКОЙ ГРАММАТИКЕ IV

Шумерскому глаголу присуща грамматическая категория ориентации. Эта категория выражается особой серией префиксов (префиксы

пространственной ориентации, в дальнейшем ППО), занимающих вторую позицию в составе финитных глагольных форм (первая позиция, которую занимают префиксы наклонения, может оказаться незанятой).

ППО выражают главным образом субъективную и эмоциональную характеристику говорящим (автором) направления действия по отношению к косвенному объекту (лицу, предмету). Субъективность характеристики направления действия обусловлена, во-первых, тем, что при наличии в предложении нескольких косвенных объектов говорящий посредством ППО может подчеркнуть направление действия к любому из них, например, *maš-si₄ maš-za-lá gaba-a tab-ba-da^d Inanna-ra šš-é-an-na-ka mu-na-da-an-ku₄-ku₄-ù, Šulgi X 7-8*, "с пятницами козлятами, с бородатыми козлятами он входит к Инанне в святыню Занна" в этом примере с помощью ППО *mu-* подчеркивается ориентация действия на косвенный объект *^dInanna-ra* "к Инанне", ср. *na-e^d Utu-ra an-šè šu-ni! ba-an-na-zig_x*, JDNW 353 "я поднял руки к небесам к богу Уту". Здесь посредством ППО *ba-* действие детерминируется по отношению к косвенному объекту *an-šè* "к небесам". Во-вторых, с помощью ППО действие ориентируется относительно позиции говорящего, указывается находится ли адресат действия близко (в конкретно пространственном или метафорическом-эмоциональном отношении) от говорящего или далеко. При этом ППО не изменяют лексического значения глагольной формы, в составе которой они выступают, например, *gi^s tukul-mé á-zu-šè hé-im-mi-gi₄*, GA 44, "боевое оружие пусть возвратится в твои руки сюда (im-mi-)!"; *Elam kur-ra-na bi-gi₄*, Van 2 VI 8, "(жители) Элама возвратились в свою страну туда (bi-)".

В текстах довольно часто отмечены предложения с финитными глагольными формами, осложненными ППО, не имеющие соответствующего коррелята - имени в пространственном падеже.

В данном сообщении будут рассмотрены те случаи, где, как нам представляется, присутствие ППО в составе финитных глагольных форм можно объяснить анафорической функцией этих формантов. В таком значении засвидетельствованы ППО *ba-*, *bí-*, *im-ma-*, *im-mi-*. Эти префиксы указывают на предмет, упомянутый выше: *li-du-ka-kéš-du-mu mu-mu ù-ta-gar mu-ni ba-gá-gá*, G St B VIII 21-23, "кто удалит (букв. "допустим, пусть удалил"), мое имя из моего сборника молитв, вставит туда (ba=) свое имя"; *gùd im-ma-ni-ib-ús ku-nuz-bi ba-ab-gar*, LE 39, "она (птица) устроила гнездо, положила туда, там (ba-) свои яйца"; *en-kul-aba^{ki}-a-ke₄ im-e šu bí-in-ra inim dub-gim b/i-1/n-gub*, EIA 503, "владыка Кулаба дотронулся рукой до глины, поставил туда, там (bí-) слова в виде таблич-

ки"; $\check{s}u-nir\ ki-\acute{a}g-ni\ mu-na-dim\ mu-ni\ im-mi-sar$ G Cyl A VII 22-23, "он изготовил для него его любимый "шунир", написал там (im-mi-) его имя".

ППО в анафорической функции могут соотноситься со всем предшествующим высказыванием: $zag-\acute{s}e-m\acute{a}\ kas_4\ h\acute{e}-gal\ nam-ba-k\check{u}\check{s}-\check{u}-d\acute{e}-en$ LE 168, "в моих ногах пусть будет способность бегать (букв. "бегание пусть будет"), пусть тогда (ba-) я не буду уставать!" $pa-/bi/ -a\ musen /Anzu/ musen -d\acute{e}\ amar\ im-ma-ni-ib-gar\ sab-bi-a\ ki-sikil-lil-l\acute{a}-ke_4\ \acute{e}\ im-ma-ni-ib-d\acute{u}... kug -^d Inanna-ke_4\ ir\ e-ne\ ba-\acute{s}e_8 -\check{s}e_8$, GH 41-44, "В его (дерева) ветвях птица Анзу вывела пленца, в его стволе дева-демон построила дом, ... чистая Инанна льет слезы из-за этого (ba-)" ; $me-na-\acute{a}m\ gi^1\ gu-za-gi-rin\ ba-ni-/\check{t}u\check{s}-\check{u}-d\acute{e}/-en\ bi-in-dug_4$, GH 37, " когда я буду сидеть на троне? - так (bi-) она сказала"; $^d Inanna-ke_4\ a-na\ bi-in-ag\ m\acute{a}-e\ mu-un-k\check{u}\check{s}-\check{u}$, IDNW 216, "что такое (bi-) сделала Инанна, я беспокоюсь". В предшествующих строках слуга Инанны умоляет бога Энки не дать погибнуть Инанне в подземном мире; $ama-mu\ ninda-ia-\acute{a}m\ gu\ h\acute{e}-em-me$, Dd 10, "моя мать пусть закричит так (im-mi-): "пять хлебов есть!"; $/\acute{e}/aba-guru\check{s}-a\ gi-gim\ h\acute{e}-ra-ra\ ^d Asari-l\acute{u}-\check{h}e-e\ igi\ im-ma-an-sum$, SL 19-20, "грудь юноши она пронзила точно тростинкой, Асарилухе увидел это (im-ma-)" .

ППО, очевидно, могли употребляться и в препаративной функции - для указания на то, о чем будет сказано далее: $\acute{e}-a\ silim\ 6-\acute{a}m\ nam-mi-sum\ ud\ \acute{a}a-dug_4-ga\ hi-li\ il-\acute{a}m$, G Cyl A XXI 9-10; "он дал в храме шестое пожелание так (im-mi-): день жертвоприношений полон великолепия "

Анафорический или препаративный способы указания, свойственные ППО, таким образом функционально сближаются с кругом значений, выражаемых местоимениями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Dd B. Alster. *Dumuzi's Dream, Aspects of Oral Poetry in a Sumerian*. Copenhagen, 1972.
- Ban.2 H. Steible. *Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften I*, 1982, p. 145-151.
- ELA Sol Gohén. *Enmerkar and the Lord of Aratta*, 1973.
- GA S. N. Kramer. *Gilgamesh and Agga*. - *American Journal of Archaeology*, vol. LIII 1, 1949.
- G Cyl A F. Thureau-Dangin. *Les cylindres de Goudéa*. Paris, 1925; A. Falkenstein and W. von Soden. *Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete*. Zürich-Stuttgart, 1953.
- GH S. N. Kramer. *Gilgamesh and the huluppu-tree*. - *The Oriental*

Institute of the University of Chicago. *Assyriological Studies*, 10, 1938.

G St B P.Thureau-Dangin. *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*. Leipzig, 1907.

IDNW S.N.Kramer. *Inanna's descent to the nether world*. - *Journal of Cuneiform Studies*, 1951, vol. V, 1, 1-17.

LE C.Wilcke. *Das Lugalbandaepos*. Wiesbaden, 1969.

√ Sulgi X J.Klein. *Three Sulgi Hymns*. 1981, 124-166.

SL A.Falkenstein. *Ein sumerischer Liebeszauber*. - *Zeitschrift für Assyriologie*, 1964, 22(56), 113-129.

Г.Х.Каплан

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЗАКОНАХ ХАММУРАПИ

Три аккадские финитные глагольные формы, по традиции именуемые презенсом, претеритом и перфектом, выражают сложную систему видовых и временных значений. На разных этапах истории аккадского языка соотношения видовых и временных значений этих форм менялись, детали этого процесса до сих пор остаются невыясненными.

Презенс, форма курсивного вида, уже в древнейших аккадских диалектах выступал как видо-временная форма, которая могла выражать как действие, происходящее в момент речи, так и действие, происходившее в прошлом (только курсивное) и действие будущее (курсивное и некурсивное). Претерит и перфект, формы пунктива, которые уже по крайней мере с середины II тыс. до н.э. (среднеассирийский диалект) выражали преимущественно прошедшее действие. Пунктив будущего в значениях индикатива чаще выражался презенсом.¹ Поэтому, начиная с этого периода, претерит и перфект также можно рассматривать как формы видо-временные.

В.Зоден полагал, что хотя презенс, претерит и перфект первоначально и использовались для выражения видовых значений, а также значений аспектуальных (способ глагольного действия), уже в староаккадский период (XXV-XX вв. до н.э.) сложилась развитая система временных форм.² Это положение представляется спорным. Настоящее сообщение основано на материале вводных и заключительных разделов законов Хаммурапи. Кодекс Хаммурапи написан на классическом старовавилонском диалекте (XX-XVI вв. до н.э.), но введение и заключение отражают более ранний этап истории языка, близкий к староаккадскому диалекту.³ Для нас существенно то, что в этих разде-

лах кодекса, в отличие от собственно законодательной части, можно достаточно четко определить время действия. Это облегчает анализ видо-временных функций рассматриваемых глагольных форм.

В рассматриваемых разделах кодекса презенс выражает:

1) Действие, происходящее в момент речи (повествования) - настоящее курсивное: i-na Ė-SAG-ĪL ġa a-ra-am-mu ġu-mi i-na da-mi-iq-tim a-na-da-ar li-i^z-za-ki-i^z В Эсагиле, которую я люблю, имя мое вечно да будет благословляться. XXIVb,93-XXVb,2. См. еще XXIVb,100.

2) Настоящее-будущее с оттенком побудительности к совершению действия: DINGIR ĪN-KAR-RA-AĖ... ġi-im-ma-am mar-va-am ġa la i-ra-a^v-ġe-ġu... i-na bi-ni-a-ti-ġu li-ġa-si-a-a^v-ġum-ma... Ним каррак... рану болезненную, которую не (с)могут исцелить, пусть заставит появиться на теле его ... XXVIIIb,50-65. См. еще XXVIIb,50; XXVIIIb,60,62.

3) Будущее действие пунктивного вида: a-we-lum ġa-ab-lum ġa a-wa-tam i-ra-a^v-ġu-ú a-na ma-ġa-arALAM-i-a LUGAL mi-ġa-ri-im li il-li-ik-ma... Человек, притесненный, у которого возникнет тяжба (букв. который возмнеет тяжбу), к изображению моему "Царь справедливый" пусть придет и... XXVb,3-8. a-di na-pí-i^z-ta-ġu i-b^z-el-lu-ú a-na i^z-lu-ti-ġu li-da(!)-dam-ma-am. Пока жизнь его не угаснет, пусть он оплакивает свою мужскую силу. XXVIIIb,66-69

Претерит выражает:

1) Промежутое действие, пунктивное: i-nu-mi-ġu... AN ú DINGIR ĪN.LIL...ġu-mi ib-bu-ú. Тогда... Ану и Эллиль... имя мое назвали. I a,27-49. См. еще II a,15,70; III a,27 и др.

2) Будущее пунктивное: ġum-ma a-we-lum ġu-ú a-na a-wa-ti-ja ...i-qul-ma di-ni la ú-ġa-as-si-ik... ú-ġu-ra-ti-ja la ú-na-ki-ir a-we-lum ġu-ú ki-ma ja-ti LUGAL mi-ġa-ri-im Если человек этот к словам моим... отнесется с почтением и законов моих не устранил, ... моих указов не изменит, человек этот подобно мне царь справедливый. XXVIb,2-13. См. еще XXVIb,22,24,26,34.

Перфект выражает будущее действие пунктивного вида: ġum-ma a-we-lum ġu-ú... a-wa-ti-ja u^v-te-pe-el... Если человек этот ... слова мои аннулирует... XXVIb,18-30. См. еще XXVIb, 8, 28, 32, 35, 38.

Можно заметить, что будущее действие пунктивного вида (в значениях индикатива) выражается всеми тремя формами. Презенс отмечен в относительном временном придаточном предложении, претерит и перфект - в условном предложении с союзом ġum-ma.⁴ Число примеров сравнительно невелико, так что нельзя утверждать существование

различий в синтаксических функциях между презенсом, с одной стороны, и претеритом и перфектом, с другой, при обозначении будущего действия пунктивного вида.

Для старовавилонского периода принято считать, что при совместном употреблении рассматриваемых форм, перфект подчеркивает последовательность событий, обозначая действие, следующее за претеритом и предшествующее презенсу.⁵

В заключении кодекса отмечено совместное употребление претерита и перфекта. Возможно, что перфект выполняет здесь функцию подчеркивания последовательности действий: šum-ma a-we-lum šu-ú <a-na> a-wa-ti-ja ša i-na na-ru-ja as-tu-ru la i-qul-ma er-re-ti-ja i-me-šš-ma re-re-et i-lí la i-dur-ma di-in a-di-nu up-ta-as-ší-iz a-wa-ti-ja uš-te-pe-el ú-šú-ra-ti-ja ut-ta-ak-ki-ir šu-mi ša-at-ra-am ip-si-it-ma šum-šú iš-ta-tár as-šum er-re-tim ší-na-ti ša-ni-a-am-ma uš-ta-ši-iz... Если человек этот <к> словам моим, которые на стеле моей я написал, не отнесется с почтением и проклятия мои презрит и проклятий богов не испугается, и решения, которые я решил, отменит, слова мои аннулирует, мои предначертания изменит, имя мое написанное уничтожит и имя свое напишет (или) из-за проклятий этих другого подучит... XXVIb, 18-38. См. еще XXVIb, 2-13.

Имеющиеся примеры не позволяют точно определить разницу между презенсом, претеритом и перфектом при обозначении будущего действия пунктивного вида (в значениях индикатива). Ясно лишь то, что такое действие значительно чаще выражается претеритом и перфектом (13 примеров), чем презенсом (2 примера). Из этого как будто бы следует, что в период, отраженный в языке введения и заключения законов Хаммурапи, еще функционировала система видов, только начинавшая превращаться в систему видо-временных форм.

1. К.Х.Каплан. Употребление презенса, претерита и перфекта в среднеассирийских законах. - Древний Восток. Ереван, 1983, № 4, с. 121-147.

2. W. von Soden. Grundriss der Akkadischen Grammatik, § 76a, Roma, 1952 (в сокращении GAG).

3. И.М.Дьяконов. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. - ВДИ, 1952, № 3, с. 225.

4. И.М.Дьяконов считает, что в условных предложениях с союзом šumma первоначально употреблялся вssив, который по форме совпадал с претеритом (см. И.М.Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 253). Однако уже в старовавилонском и староассирийском (XX-XVIII вв. до н.э.) диалектах вssив, вероятно,

не воспринимался как категория отличная от претерита - в условных предложениях здесь употреблялись и презенс, и перфект (GAC § 161).

5. Г.Х.Каплан. Употребление презенса, претерита и перфекта в аккадском языке (к истории вопроса). - Переднеазиатский сборник, III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979, с. 122-130.

К.Б.Кепинг

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Тангутское сложное предложение до сих пор не было объектом специального исследования: в грамматиках тангутского языка указывается только, что сложные предложения бывают двух типов - сложносочиненные и сложноподчиненные, однако нигде не приводятся формальные критерии, позволяющие разграничить эти два типа предложений.

В данной статье мы попытаемся определить эти критерии, а затем опишем особенности тангутских сложноподчиненных предложений.

I.0. Простое предложение в тангутском языке мы определяем как единицу, содержащую по крайней мере одно сказуемое. Сложное предложение определяется как состоящее из двух и более простых предложений, соединенных с помощью формальных элементов. Случаи соединения предложений только с помощью интонации не учитываются, так как последняя не может быть выявлена в мертвом языке.

Следует отметить, что все служебные элементы, соединяющие в тангутском языке простые предложения, являются служебными словами (не аффиксами), причем подчинительные союзы - это синтаксические служебные слова, а большинство сочинительных союзов имеет омонимы - частицы, которые употребляются также в составе простого предложения.

I.1. Для удобства анализа условимся, что тангутское сложное предложение состоит только из двух простых предложений, соединенных служебным словом (на самом деле это не всегда так, см. ниже пункт 2.3.). Сложные предложения подразделяются на два типа: в одном служебное слово завершает первое предложение (это сложноподчиненные предложения), в другом - служебное слово находится во втором предложении (сложносочиненные предложения).

Применительно к сложноподчиненным предложениям мы с уверенностью говорим о конечной позиции служебных слов в составе первого (придаточного) предложения потому, что в тангутском языке, помимо настоящих подчинительных союзов, для которых функция подчини-

тельного союза единственно возможная, в этой же функции часто употребляются послелого, причем в совершенно аналогичных ситуациях в одном случае может быть употреблен подчинительный союз, в другом – послелог. Для послелогов же доказано, что "они занимают позицию после отдельного знаменательного слова и указывают на его функцию в предложении".² Будучи употребленными в качестве союза, они стоят после придаточного предложения и указывают на его функцию в составе сложного предложения.

Если подчинительный союз имеет постоянную позицию в составе первого из соединяемых предложений, то один и тот же сочинительный союз может стоять как в начале второго предложения перед подлежащим, так и после подлежащего второго предложения перед сказуемым.

1.2. Остановимся на двух моментах – на предложениях с однородными сказуемыми и на предложениях, оформленных показателем темы $\text{ᠰᠢᠲᠤ} \text{ᠲᠠ}^I$.

Определение сложного предложения как имеющего служебные слова, служащие для связи входящих в его состав простых предложений, упрощает решение вопроса о предложениях с однородными сказуемыми. При таком подходе предложения, в которых перед главным (конечным) сказуемым стоят без оформления несколько второстепенных сказуемых, не являются сложными. Однако иногда после предшествующего сказуемого может стоять послелог ᠰᠢᠴᠢ ᠨᠦᠷ ², который оформляет действие, сопутствующее действию конечного сказуемого или указывающее на способ осуществления этого действия.³ Такие предложения считаются сложноподчиненными (придаточное предложение, оформленное послелогом ᠰᠢᠴᠢ ᠨᠦᠷ ², стоит перед главным).

Что же касается сложных предложений, между частями которых стоит показатель темы $\text{ᠰᠢᠲᠤ} \text{ᠲᠠ}^I$, то согласно определению их надо отнести к сложноподчиненным – $\text{ᠰᠢᠲᠤ} \text{ᠲᠠ}^I$ всегда оформляет первое предложение (придаточное), однако в отличие от других союзов (послелогов) $\text{ᠰᠢᠲᠤ} \text{ᠲᠠ}^I$ не указывает на функцию стоящей перед ней единицы; придаточные, оформленные $\text{ᠰᠢᠲᠤ} \text{ᠲᠠ}^I$, мы называем придаточными темами.

2.1. Нам встретились следующие типы придаточных предложений: времени, условия, сослагательные, причины, следствия, уступительные, сопоставительные, темы (придаточные сослагательные, следствия и сопоставительные ранее не выделялись). Все перечисленные придаточные стоят в начале сложного предложения и завершаются подчинительным союзом. Исключение составляют уступительные придаточные, которые хотя и стоят в начале сложного предложения, однако глагол-сказуемое в них получает препозитивное оформление в виде частицы ᠰᠢᠴᠢ ᠯᠢᠳᠢᠭᠡ^I "хотя", а главное предложение начинается с союза ᠰᠢᠴᠢ

ндиын² "но" (другой вариант уступительных предложений: глагол-сказуемое придаточного оформляется одним из префиксов желательного наклонения, главное предложение начинается с союза 𑖇 цын¹ "и", "но").⁴

2.2. Членные предложения (т.е. случаи, когда член предложения выражен целым предложением) чаще всего не получают оформления и, следовательно, наличие членного предложения не превращает все предложение в сложное. Когда членные предложения являются темой высказывания, они могут получать показатель темы 𑖇 та¹ (см. выше). Как будто только два типа членных предложений могут получать оформление в виде служебных элементов: 1) предложения-дополнения при некоторых модусных глаголах (например, 𑖇 сие "думать" и 𑖇 'из² "спросить") могут оформляться последогом 𑖇 ший¹ (подобные примеры нами уже описывались⁵); 2) некоторые типы придаточных определительных могут оформляться последогом 𑖇 'иын¹. На последних следует остановиться особо.

Последог 𑖇 'иын¹ может оформлять определительные придаточные предложения, относящиеся к имени, которое в свою очередь является притяжательным определением к другому имени, причем такое определительное предложение неожиданно становится после определяемого (напомним, что и единственный глагол, и предложение в качестве определения всегда ставятся перед определяемым-именем), например:⁶

𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇
 тхын² та¹ тхай² сз¹ лхиэ² сей¹ ние¹ миын¹ 'иын¹ 'иуо¹ нгу²

И все это заслуга Тайсы, в сердце которой не было ревности.

𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇
 нга² □ во² миын¹ ндзю² са¹ та¹ жи² кийн¹ ндзю¹ ндзю¹ ми¹ кха²
 'иын¹ чюэ² нгу²

То, что мой племянник, не имея чувства долга, убил человека, это все проступок [Сюй] Цзина (т.е. мой проступок - К.К.), который не сумел научить [его].

Конструкция в приведенных примерах такова: имя₁ + предложение с последогом 𑖇 'иын¹ + имя₂, где имя₁ является притяжательным определением к имени₂, а предложение с последогом 𑖇 'иын¹ - определением к имени₁.

2.3. В тангутском языке часто перед одним главным стоят два или даже три придаточных предложения, каждое из которых оформлено своим подчинительным союзом (последогом), например:

𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇 𑖇
 со¹ кён¹ □ нджиа¹ чхиа¹ мбие¹ вия¹ ма¹ ний² мбие¹ шюэ¹ цай¹

тха² вио¹ ниуо¹ пха¹ □ ние¹ кай²

Когда истек срок трехлетнего траура по супругу, родители хотели выдать женщину замуж, так как она овдовела молодой (букв.: когда истек срок..., так как овдовела молодой ...).

短 婚 媳 妹 刻 着 恹 恹 似 似 似 似 婚 娶 難 嫁 詎 詎 詎 詎 成
短 婚 媳 妹 刻 着 恹 恹 似 似 似 似 婚 娶 難 嫁 詎 詎 詎 詎 成

а² цу¹ шве¹ цай¹ ниуо¹ шией² мие¹ рай² длие¹ кха¹ кай¹ вио² шве²
кхвей² мбу¹ □ ла¹ 'из² шиз¹ мин¹ джие²

Так как Ацзу была молодой, к ней многие сватались. Но старшая сестра была одинокой и старой, поэтому Ацзу дала письменную клятву больше замуж не выходить (букв.: так как Ацзу была молодой, когда к ней многие сватались, потому, что старшая сестра была одинокой и старой...).

1. Определение синтаксических служебных слов и частиц см. в кн.:

К.Б.Кепинг. Тангутский язык. Морфология. М., 1985, с. 29-30.

2. Там же, с. 143.

3. Подробнее о послелоге 叙 нгу² см. там же, с. 161.

4. Там же, с. 202.

5. Там же, с. 157.

6. Примеры взяты из тангутского перевода китайского текста "Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к родителям" (хранится в ЛО ИВ АН СССР, инв. № 616); текст подготовлен нами к изданию. Значок □ в транскрипции означает, что чтение данного иероглифа неизвестно.

Т. А. Пан

ФУНКЦИИ МАНЬЧЖУРСКОГО ПРИЧАСТИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ =нъгэ

В грамматической литературе, посвященной маньчжурскому языку показатель =нъгэ определяется как аффикс, служащий для субстантивации причастий настоящего и прошедшего времени. Такую характеристику =нъгэ можно найти в грамматиках И.И.Захарова¹ и Б.К.Пашкова.² Несколько иное толкование субстантивации причастий с =нъгэ предлагает Л.М.Горелова, именуящая этот показатель номинализатором. По мнению Л.М.Гореловой, присоединение к причастию =нъгэ "помещает всю зависимую предикативную единицу, вершиной которой является предикат, образованный по схеме Т_{ре} + нъгэ Т_{хе} + нъгэ (где Т - глагольная основа - Т.П.), в позицию подлежащего", что позволяет

определять функцию показателя =нъгэ как "функцию номинализатора". Под этим Л.М.Горелова понимает функцию =нъгэ, позволяющую вводить зависимую предикативную единицу в одну из именных позиций, причем собственно субстантивации (т.е. окказионального и узуального перехода причастия в существительное) может не происходить. Эта попытка разграничения только синтаксического употребления причастий с =нъгэ и причастных конструкций в "именной позиции" и собственно субстантивного употребления причастных форм с =нъгэ представляется весьма интересной. Грамматические признаки причастий, оформленных этим показателем, действительно связаны с синтаксическими позициями.

Под субстантивацией понимается обычно переход в разряд существительных других частей речи, получающих способность непосредственно обозначать предмет (а не только его признак и т.п.). Субстантивация наиболее часто бывает окказиональной, ограничиваясь изменением значения и грамматических признаков данного слова в данном контексте речевого употребления; много реже выступает субстантивация узуальная, связанная со стойким изменением семантики (субстантивное значение становится постоянным, принятым для языка а не только для данного речевого контекста) и преобразованием грамматических свойств слова.⁴

Частным случаем субстантивации является переход в существительные глагольных форм, которые могут приобретать при этом все признаки имен. В маньчжурском языке субстантивированные причастия способны выступать в качестве подлежащего, дополнения (функции, присущие существительному) и именного сказуемого, они могут принимать именные определения и оформляться падежными показателями.

Показатель =нъгэ следует отличать от адъективирующего суффикса =нъга (имеющего алломорфы =нъгэ/нъго), с помощью которого образуются прилагательные: госинъга "милосердный" от госин "милость", эддэньгэ "блистательный" от эддэн "блеск", бочонъго "цветной" от бочо "цвет" и др. В отличие от адъективирующего суффикса, интересующий нас показатель =нъгэ (мы будем именовать его - условно - субстантиватором) не подчиняется гармонии гласных, т.е. не имеет алломорфов. При наличии аффикса отрицания субстантиватор помещается после него. Состав и порядок морфем в причастной форме, осложненной =нъгэ, следующий: глагольный корень (+ показатель залога) + суффикс причастия (+ аффикс отрицания) + =нъгэ (+ падежные показатели).

Для анализа функций причастных форм с субстантиватором мы использовали текст "Танъгу мэйн" ("Сто глав").⁵ Можно заметить,

что причастие без нъгэ выступает в функции всех членов предложения. Употребление его в качестве подлежащего и дополнения указывает на субстантивацию: 1) Габтара нямняра эйтэн хахай эрдему сэ дэ тэйсу аку /I, 156/ Стрельба из лука, стрельба с лошади на скаку и другие мужские качества не соответствуют его возрасту (причастия габтара - "стрельба из лука", нямняра - "стрельба с лошади на скаку" - подлежащие); 2) Агэ си мини габтара бэ тува /I, 24a/ Старший брат, ты посмотри на мою стрельбу (причастие габтара в роли дополнения оформлено показателем винительного падежа бэ).

Для причастий, осложненных показателем нъгэ, можно выделить следующие функции.

1. Причастие с нъгэ может употребляться в роли имени действия и в этом оно сближается с субстантивированным причастием без этого показателя: Тасха бэ чжафаранъгэ чжа, нялма дэ байранъгэ манъга сэжэ гисунъ би /II, 25a/ Есть словица: "Поймать тигра легко, попросить /денег/ у человека трудно". Здесь чжафаранъгэ "поймать" и байранъгэ "попросить" управляют дополнениями - тасха бэ "тигра" нялма дэ "у человека". В этом употреблении причастия обладают как глагольными свойствами (глагольное управление), так и именными (функция подлежащего).

2. Отмечено его субстантивированное употребление, связанное с переходом причастий в категорию имен существительных: 1) Далин-и гисурэньгэ ай гунин /II, 4a/ Какой смысл в высокопарных разговорах? 2) Сини эрэ габтаранъгэ ай хэндумби /I, 24a/ Что можно сказать о твоей стрельбе? 3) Сини маньчжураранъгэ муру тучикэби /II, 22a/ Ты начинаешь хорошо говорить по-маньчжурски (букв. - Твое говорение по-маньчжурски постепенно принимает форму).

В первых двух примерах гисурэръньгэ "говорение" и габтаранъгэ "стрельба" - прямые дополнения без оформления показателем винительного падежа. В третьем примере маньчжураранъгэ "говорение по маньчжурски" - подлежащее. Субстантивированные причастия могут принимать определения - местоимения в родительном падеже (сини - "твой") или прилагательные (далин-и - "высокий"). В функции подлежащего такие причастия чаще всего выступают как имена действия в оценочных конструкциях: 1) Сэбчжэдэрэньгэ ину гян /I, 16/ Наслаждение также возможно; 2) Фэксирэньгэ тондо /I, 25a/ Бег галопом ровный; 3) Вэйлэхэньгэ ину бокшон, фусэрэньгэ ину тэксин /I, 33a/ И пошив (кафтана) ровный, и отторочка (мехом) ровная.

3. Показатель нъгэ может субстантивировать предикативную единицу и определительное сочетание, при этом определяемое опускается. Сходные конструкции в тюркских языках были описаны Е.А.По-

целуевским, который отмечал, что "при устранении определяемого оставшаяся часть словосочетания продолжает выполнять ту же синтаксическую функцию, которую выполняло все определительное словосочетание в целом. Формально это выражается в том, что определяющее слово или построение начинает вести себя как субстантивное слово ... Поэтому для обозначения всего этого явления в целом мы пользуемся термином субстантивация⁶. В маньчжурском в таких конструкциях субъект действия стоит перед субстантивированным причастием и оформлен родительным падежом.

Субстантивированные предикативные единицы могут выступать в роли различных членов предложения:

а) подлежащего (в том числе в оценочной конструкции): 1) Агэ-и чжомбурэнгэ айсин го-и гэсэ гисун кай [II, 26a] Сказанное старшим братом - слова, подобные золоту и яшме; 2) Ини тацилахангэ шумин, баханахангэ лабду. [II, 16a] Его знание глубоко, постигнуто многое;

б) дополнения, оформленного показателем винительного падежа: Чжабшан дэ сиксэ чжэкэнгэ омихангэ бэ вачихэмэ оксика [I, 14a] - К счастью, то, что вчера съел и выпил, - все вытошило;

в) дополнения, оформленного показателем дательного падежа: Очжоракунгэ дэ гисурэци гисун бэ уфараха [II, 126] Если говоришь не с тем, с кем нужно, то попусту выбрасываешь слова.

В большинстве случаев опущенное слово имеет обобщенное или неопределенное значение и восстановить его нельзя. Встретился лишь один пример, когда определяемое восстанавливается из контекста: Фэркэ манахангэ миньдэ фитхэмэ ачанамби [I, 34a] Старый, поношенный [кафтан] мне как раз подходит.

4. Причастие с =нгэ может образовывать подлежащие конструкции в предложениях со связочным сказуемым би "есть", аку "нет" со значениями "есть такие, которые", "нет таких, которые" (= "никто не"): Бучэди бэ туньгэлаха сэмэ голофи эргэн чжомчибухангэ гэмү би [I, 13a] Были такие, (кто) если встретил привидение, то умер со страху. Синци бугген гуници, мини эрэ байта бэ мутэбурэнгэ аку кай [II, 17a] Если подумать, то кроме тебя никто не сможет решить мое дело.

5. Показатель =нгэ при причастии позволяет изменять актуальное членение предложения. Можно выделить два случая: а) с изменением порядка слов и б) без его изменения. (при обычном порядке слов глагольное сказуемое стоит в конце предложения).

Первый случай иллюстрируют примеры: 1) Чжабшан сини чжихэнгэ эрдэ [I, 33a] К счастью, ты пришел рано; 2) Мини эжжэхэнгэ

агэ синдэ ину эмкэ бихэ /I, 33a/ – Насколько я помню, старший брат, у тебя тоже есть кафтан. Ядром сообщения является последнее слово (пример 1) или синтаксическая группа, замыкающая предложение (пример 2). При логическом акцентировании слово или словосочетание переносится в конец предложения, а причастие ставится перед ними и получает аффикс =нхгэ, формально становясь подлежащим: сини чжихэ-нхгэ "твой приход" – подлежащее, эрдэ "ранним утром" – сказуемое (обычно эрдэ выполняет функцию обстоятельства и стоит в начале предложения). Аналогично во втором примере: мини эчжэхэнхгэ – "то, что я помню" – подлежащее, агэ синдэ ину эмкэ бихэ "старший брат, у тебя тоже был кафтан" – группа сказуемого.

Изменение актуального членения может и не отражаться на порядке слов. В этом случае оформление причастия показателем =нхгэ сигнализирует о том, что выделяется слово или словосочетание, стоящее перед сказуемым: 1) Эрэ сэкэ курумэ пусали удаханхгэ /I, 32 a/ Этот кафтан в лавке куплен? 2) Убадэ тэхэдэ нядма гэмү сини байта чжалин чжихэнхгэ /II, 4a/ Сидящие, здесь люди – все ради твоего дедушки пришли; 3) Бэлэн нинхгэ сини чжалин дэ дачилаханхгэ ай /I, 3a/ Все, что есть, разве не для тебя приготовлено?

Проведенный анализ употребления причастий с =нхгэ показывает, что основная функция =нхгэ – субстантивирующая. Этот показатель переводит причастие в функциональный класс существительного, и оно может выступать в роли подлежащего, дополнения и именного сказуемого. С помощью =нхгэ субстантивируются не только причастия, но и причастные конструкции. Особняком стоит употребление причастий с =нхгэ в качестве имен действий ("инфинитивов"), сохраняющих признаки глагольного управления. Конструкции с =нхгэ служат важным средством логической эмфазы и синтаксической регуляции речи, они участвуют в изменении схем актуального членения предложения.

-
1. И.И.Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1889, с. 76.
 2. Б.К.Пашков. Маньчжурский язык. М., 1964, с. 38.
 3. Л.М.Горелова. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке. – Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 49.
 4. О.С.Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 162, 164, 460.
 5. Рукописный отдел ЛО ИВ АН. Маньчжурский фонд ксилографов. В 76.
 6. Е.А.Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1976, с. 96.

МАГИ И "ОБИТЕЛИ МАГОВ" НА САСАНИДСКИХ ПЕЧАТЯХ

Сасанидский Иран, по словам В.Б.Хеннинга, был последним прибежищем античного искусства резьбы по камню.¹ В настоящее время известно около 20 тысяч сасанидских гемм, из них около 2 тысяч с надписями,² а также более 500 булл - оттисков гемм на глине. Часть надписей на печатях содержит имена владельцев, представлены также титулы, звания и обозначения должностей.³ Особую группу составляют т.н. "официальные" геммы (они известны главным образом в буллах), служившие своего рода регалиями, которые удостоверяли занятие определенной должности в аппарате гражданской администрации или принадлежность к зороастрийскому духовенству. "Официальные" печати, в отличие от личных, не имеют изображений людей, а также антропонимов; они являлись, очевидно, собственностью государства.⁴ В то же время на "официальных" геммах (в отличие от подавляющего большинства личных) имеются топонимы - названия провинций, округов или городов сасанидской державы.

Значение сасанидских печатей как источника не только для истории искусства Ирана и среднеперсидской палеографии, но и для истории административной системы, церковной иерархии, а также для исторической географии, было понято уже давно. В настоящее время, благодаря публикации ряда крупных музейных и частных собраний гемм⁵ и булл⁶ (последние обнаружены, как правило, в ходе археологических раскопок), можно более широко использовать этот материал для изучения сасанидских административных и церковных институтов.

Заслуживает внимания, прежде всего, очень большое число личных и "официальных" печатей магов (magw— ср. = перс. *mag*). Согласно нашим подсчетам, таких гемм опубликовано 203⁷) - больше, чем геммы любых гражданских чиновников. Маги упоминаются также на 188 буллах.

Можно полагать, что хотя до нас дошла лишь небольшая часть существовавших в сасанидское время гемм,⁸ сохранившаяся часть отражает примерно те же процентные соотношения гемм различных категорий административных и духовных лиц, которые были присущи всему "корпусу" печатей Ирана в V-VII вв. (время, к которому относится подавляющее большинство дошедших до нас гемм).

Но если это предположение верно, то следует задуматься о функциях зороастрийских магов и признать, что они играли гораздо более важную роль в экономике и торговле сасанидского Ирана, чем

об этом можно было до сих пор судить по письменным источникам - как среднеперсидским (в т.ч. по "Сасанидскому судебнику"), так и иноземным.

Уже для ахеменидского Ирана исследователи (прежде всего, М.А. Дандамаев и В.Хинц) отметили широкое участие магов в хозяйственной жизни Персеполя. Для парфянской эпохи о хозяйственной деятельности магов можно найти скупые упоминания в документах I в. до н.э. из Нисы, изданных И.М.Дьяконовым и В.А.Лившицем (mgwšn= парф. moš "маг", *twršpty=aturšpet "жрец храма огня").

Для сасанидского Ирана об этом же может свидетельствовать уже само количество гемм рядовых магов. Примечательно, что при обидии гемм и булл с mgw (mow) "маг" весьма скромно представлены печати мобедов (mgwpt= mowbed, букв. "глава магов") - всего 3, хотя арабские источники по истории сасанидского Ирана упоминают мобедов (mūbad) гораздо чаще, чем простых магов (mašūn), а печати хербедов (hērbed), игравших, судя по письменным источникам, весьма заметную роль в сасанидской зороастрийской церкви, пока вообще неизвестны. Нет также печатей радов (rad) - духовных лиц, выполнявших, как показывает "Сасанидский судебник", важные функции в судопроизводстве.

Об участии магов в хозяйственных и торговых операциях могут свидетельствовать отпечатки личных гемм магов (с изображениями и антропонимами), которые имеются на многих больших буллах. На тыльной стороне нескольких таких булл сохранились остатки тканей и следы прикрепления веревок или ремней, что указывает на употребление булл для опечатывания тюков с товарами (а не только документов).

На многих сасанидских буллах в центре располагается оттиск "официальной" печати, в надписи на которой имеются названия провинции и округа (или города) и слово mgwš - несомненно, апеллятив, какое-то производное от mgw "маг". На периферии таких булл, чаще всего вокруг оттиска "официальной" геммы, помещаются оттиски других гемм, в том числе личных гемм магов, а также оттиски анепиграфных гемм. Например:

QAN 66: в центре: (1) syd³ky (2) mgwš вокруг: [byš]pwpšly "mgwš (округа) Сийаг (провинция) Бишабур"

BNP b.3.1a: в центре: (1) *phl (2) mgwš вокруг: *hmt³n kwst ZY [ʔ] phl "mgwš (округа) Абахр (?) (провинция) Ахмадан (=Хамадан), округ [A]бахр".

QAN 304a: в центре: (1) syl (2) *cy(3) mgwš внизу: *lthätl GDH "mgwš (города или округа) Шираз (провинция) Ардашир-хваре".

Таких булл с $mgw\dot{h}$ опубликовано более 100 (считая и дубликаты - оттиски одних и тех же гемм). Они происходят из Каср-и Абу Наср (Ирак) и из нескольких пунктов на территории собственно Ира на (раскопки Э.Херцфельда, Р.М.Гиршмана и др.). Известно также несколько (мы насчитали 12) гемм с $mgw\dot{h}$. На буллах и геммах этой группы представлены топонимы, относящиеся к различным частям сасанидской державы - юго-западные области (Арраджан, Ардашир-хварре и др.), северо-западные (Мах, Нихавенд, Нор-Ардаширкан, Рей) и северо-восточные (Гурган, Абаршахр). Можно поэтому полагать, что $mgw\dot{h}$ было обозначением института, существовавшего на всей территории державы. Из надписей следует, что имелись $mgw\dot{h}$ провинций, городов и округов.

Слово $mgw\dot{h}$, насколько известно, не засвидетельствовано в среднеперсидских пехлевийских книжных текстах (в том числе и в "Судебнике") и в наскальных надписях, его нет и в среднеперсидских манихейских текстах, так что значение этого слова приходится устанавливать лишь по надписям на буллах и геммах. Поскольку печатей, которые содержали бы при $mgw\dot{h}$ антропоним, нет, оно не может быть званием (титулом, должностью) отдельного лица и должно обозначать учреждение.

Нельзя согласиться поэтому с высказывавшимися в литературе предположениями о том, что $mgw\dot{h}$ скрывает обозначение некоего духовного лица. Так, Р.Фрай предлагал видеть в этом слове сокращение от композита $^*mgw=hwd't$, "главный маг", букв. "маг-господин".¹⁰ Ф.Жиньё, который в некоторых своих работах видел в $mgw\dot{h}$ обозначение учреждения - "коллегии магов" ("*bureau des mages*")¹¹, в недавней статье настаивает на том, что $mgw\dot{h}$ - официальное духовное лицо, имевшее в церковной иерархии более низкий ранг, чем мубед. Жиньё толкует это слово как композит $mog=weh$, букв. "ученый (*weh* из др.-ир. $^*vaida-$ или $^*vaidya-$ "ведающий, знающий) маг".¹²

Не говоря уже об орфографических трудностях, которые придется преодолеть, чтобы из $mgw\dot{h}$ получить $mog(w)eh$ (или $mo(w)eh$) "ученый маг", против такого предположения говорит прежде всего то, что у нас нет ни одной печати (геммы или буллы), где бы $mgw\dot{h}$ сопровождал антропоним (при более чем 200 печатей с надписями mgw "маг"+антропоним!).

Более перспективны толкования $mgw\dot{h}$ как действительного с абстрактно-собирательным значением. А.Марик предлагал видеть в этом слове сокращение от $^*mgw\dot{h}^3nk$ "дом магов",¹³ однако аббревиатуры такого типа в среднеперсидских текстах неизвестны.

Г. Гропп также предполагает, что *mgwh* обозначает учреждение и возводит это слово к древнеиранскому **maguraīva-*, через этапы: **maguva* > *maguh* (*mgwh*)¹⁴. Институт *mgwh* Гропп склонен считать близким к *punchayet* у парсов Индии (хотя последний, как известно, формировался лишь с конца XVIII в., причем под сильным индийским влиянием). Словом *mgwh* обозначалась, согласно Гроппу, "магская администрация", возникшая во второй период истории сасанидской державы, когда утвердилась административно-территориальная иерархическая структура: город - округ - провинция.

Лингвистический анализ *mgwh* не может считаться завершенным. Чтение *maguh* и возведение к др.-ир. **magu-raīva-*, предложенные Гроппом, не кажутся убедительными. Др.-ир. **magu-raīva-* в среднеперсидском должно было пройти этап **moṯēh* (ср. раннеперсидск. *xwēbaš* "свой", маних. *xwubš*, из др.-п. *hvaīraīva-*) и затем, возможно, **moṯēh*, но отнюдь не *maguh* (не видно причин для сохранения *-g-*). Однако написание *mgwh* для **moṯēh* столь же странно, как и для **moṯih* - абстрактно-собирающего существительного ("магство") от *moṯ* "маг"¹⁵.

Как указал мне В.А. Лившиц, *mgwh* можно трактовать как *mo(w)ah*, букв. "обитель магов", из более раннего **mo(w)ahah*, с гаплогией *-ah-*, др.-перс. **magu-vahava-*, где **vahava-* "обитель", от корня *vah-* "жить, обитать" (авест. *vah-*, *varha-*, др.-инд. *vav-*, и.е. **dev-*). Ср. др.-инд. (*ā-*, *ura-*) *vasathā* "местопребывание, обитель", осет. *uat* (< **vahava-*) "обитель; комната; спальная комната"¹⁶, а также слова, восходящие к др.-ир. **vahana-*: др.-п. *āvahana-* "селение"; арм. *awān* "городок, местечко" (из парф. **āwahan*, **āwān*), *van-k* (< **vahana*) "постоялый двор, жилой квартал, *katālyma*; монастырь, обитель"; мандейское (из парф.) *ʾw'n* "квартал"; хот.-сак. *vāna-* "храм"¹⁷.

Возможно, что первоначально среднеперсидское *mo(w)ah* обозначало место собрания магов (подобно перс. *xānagāh*, *xānaqāh* у суфиев)¹⁸ - монастырей зороастризм, насколько известно, не знал; позднее это слово стало наименованием совокупности местных магов, в таком значении оно и засвидетельствовано на сасанидских печатях.

-
1. W.B. Henning. *Mitteliranisch*. - *Handbuch der Orientalistik*. 1. Abt., Bd. IV, Abschnitt 1. Leiden-Köln, 1958, S. 45.
 2. R. Göbl. *Die sasanidischen Tonbullen vom Takht-i Suleiman und die Probleme der sasanidischen Sphragistik*. - *AAH*, t. XIX, 1971, S. 98.
 3. Об основных типах надписей на сасанидских печатях см.: Ph. Gig-

- noux. Typologie des inscriptions sur sceaux sassanides. - XX Deutscher Orientalistentag. - ZDMG, Supplement, Wiesbaden, 1979, p. 359. Наиболее детальная классификация сасанидских гемм, основанная главным образом на формах камней, иконографии и технике резьбы: R.Göbl. Der sasanidische Siegelkanon. Braunschweig, 1973 (Handbücher der mittelasiatischen Numismatik, IV)
4. Ср. упоминание о передаче ("официальных") печатей при занятии должностей мубедов и судей в "Сасанидском судебнике" (AI2, I3-I5).
 5. Основные издания последних лет: А.Я.Борисов, В.Г.Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963; A.D.H.Bivar. Catalogue of the Western Asiatic seals in the British Museum. Stamp seals II: The Sassanian dynasty. London, 1969; Ph.Gignoux. Catalogue des sceaux, cambrés et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. II: Les sceaux et bulles inscrits. Paris, 1978 (далее цитируется: BNP); Ph.Gignoux, R.Gyselen. Sceaux sassanides de diverses collections privées. Leuven, 1982 (Studia Iranica, Cahier 1).
 6. Важнейшие публикации: R.N.Frye. Sasanian remains from Qasr-i Abu Nasr. Cambridge, Mass., 1973 (в сокращении: QAN); R.Göbl. Die Tonbullen vom Tacht-i Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. Berlin, 1976; см. также библиографию в кн.: Ph.Gignoux. Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique. Wien, 1986 (Iranisches Personennamenbuch, hrsg. von M.Mayrhofer und R.Schmitt, Bd. II, Fasc. 2), pp. 17-22.
 7. Учитывались лишь печати, надписи на которых достаточно надежно читаются по опубликованным фотографиям (прорисовки надписей в публикациях XVIII-XIX вв. часто неточны).
 8. Геммы сравнительно редко обнаруживаются при археологических работах - они переходили из рук в руки в течение многих столетий (из-за ценности самих камней) и попадали в Европу и Америку через антикварные рынки Востока.
 9. Ср., например, гемму BNP 1.8: в центре (1)nhlmlky (вряд ли MLK?) (2)ZY wldh (3) šp'ty (4) mgwh вокруг: wylhštly "mgwh (округа) Нахрмелек (города) Валахшабад (провинции) Вехардашир". В.А.Лившиц указал, что, вопреки мнению Э.Бенвениста и Р.Шмита, среднеперсидское имя Ardašīr, н.=п. Ardašīr восходит не к гипокористике *Artaxšīra-, с суффиксом =īr(a), а непосредственно к *Artaxšāra- > Ardašāhr (ср. парф. *Artaxšāhr в топониме *rthštrk- = Artaxšāhrakān в докумен-

- тах из Нисы). Развитие $-ahr > -īr$ - такое же, как в ср.-перс. $rādxīr$ "документ", арм. $ratīr$, из $rāti-xāwra$. См. также H.W.Bailey. *Irano-Indica II.* - BSOAS, vol. XIII, pt. 1, 1949, p. 123.
- I0. R.W.Frye. *Sasanian clay sealings in the collection of M.Foroughi.* - *Iranica Antiqua*, vol. 8, 1968, pp. 118-132 (ср. также Bivar. *Catalogue ...*, p. 51). Заметим, что $frw'd't$ вообще невозможно для ср.-п. $xwadāu$ (обычное написание - $hw't'u$). Р.Фрай ссылается на гемму AE 4 из Британского Музея с надписью: $'twlyhw'd't$ ZY $ngwhwd't$ (Bivar, *op.cit.*, p. 51, pl. 3), однако эта надпись значит: "Adur-Hudād, маг, сын Hudād'a".
- II. BNP, pp. 16, 17 и др.; Gignoux, Gyzelen. *Sceaux ...*, p. 27 и др.
- I2. Ph.Gignoux. *Les quatre régions administratives de l'Iran sassanide et la symbolique des nombres trois et quatre.* - *AION*, t. 44, 1984, p. 560, n. 44.
- I3. A.Maricq. *Vologésias, l'emporium de Ctésiphon,* - "Syria", t. 36, 1959, p. 268.
- I4. G.Gropp. *Some Sasanian clay bullae and seal stones.* - *ANS, Museum Notes*, 19. New-York, 1974, pp. 137-138.
- I5. В среднеперсидских наскальных надписях засвидетельствовано 17 абстрактных существительных с $-īh$, причем во всех случаях этот суффикс пишется $-yū$.
- I6. Для осет. uat устанавливается развитие значений: "обитель, дом рода > комната > спальная комната". См.: E.Benveniste. *Études sur la langue ossète.* Paris, 1959, p. 110 ff. Об осет. $-uat$ в сложениях см. *ibid.*, а также В.И.Абаев. *Грамматический очерк осетинского языка.* - [В кн. :] *Осетинско-русский словарь.* М., 1952, с. 520.
- I7. Benveniste, *op. cit.*, p. 111. Иначе о хот.-сак. $vāna$ у H.W.Bailey. *Dictionary of Khotan Saka.* Cambridge, 1979, p. 383.
- I8. Bo Utas. *Manistān and xānagāh.* - *Papers in honour of M.Boyce.* Téhéran-Liège, 1985 (*Acta Iranica*, 25), pp. 655-664.

ВОЗМОЖНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫРАЖЕНИЯ 4⁻⁻⁻⁻⁻
 "ГОВОРИТ / СКАЗАЛ(А)" В ТЕКСТАХ ПИРАМИД

Предварительные замечания

В староегипетских Текстах пирамид (далее РТ)¹ есть выражение 4⁻⁻⁻⁻⁻, 4⁻⁻⁻⁻⁻ jn или jn, давно понимаемое как "говорит/сказал(а)". Осмысление его началось с того, что А. де Бук обратил на него внимание К.Зете.² К.Зете³ и Р.О.Фолкнер⁴ решили, что в основе лежит глагол "говорить" i или j в форме sdm.n.f в обычном для РТ раннем кратком написании 4⁻⁻⁻⁻⁻. А.Эрман⁵ предположил, что jn - формант глагольной формы sdm.in.f с элидированной основой - глаголом говорения, сославшись на аналогии. Э.Х.Гардинер⁶ допустил и то, и другое. Материал по 4⁻⁻⁻⁻⁻ отражен в Большом берлинском словаре⁷ и в Кратком словаре Р.О.Фолкнера.⁸

В вышеупомянутой насыщенной материале статье Р.О.Фолкнер рассмотрел глагольную основу j, наличие ее различных форм, в т.ч. и sdm.jn.f, и сделал ряд далеко идущих предположений: это выражение является sdm.n.f от глагола j; в качестве сначала вспомогательного глагола, а потом - инфиксной служебной морфемы оно вошло в sdm.f при образовании sdm.jn.f; jn ("by") - экспонент агентива, jn - актуализатор логико-грамматического предиката, и jn- в независимом личном местоимении - все они в конечном счете восходят к j "говорить", как, вероятно, и предлог n "для" через редкую инициальную форму jn⁹. Большинство исследователей полагает, что основой является i или j. Р.О.Фолкнер намекает на основу jj или jw, Э.Эдель - на j3.

Проблематика

Уже само сопоставление этих форм предполагает выход как на сравнительно-исторический уровень, так и на сравнительно-типологический материал. Р.О.Фолкнер подробно рассмотрел египетский материал, коснулся общей типологии, но совершенно не затронул материал афразийских языков. Подход со стороны афразийского материала с учетом общей типологии осуществил недавно К.Петрачек¹¹, но без должного учета египетского материала. Он связывает общим происхождением глагол бытия с "элементом" (морфемой) -N- (ег. wn(n)), "генитивную копулу" (экспонент генитива), ег. n.j - относительное прилагательное, букв. "длянный" от предлога "для"; личностоименный формант, ег. jn-, и частицу, ег. jn, см. выше. Сравнивается материал египетского, берберского, кушитских, семит-

ские и чадские дают наиболее полную картину соответствий. Любопытно и то, что наряду со значением "быть" в ряде языков выступает значение "говорить", даже "видеть", при основе с морфемой -Н-. Было бы идеально, если бы положения Р.О.Фолкнера и К.Петрачека удалось совместить в единой непротиворечивой системе. Здесь можно сделать лишь некоторые замечания.

Общие положения

I. Единый изосемантический ряд¹² (на полюсах которого стоят значения "быть" и "говорить") подтверждается наличием параллельного ряда: ряд с морфемой -Н- мы верифицируем рядом с морфемой Н-(+j/w), важнейшими представителями которого являются: ег. h(+j/w), угар., евр., араб. h(+w/t) "говорить, слово" и евр., араб. h(+j+j) "быть, существовать, происходить, становиться"¹³. А.Г.Бедова сообщила автору, что евр. h(+jj) в принципе может являться вариантом предыдущего в значении "жить". Опираясь на эти данные, можно постулировать в египетском наряду с глаголом Δ j(+j/w/3) "говорить" и глагол jn "говорить", восходящий к той же протооснове, что и wn(n).¹⁴

II. Наличие глагола "говорить" j(+j/w/3) можно считать давно установленным. Тогда jn является основой из параллельного изосемантического ряда.

III. Морфема j(+j/w/3) восходит к протоформе, безразличной к традиционной классификации частей речи по морфологическим признакам,¹⁵ реализующейся как: 1) глагол "говорить"; 2) имя "возглас, слово"; 3) междометие восклицания-обращения - экспонент вокатива - j, jj, j3 etc,

IV. Состав j(+j/w/3) пока не поддается уточнению: графика Δ в СТ. I.94, возможно, писцовая ошибка под влиянием графики восклицания Δ , что, возможно, в свою очередь отражало ее двуморфемность: j+3. Δ в РТ 9I4 б может объясняться и морфологией формы (Δ .w - формант), а графика $\Delta\Delta$ или $\Delta\Delta$ не обязательно отражает только форму качества и состояния (=ФКС) + jn агентивности: это может быть и sdm.jn.f при основе jj(3).

V. По вышеуказанному изосемантическому критерию мыслимо сопоставление j(+j/w/3) с египетским же дефектным глаголом бытия (или "морфемой экзистенциальности") jw Δ .

VI. Характерно, что jn столь же "дефектен", как и jw "быть". Это качество может объясняться ранней узкой специализацией jn в результате конкуренции со стороны основы j(+j/w/3), как у jw - со стороны основы wn(n).

VII. Не исключено, что в египетском проявилось три парал-

кельных изосемантических ряда. Один - чисто египетский: jw "быть" и j(+j/w/3) "говорить"; второй - с выходом в афразийские языки: wn(n) "быть" и jn "говорить"; третий - афразийский: eg.h(+w/j) "говорить" и сем. (евр., араб.) h(+j+j) "быть". Во всех случаях наблюдается вторичное частичное фонетическое расподобление основ.

VIII. Если перед нами графика \downarrow со значением "говорит/сказал(а)", то при отсутствии детерминатива \downarrow , \downarrow и т.д. между \downarrow и \downarrow для лингвистической интерпретации этого выражения надо считаться с следующими возможностями: 1) \downarrow sdm.n.f - Р.О.Фолкнер и К.Зете; 2) ФКС + экспонент агента - Э.Эдель; 3) имя + экспонент генитива n(.j) - на это намекает Большой берлинский словарь; 4) \downarrow \downarrow - перфектный \downarrow по типу \downarrow от \downarrow (3), где этимология форманта \downarrow пока что не объяснима;¹⁶ 5) \downarrow sdm.jn.f в кратком написании с халлографией - все пять случаев с основой j(+j/w/3). 6) Глагол говорения jn. 7) Эллипсис глагола говорения ПЕРЕД формантом jn формы \downarrow - А.Эрман; 8) эллипсис глагола говорения в форме причастия или ФКС ПОСЛЕ экспонента агента и агенса, выраженного, как правило, именем собственным или теофорным - на последнее намекает глава 474 РТ.

Материал Текстов пирамид

В РТ 942 с= 943 d есть фраза, условно передаваемая как jn Gbb mdw(.w) hr.s hn^c (J)tm(.w) jr(j.j).t n.f pw, понимаемая как: STPE.I.66: "Geb parle à ce sujet avec Atum; c'est ce qu'il fit." SÜKART.IV.222: "So sagte Geb, der deswegen geredet hat mit Atum. Und so ward ihm gethan (wörtlich "ihm thun war es")". MPTC.I.170: "So said Geb, who has spoken thereof with Atum. So it was done for him".

FAERT 162: "-so says Geb, who has conferred with Atum about this which he has done."

Исследуемое выражение, выступающее здесь, как и в большинстве случаев, ПОСЛЕ прямой речи, откомментировано К.Зете в SÜKART.IV.226, но исследователи обычно предпочитают просто следовать переводу, где \downarrow , \downarrow = "So sagte". Формально это приемлемо. Но для точного понимания этой фразы надо осознать параллельные места РТ 480 а (=961 d и 993 с) - mdw(.w) hr.s pw Gbb - где смысл близкий, но, тем не менее, иной: это конструкция именного предложения с группой причастия на первом месте¹⁷ в функции логико-грамматического предиката - "Гиб - это тот, кто говорит об этом!" (подчеркнут лог-гр. предикат). Эмфаза не на слове "Гиб", а на "говорении". Здесь же явно наоборот - эмфаза на теофорных именах, причем "Гиб" более выделен, чем "Атум": "Именно Гиб - говорящий

об этом вместе с Атумом" (пунктиром подчеркнута вторая часть расцепленного лог.-гр. предиката). Здесь вполне уместна параллель из Текстов саркофагов - СТ. I.302 e-f T9C; СТ. VI.251 i-j Sq 3C: n jnk jw dd(.w) n.k nw (!) jn Gbb dd(.w) n.k ꞥ^c (W) sjr, что В.Шенкель совершенно правильно понимает как "Nicht ich bin es, der das zu dir sagt; es sind Geb und Osiris, die das zu dir sagen"¹⁸. Сама же вариативность конструкций "cleft sentence" с актуализаторами логико-грамматического предиката jn и pw хорошо известна.¹⁹ Поэтому в $\frac{4}{\sim}$, $\frac{4}{\sim}$ PT 942 с = 943 d предпочтительнее видеть не оборот "говорит/сказал", а актуализатор лог.-грамм. предиката - экспонент агентива. Убрав mdw(.w) hr.s etc. как само собой разумеющееся из контекста, на вопрос jn ш mdw(.w) hr.s "Кто же говорит об этом?" можно было бы ответить: "Это Геб!" jn Gbb с эллипсисом глагола говорения в виде причастия или ФКС, но так как именно на этом факте сделано смысловое ударение, либо вообще вся фраза является логически подчеркнутой, она и приводится целиком. Сходным образом и в СТ, упомянутой нами выше.²⁰

Выводы

Здесь нам было необходимо КОНСТАТИРОВАТЬ учтенные и ~~выявить~~ неучтенные возможности интерпретации графики $\frac{4}{\sim}$, $\frac{4}{\sim}$ в РТ. Совершенно очевидно, что затронутые вопросы заслуживают самого пристального внимания. Необходимо их дальнейшее исследование.

- I. Публикации: K.Sethe. Die altägyptischen Pyramidentexte. Bd. I-IV. Lpz., 1908-1922; A.Piankoff. The Pyramid of Unas. Princeton, 1968; G.Jéquier. Le Monument funéraire de Pepi II. Le Caire, 1936; id. Les Pyramides des reines Neit et Apouit. Le Caire, 1933; id. La Pyramide d'Oudjebten. Le Caire, 1928; id. La Pyramide d'Aba. Le Caire, 1935; Материал цитируется по §§ издания К.Зете. В настоящее время публикуется новый материал, например: J.Leclant. A la pyramide de Pépi I, la paroi nord du passage A-F.- Revue d'égyptologie. t. 27, Paris, 137-149; id. Les Textes de la pyramide de Pépi Ier (Saqqara): reconstruction de la paroi est du l'antichambre. - Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres. 1977, avril-juin, 269-288 и другие публикации этого автора. Комментарии: K.Sethe. Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten. Bd. I-VI. Glückstadt und Hamburg, 1935-1962 (=SÜKAPT); L.Speleers. Les Textes des Pyramides Egyptiennes. t. 1-2. Bruxelles, 1923 (=STPE); S.Mercer. The Pyramid Texts in Translation and Commentary. N.Y., 1952, Vol. 1-4

- (-MPTC); R.O.Faulkner. *The Ancient Egyptian Pyramid Texts Translated into English (with Supplement)*. Oxford, 1969
- (-РАЕРТ); многочисленные статьи разных авторов по отдельным пассажиам. Материал цитируется с ориентацией на §§ издания Зете. По Текстам Саркофагов большая библиография, приводить которую здесь нет возможности.
2. Адриан де Бук указал Курту Зете на статью Н.Кees. *Ein alter Götterhymnus als Begleittext zur Opfertafel*. - *ZÄS* 57, 1922, 92-120, bes. 96 und 103. В том же журнале на с. 73-77 опубликована статья, в которой данное выражение приводится со знаком вопроса: Н. Wiesmann. *Die Determinative des sprechenden Mannes und der Buchrolle in den Pyramidentexten*.
 3. K.Sethe. *Die beiden alten Lieder von der Trinkstätte in den Darstellungen des Luksorfestzuges*. - *ZÄS* 64, 1929, 1-5, bes. 3.
 4. R.O.Faulkner. *The Verd í "To Say" and its Developments*. - *JAEÄ* 21, 1935, 177-190.
 5. A.Erman. *Ägyptische Grammatik*. 4. Aufl. Bln., 1-29, § 501 und Anm.
 6. A.H.Gardiner. *Egyptian Grammar*. 2nd Ed. L., 1950, § 436-437.
 7. A.Erman, H.Grapow. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I. Lpz., 1926, S. 89; id. *Belegstellen zum Bd. I*. Lpz., 1935, S. 16.
 8. R.O.Faulkner. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*. Oxford, 1964, p. 7.
 9. Faulkner, *The Verb...*, p. 189.
 10. E.Edel. *Altägyptische Grammatik*. Bd. I, § 747. - *Analecta Orientalia* 34. Roma, 1955, p. 375-376.
 11. K.Petráček. *La Copule nāw en amharique dans une perspective chamitosémitique et africaine*. - Sonderdruck aus *"Ethiopian Studies Dedicated to Wolf Leslau"* (p. 286-295).
 12. Об изосемантических рядах в афразийских языках на материале семитской ветви см. новаторскую работу С.С.Майзель. *Пути развития корневого фонда семитских языков*. М., 1983.
 13. M.Civil, I.J.Gelb, B.Landsberger et alii. *The Assyrian Dictionary*. Chicago - Glückstadt, 1968, Vol. A II, p. 29 and 86; W.A.Ward. *The Semitic Root HWJ in Ugaritic and Derived Stems in Egyptian*. - *JNES* 28/4, 1969, 265-267; W.Gesenius. *Hebräisches und Chaldäisches Handwörterbuch*. Lpz., 1878, s.v. Ср. также А.Ю.Милитарев. *Происхождение корней со значением "творить, создавать" в афразийских языках - III и ПИЧВ XIX/III*. М., 1986, с. 72: За 2а-б.

14. Само наличие изосемантического ряда "говорить" - "быть" отражает глубочайшую древность, когда, вероятно, не было дифференциации "быть" и "жить". Не исключено, что все сущее представлялось древним как издающее звуки, и наоборот, все, что звучало - живое/сущее. По мнению Н.В.Козыревой, в основе лежит реакция животного мира и остальных людей на человека, становление понятий социально-активных и социально-пассивных предметов, что не обязательно совпадало с более поздними "одушевленностью" и "неодушевленностью". По мнению М.Н.Зислина, данный изосемантический ряд можно будет считать окончательно установленным, если нечто подобное будет найдено и вне афразийских языков.
15. А.С.Четверухин. Можно ли говорить о наличии "именного предложения" в египетском языке? - III и ПИКНВ ХУШ/П, 1985, 71-77; он же. К определению строя египетского языка старого состояния. - III и ПИКНВ ХУ/П, 1986, 88-94.
16. Gardiner, *op.cit.*, § 448.
17. А.С.Четверухин. О главных членах староегипетского именного предложения. - III и ПИКНВ XIV. М., 1979, 259-265.
18. W.Schenkel. Fokussierung. Über die Reihenfolge von Subjekt und Prädikat im klassisch-ägyptischen Nominalsatz. - Sonderdruck aus "Studien zu Sprache und Religion Ägyptens" (Ps.W. Westendorf). Göttingen, 1984, S. 157-174, bes. 164.
19. H.G.Satzinger. Nominalsatz und Cleft Sentence im Neuägyptischen. - "Studies Presented to Hans Jakob Polotsky". East Gloucester, 1980, p. 480-505, esp. 498.
20. Другие примеры из РТ, аналогичные РТ 942 с, и тоже с глаголами говорения, собраны Э.Эделем во втором томе его вышеупомянутой грамматики (§§ 845, 954 и 1088). Как правильно заметил Е.С.Богословский, уже в Старом царстве вместо *jn Gbb* употребительно *Gbb pw*. Естественно, что прямолинейно сводить происхождение этой конструкции к ответу на вопрос было бы опрометчиво. В письменном функциональном стиле это выражение, скорее, пометка для "читателя" в смысле "чья именно это была речь", ср. в современных европейских языках, в частности, в английском, после заголовка текста (*written*) by N.N. Изучение вопроса и ответа - тема особого исследования. Наше положение подтверждается § 1005 грамматики Э.Эделя, где предложения, по форме - усиленно-утвердительные, употреблены как вопросительные. Актуализатором логико-грамматического предиката является все то же *jn*. Материал позволяет постулировать первоначальное различие как в конструкции вопросительного местоимения "Кто?"

в зависимости от вопроса ("Кто это?" и "Кто это сделал?"), так и в конструкции ответов, хотя уже во времена РТ разница сильно стерлась. По этому вопросу подспорьем может служить интересный, но сильно фрагментарный материал в работах: А.Ерман. *Reden, Rufe und Lieder auf Gräberbildungen des Alten Reiches*. Bln., 1919; Н.Юнкер. *Zu einigen Reden und Rufen auf Grabbildern des Alten Reiches*. - Akademie der Wissenschaften in Wien (Philos.-hist. Klasse). *Sitzungsberichte*, 221, Bd. 5. *Abh. Wien und Leipzig*, 1943. Взаимодействие jn и rw является предметом особого рассмотрения. См. наши работы: "Синтаксическая функция указательного местоимения rw в староегипетском именном предложении" - ВДИ 4, 1981, 97-III; "Взаимодействие логического ударения и формального логико-грамматического подлежащего в староегипетском" и "Логико-грамматический предикат в староегипетском и категория падежа и детерминации в родственных языках", обе в сборнике "Древний и средневековый Восток. История, филология". М., 1983, с. 88-120.

З.А.Душова

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В КУРДСКОМ ДИАЛЕКТЕ АВРАМАНИ (по тексту дивана Мавлави)

В исследуемом нами памятнике курдской классической литературы XIX века - диване Мавлави¹ - засвидетельствованы показатели определенности =еке и =е и неопределенности =ê =êw, =êwe.

Показатель определенности =еке отмечен в следующих фонетических вариантах.

1. При именах с согласным исходом основы - =еке:

Refiq/î/ mehrem/î/ 'îciz u sirûrîm
 Hekîmekey êz/î/ zam/î/ naworîm (264)
 О близкий друг моих радостей и горестей,
 О исцелитель моей незаживающей раны.

Lafaw/î/ esrîn ne çem horêza,
 Welgekey ser tel/î/ heyatim fêza (337)
 Поток слез хлынул из /моих/ глаз
 /î/ смыл листья нити моей жизни.

2. При именах с гласным исходом основы (а, е, о) - =ке:

Fêse mizanî hîçim kem nîye
 Wêran yanekem wêt we çem dîyen (228)

Ты так думаешь, что я ни в чем не нуждаюсь,
[Но] ведь ты своими глазами видела мой разоренный дом.

Neḡga dīm we ʕem ʕêwey baḷaket
Vowam hak/i/ pa u gerd/i/ paḷaket (220)
Едва я увидел образ твоего стана,
Я поцеловал прах /у/ твоих ног и пыль на твоей обуви.
Hana ha wîerd, hana ha wîerd,
Halokem zimîsan hana ha wîerd. (487)
Увы, вот /и/ прошла, увы, вот /и/ прошла,
[Дорогой] мой дядюшка, зима, увы, прошла.

При именах на гласный =û определенный артикль сохраняет
свою полную форму:

Beî sewz bibo tom/i/ arezûekey dîl (70)
Может [тогда] взойдут всходы твоих желаний.

Как свидетельствует материал, в атрибутивном изафетном слово-
сочетании суффикс определенности стоит при определении:

ʔay fênikiy dîl/i/ herasanekeʕ
Kafiyen tewaf/i/ ʔay asanekeʕ (341)
Для облегчения сердца, испытавшего по ней,
Достаточно [одного] посещения ее порога.
Beî dîley ʕend saî fntizarekeʕ
Lezetê bero se dîdarekeʕ (223)
Возможно [тогда] сердце, ожидающее ее несколько лет,
Испытает наслаждение от свидания с ней.

В словосочетании с определением по принадлежности артикль
стоит при определяемом:

Dûrît air wîst we yanekey min
Yanê yaney dîl wêrenekey min (523)
Разлука с тобой поднесла огонь к моему дому,
Вернее к дому моего разоренного сердца.
Beḷam yen we yad/i/ baḷakey towe
Dewrim dan we dewr zara u kowe (14).
Однако сколько я бродил с мыслями о твоём стане
[Сколько] я бродил по долинам и горным вершинам.

Отмечены, однако, случаи, когда показатель определенности
стоит при определяемом и в атрибутивной конструкции:

Kotirekey azad/i/ herim/i/ dîl bîr
Daney mobet ʕinʕin ʔey wêt xafil bîr (34).
Ты был смелым голубем в закрытом [для других] сердце,
Ты клевал [в нем] зерна любви, не ведая ни о чем.

Показатель определенности =e отмечен в конструкциях, где

имя определено указательным местоимением:

Neuawabo xas daneş bew awe

Laîq nîn berdêş bew asiawe (180)

Если его зерна не были орошены как следует той водой,
Они не заслуживают /того чтобы/ их отнесли на ту мельницу.

Ne ew seugane u ne to dîarî

Sa bô bimane zam nebo karî (493)

Нет /теперь/ прежних гулянок, не видно и тебя,

Так приди /же и/ останься, /чтобы/ рана моя не стала

смертельной.

Рассмотренные выше показатели определенности =еке и =е имеют аналогичное употребление и в других южнокурдских диалектах (сорани, сулеймани, мукри). Следует, однако отметить, что если в названных диалектах употребление показателя =е при имени, детерминированном указательным местоимением, строго обязательно, то в исследуемом памятнике его употребление носит окказиональный характер.

Показатель неопределенности =ê представлен в двух фонетических вариантах.

1. При согласном исходе имени - =ê:

Ne hawzuanê dîdarîm kero

Ne hawqetarê desbarîm dero (390)

/Нет/ ни друга /который/ утешил бы меня,

Ни спутника /который/ разделил бы со мной мой груз.

Çergerd her satê derdê mido pêş

Ray amay qasid/î/ azîz besten pêş (135)

Судьба ежечасно приносит мне страдания,

Она закрыла путь посланцу от /моей/ любимой.

2. При гласном исходе имени (отмечены а, е, о, û) - =уê:

Wergu berd ew best gird guzergayê

Dûy azişen dilê aherayê (538)

Снег перекрыл все пути-дороги,

/Лишь/ пар от вздохов по любимой /прокладывает/ путь
через /мое/ сердце.

Bedbextê şîr min tenkeftey koyê

Ya xeyalxamê eble çon toyê (157)

Подобный мне - несчастливцу, подавшемуся в горы,

Или подобный тебе - глущу с пустыми мечтами ...

Неопределенный артикль =êw зафиксирован при именах с согласным исходом основы:

Dûrit diâren çend sahibgêşen
 Toy derûn we xar/[î] neqêwter gêşen (234)
 Разлука с тобой, конечно, сильно ранит [меня],
 Но душа моя изранена шипами другой боли.
 Maîl ker bala wey lada çun ney
 Desêwit def bo, ew des sam/[î] ney (28)
 Наклони сюда [свой] стан, подобный тростнику,
 Пусть в одной руке [у тебя] будет бубен, в другой руке -
 чаша с вином.

Отмечены случаи параллельного употребления показателей =ê и
 =êw:

Dûtît e'zabê saz dabê perêş
 E'zabêwter da ama u luat pêş (427)
 Разлука с тобой причинила мне одну боль,
 Иную боль причинили мне твой приход и уход.

Неопределенный артикль =êwe также отмечен при именах с сог-
 ласным исходом:

Keşê xatiriş se min êşa bo
 Ya xud fêncêwêş perêş kêşa bo (270)
 Если кто-то обиделся на меня,
 Или испытал из-за меня страдания...
 Her meqamêwet ciger tawin bo
 Tiflî bêçarey dilan lawin bo (22)
 Пусть каждый звук твой согреет (букв. растопит) душу
 [М] утешит мое бедное [подобное] младенцу сердце.

При гласном исходе имени указанный показатель имеет форму
 =yêwe:

Çi dawayêwen mekerdêş çenî? (52)
 Что [это] за спор ты ведешь со мной?

В тех случаях, когда за неопределенным артиклем следует гла-
 гольная связка =en трудно определить, какую форму имеет пока-
 затель неопределенности - =êw или =êwe:

Ne hekimêwen kero deway derd
 Ne tebibêwen se dil lado derd (390)
 [Нет] ни лекаря [который] излечил бы от страданий,
 Ни исцелителя [который] освободил бы сердце от мук.

Из рассмотренных выше показателей неопределенности - =ê (наиболее употребительный), =êw и =êwe (малоупотребительные) - в южнокурдских диалектах, с которыми аврамани обнаруживает больше сходства, нежели с севернокурдскими, представлен лишь показатель =ê, выступающий в разных фонетических вариантах: ê/yê, êk/yêk.

I. 1941. مهلا عبد الكريمن مدرس. دیوانی مہولہ وی بہ بغداد، ۱۹۴۱
Мулла-Абдуль Карим Мударрис. Диван Мавлави. Багдад, 1961.

А. М. Куликова

ВОСТОКОВЕД А. Н. ГУСЕВ (1810–1835)

23 мая 1835 г., за два дня до окончания срока научной командировки, в Каире умер от чумы молодой талантливый ученый А. Н. Гусев. В литературе о нем сохранилось очень мало известий.¹ Сравнительный анализ обнаруженных архивных материалов дал новые сведения, которые позволили более подробно и верно осветить его короткую деятельность.

Александр Николаевич Гусев родился в 1810 г. в семье губернского секретаря. Во время обучения в петербургской гимназии он был одним из лучших учеников и выделялся успехами в русской словесности, латинском и греческом языках.²

Востоковедное образование А. Н. Гусев получил в разряде восточной словесности Петербургского университета. За три года учебы здесь (1829–1832 гг.) он изучил три восточных языка: арабский и турецкий – под руководством профессора О. И. Сенковского (1800–1858), персидский – под руководством М. Д. Топчибаева (1790–1869).³ Успешно справляясь с программой, он в свободные от лекций часы делал самостоятельные переводы. С персидского он перевел "Гюлистан" Саади. С арабского – повести из "Тысяча и одной ночи". Последнюю работу известный арабист И. Ю. Крачковский считал "едва ли не первым у нас упоминанием о попытке перевода "1101 ночи" с подлинника".⁴

Уровень полученных А. Н. Гусевым в университете востоковедных знаний был столь высок, что, судя по сохранившимся в архивах официальным документам, его приравнивали к выпускникам Профессорского института. Во всяком случае сразу после выпуска, в 1832 г., по "представлению" Ф. Ф. Шармуа (1793–1868) Министерство народного просвещения /МНП/ приняло решение отправить его в заграничную командировку, которая обычно была последним этапом подготовки будущих профессоров. 9 января 1832 г. министр народного просвещения в 1828–1833 гг. К. А. Ливен представил императору Николаю I доклад о том, что А. Н. Гусев "выдержал испытание" и предназначен для трехгодичной поездки на Восток "за счет государственного казначейства". "Высочайшие указы" о выделении 1000 р. на его "содержание" в период командировки и "на прогонные деньги" последовали

21 января и 6 февраля 1832 г.⁵ Эта сумма, "считая рубль в 250 нидерландских ценсов", была выделена Министерством финансов 22 марта. Через два дня А.Н.Гусеву выдали заграничный паспорт № 632 и деньги на дорогу: "на прогонные до Одессы 397 р. 74 к. ассигнациями и медью и на проезд в Константинополь - 125 червонных".⁶

Вместе с А.Н.Гусевым ехал выпускник Профессорского института (1832 г.) Антон Осипович Мухлинский (1808-1877). Оба они "прикомандировывались к Царьградской миссии". Их отъезд из Петербурга состоялся около 19 апреля, а в конце мая 1832 г. они прибыли в Турцию. Российский посланник в Константинополе А.П.Бутенев поручил молодых людей "непосредственному попечению драгоманов нашей миссии". Здесь они находились до марта 1834 г., то есть почти два года. Это был период интенсивных занятий турецким языком, изучения источников, "практического общения" с местными жителями, знакомства с их "нравами и обычаями", приобретения необходимой литературы.⁷

Работа студентов была столь продуктивной, а их желание полнее изучить Восток столь огромным, что уже в январе 1833 г. они начали добиваться разрешения на поездку в Сирию, Египет и Тебриз. В официальном прошении они подчеркивали, что в Турции не смогут успешно овладеть арабской и персидской словесностями, поскольку здесь нет людей, "знающих ученым образом сии две отрасли восточной литературы", а также не смогут получить информацию об этих народах, их языках и особенностях жизни. А.П.Бутенев поддержал их просьбу, но поездку пришлось отложить "по причине смутных обстоятельств в том крае".⁸

Только в конце марта 1834 г. А.Н.Гусев и А.О.Мухлинский покинули Константинополь и отправились "сухим путем чрез Малую Азию и Сирию" в Александрию - "на попечение генерального консула в Египте Дюгамеля".⁹

Во время поездки А.Н.Гусев подробно описывал все, что особенно привлекало его внимание. Эти путевые заметки легли в основу отчета, который он послал 25 сентября 1834 г. названному выше А.П.Бутеневу. Последний, чтобы привлечь внимание официальных лиц к способному специалисту, сделал с этого документа две копии и послал их в Министерство иностранных дел¹⁰ и в МНП. Министр народного просвещения в 1833-1849 гг. С.С.Уваров, оценив наблюдательность молодого автора и учитывая интерес общественности к современному Востоку, передал копию отчета А.Н.Гусева в редакцию журнала своего ведомства. Материал напечатали в февральской книжке, и это была единственная публикация А.Н.Гусева.¹¹

Путешествие, описанное в отчете, продолжалось с 28 марта по /27/ июля 1834 г. Его маршрут был таков: Модания-Брусса-Смирна-Внутренняя Анатолия-Кония (6 мая)-Адана-Алеппо (25 мая)-Латакия (9 июня)-Яффа (25 июня)-Триполи-Иерусалим-Александрия. Большая часть пути пролегла по областям с турецким населением. В Сирии удалось посетить только побережье моря, так как внутри страны начались волнения против правительства Ибрагима-Паши.

Путевые заметки А.Н.Гусева сохраняют научное значение и в настоящее время прежде всего потому, что содержат принадлежащие перу очевидца описания исторических фактов, городов, селений, древних развалин, природы, картин быта. Ценность этого материала также и в том, что автор его был вполне сложившимся специалистом, способным анализировать, сопоставлять, оценивать виденное. Он умышленно не касался описанных ранее в литературе "древностей", акцентировал внимание на неизвестных исследователям археологических памятниках, упоминая "для будущих русских путешественников" и те, о которых ему рассказывали жители, но которые ему самому увидеть не удалось. Он пытался датировать "развалины", сравнивать прошлое и настоящее обозреваемых им мест, связывать традиционный образ жизни восточных народов с их "нынешним образом мыслей", отмечал контрасты и особенности современного ему Востока. Читатель несомненно отметит литературный талант автора, образность и эмоциональность его языка.

Путешествие закончилось в Александрии, но отчет А.Н.Гусева, датированный 25 сентября 1834 г., был написан в Каире. Это объясняется тем, что попав в конце июля в Александрию, путешественники обнаружили, что здесь "все и все говорят по-итальянски; к тому же присоединяется совершенный недостаток в книгах и учителях для арабского языка".¹² Поэтому они по разрешению Дюгамеля переехали в Каир, где находились с августа 1834 г. по май 1835 г. В этом городе А.Н.Гусев "ревностно принялся за арабский язык под руководством одного из лучших каирских учителей, и большую часть времени проводил в чтении трудных рукописей и в беседе с арабами и турками, для практических упражнений в этих языках".¹³

Весной 1835 г. срок стажировки закончился. А.О.Мухлинский возвратился в Россию в начале мая. А.Н.Гусев просил продлить его командировку еще на год, но ответа не дождался. Как сообщалось в официальном донесении, он "сделался жертвою чумы, которая свирепствовала с необыкновенною силою в нынешнем году в Египте".¹⁴ Дюгамель поместил больного у себя дома и поручил его заботам своего врача, но 23 мая А.Н.Гусев скончался и был похоронен в Каире.

Его вещи, в том числе "книги и рукопися" были проданы "с публичного торга", а вырученная сумма за вычетом расходов, связанных с его болезнью и смертью, в конце июля была отправлена в Россию единственной наследнице тетке Елизавете Александровне Шмит.¹⁵

В настоящее время неизвестно, что стало с его архивом, к которому попали его библиотека и рукописные материалы, каково было направление его научных исследований в период пребывания на Востоке. Дальнейшие розыскания в архивах среди бумаг А.О.Мухлинского, Н.Коноплева, П.С.Савельева и других востоковедов того периода возможно ответят на эти вопросы.

В приведенных документах и литературе сохранилось единодушное мнение о А.Н.Гусеве как о многообещающем ученом, обладавшем, с одной стороны "природными отличными дарованиями", а с другой стороны, - "необыкновенным прилежанием и жаждой познания". Современники отмечали у него высокий уровень владения восточными языками, глубокий интерес к восточным источникам и большие способности к научной и дипломатической службе. Он прожил всего 24 года, но своей самоотверженной работой сумел заслужить, чтобы имя его не было забыто в истории науки.

-
1. Н.Коноплев. Некрология. - "Московские ведомости". 25 декабря 1835 г. № 103, с. 5160; П.Савельев. Воспоминание о Гусеве. - "Санктпетербургские ведомости". 22 февраля 1836 г., № 42, с. 173-174; В.В.Григорьев. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870, с. 105, прим. 208; Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. Историческая записка, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844, с. 92; И.Ю.Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.-Л., 1950, с. III; А.М.Куликова. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982, с. 68-69.
2. Савельев. Указ.соч., с. 173.
3. Куликова. Указ.соч., с. 68, 71, 73 и др.
4. Крачковский. Указ.соч., с. III.
5. ЛГИА, ф. 139, оп. I, ед.хр. 4656; Центральный государственный исторический архив г.Москвы, ф. 459, оп. I, ед.хр. 4138, л.5-6, 12-13.
6. АВПР, ф. Учебное отделение восточных языков, ед.хр. III, л.14, 15, 19, 19 об., 21, 23, 33.

7. АВПР, ед.хр. III, л. 27, 28, 37, 38.
8. Там же, л. 61, 62, 65.
9. Там же, л. 101-103.
10. Рукопись копии см. АВПР, ед.хр. III, л. 125-143.
11. Отрывок из письма путешествующего воспитанника Профессорского института, кандидата Гусева, к российскому послу при Константинопольском дворе Бутеневу, из Каира, от 25 сентября 1834 года. - ЖМНП. 1835, ч. 5, отд.6, с. 393-409.
12. АВПР, ед.хр. III, л. 142 об.
13. Савельев. Указ. соч., с. 174.
14. АВПР, ед.хр. III, л. 144-144 об.; ЛГИА, ф. 14, оп. 1, ед.хр. 4161, л. 1.
15. АВПР, ед.хр. III, л. 149-149об.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛО ИВ АН ЗА 1985 Г.

1. Акимущкин О.Ф. /Вступ. ст., сост., коммент./ Навои, Алишер. Фархад и Ширин. 1484-1984. К 500-летию создания поэмы. - М.: Книга, 1984. - 564 с., ил.

1а. Акимущкин О.Ф. О функциях поэтических сборников и альбомов в средневековой персидской и таджикской словесности. - В кн.: Актуальные проблемы иранской филологии: (Матер. УШ Всесоюз. науч. конф.). Май 1982, Душанбе. Душанбе, 1985, с. 207-212.

2. Акимущкин О.Ф. /Отв. ред. и вступ. ст./: ан-Наари, Имад ибн Мухаммад. Жемчужины бесед. (Джавахир ал-асмар). Пер. с перс. М.-Н.О.Османова. - М.: Наука, 1985. - 399 с., ил.

Вступ.ст.: "Забутые рассказы попугая" (с. 5-12).

См. также № 55.

3. Алексеев В.М. Антология мастеров китайской классической поэзии и прозы. (Извлечения. Публикация текста, вступ. часть и коммент. А.Маслова). - ПИ и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 60-67. Библиогр. в примеч. (с. 67).

4. Алексеев В.М. Стела XI в. об основании первого этнографического музея. /Подгот. текста и примеч. Л.Н.Меньшикова/. - ЭВ, ХХШ. М., 1985, с. 29-37.

5. Баевский С.И. Первые опыты грамматического осмысления языка фарси (XI-XV вв.) - ПИ и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 35-39. Библиогр. в примеч. (с. 38-39).

6. Баевский С.И. Фарханги XI-XV вв. - ранние комментарии к произведениям классиков персидско-таджикской поэзии. - В кн.: Актуальные проблемы иранской филологии: (Матер. УШ Всесоюз. науч. конф.), Май 1982 г., Душанбе. Душанбе, 1985, с. 35-39.

7. Боголюбов А.С. Главы о добыче в "Китаб ал-Харадж" Абу Йусуфа Йакуба, Йахйи б. Адама и Кудамы б. Джафара. - ПИ и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 93-97. Библиогр. в примеч. (с. 97).

8. Богословский Е.С. Древнеегипетские мастера (по материалам из Дер эль-Медина) (монография): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1985. - 38 с. (ЛО ИВ АН СССР).

9. Богословский Е.С. О повседневной жизни в древнем Египте. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 14-16.

10. Bogoslovsky E.S. /Рец. на кн./: Bierbrier M.L. (ed.)

Hieroglyphic texts from Egyptian stelae. Pt. 10. London, The British Museum, 1982. 46p. + 100 pl. - *Визр*, vol. 42, 1985, № 1/2, p. 87-91.

II. Большаков А.О. Староегипетская гробница как комплекс. - III и ПИАНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 97-103. Библиогр. в примеч. (с. 102-103).

12. Большаков О.Г. Мекка на рубеже VI-VII вв. - IV Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч. сообщ. Ереван, 1985, с. 77-78.

13. Bolsakov O.G., Mongait A.L. Abu-Hamid al-Garnati utazása Kelet-és Közép-Európában 1131-1153. A magyar változatot ... *Огмос István*. - Budapest: Gondolat, 1985. - 194 p., ill.

Пер. на венг. яз.: Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. (1131-1153 гг.) Публ. О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. - М.: Наука, 1971.

14. Бураев Д.И. Некоторые замечания к переводу С.Ч.Даса главы девятой из Дубта-шаджи-мэлон. - III и ПИАНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 30-33. Библиогр. в примеч. (с. 33).

15. Бурман А.Д. Обряд умилостивления духов в бирманском театральном представлении. - III и ПИАНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 103-111. Библиогр. в примеч. (с. 110-111).

16. Бурман А.Д. Театральный спектакль как ритуальное подношение в Китае и Бирме. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч. 2. М., 1985, с. 192-198. Библиогр. в примеч. (с. 197-198).

17. Васильева Е.И. О жизни и творчестве Мах Шараф-ханум Курдистани - курдской поэтессы и историка первой половины XIX в. - В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XIII. Курдоведение. Ереван, 1985, с. 122-133. Библиогр. в примеч. (с. 132-133).

18. Васильков Я.В. и Невелева С.Л. "Махабхарата" и проблемы традиционного культурного наследия Индии. - В кн.: Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985, с. 59-65. Библиогр. в примеч. (с. 65).

19. Васильков Я.В. /Рец. на кн./: Frontiers of the Indus Civilization. Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume. Ed. by B.V. Lal and S.P.Gupta, New Delhi, 1984. 545 p. - НАА, 1985, № 5, с. 199-204. Библиогр. в подстр. примеч.

20. Витол А.В. А.-К.Бонневадь - основатель первой турецкой военной школы. - III и ПИАНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 111-114. Библиогр. в примеч. (с. 113-114).

21. Вовин А.В. О реликте эргатива в древнеяпонском языке. Рук. деп. в ИНИОН за № 21071.

22. Воевуцкий И.Н. Лингвистическое значение среднеарабских текстов - калек. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 39-43. Библиогр. в примеч. (с. 43).

23. Воробьев М.В. Кодекс "Тан лин" и характер заимствования его положений средневековой Японией. - ХУІ науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.2. М., 1985, с. 54-60. Лит.: с. 60.

24. Воробьев М.В. Общественные движения в Японии до конца XII в. в оценке "Нихонги". - Науч.конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 12-14.

25. Воробьев М.В. Проблема верховной власти в раннесредневековой Японии в свете сравнительного правоведения. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 114-121. Библиогр. в примеч. (с. 121).

26. Бонгард-Левин Г.М. и Воробьева-Десятовская М.И. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. I. - М.: Наука, 1985. - 285 с., факс. (ПНВ, 73) (Bibliotheca Buddhica. 33). Рез. англ. Указ.: с. 161-162.

27. Ворожейкина З.Н. "Иракский" стиль: идейно-эстетическое содержание. - В кн.: Актуальные проблемы иранской филологии. (Матер. УШ Всесоюз. науч.конф.), Май 1982 г., Душанбе. Душанбе, 1985, с. 242-247.

28. Горегляд В.Н. Путевые заметки в японской литературе XIII-начала XIV в. - В кн.: Теория жанров литератур Востока. М., 1985, с. 179-192. Лит.: с. 191-192 (12 назв.).

29. Горегляд В.Н. Ранняя японская поэзия на китайском языке. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 67-70. Библиогр. в примеч. (с. 69-70).

30. Горегляд В.Н. и Кычанов Е.И. /Отв.ред. и предисл./: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. ХУШ годичн. науч. сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения по Танскому Китаю). Ч. 3.-М.: Наука, 1985. - 116 с. Предисл.: с. 3-5.

31. Гохман В.И. О времени разделения языков бирманского и мавру и переселении бирманцев на территорию Бирмы. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 43-46. Библиогр. в примеч. (с. 46).

32. Гохман В.И. и др. /Рец. на кн./: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. 256 с. - СЭ, 1985, № 2, с. 164-167.

В.И.Гохманом написана лингвистическая часть рецензии.

33. Грушевой А.Г. Племя убайшат в сафских, набатейских и

греческих надписях. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 33-38. Библиогр. в примеч. (с.37-38).

34. Грязневич П.А. Историко-археологические исследования в НДРГ (1983-1984 гг.) - В кн.: Археология зарубежной Азии: (Матер. к симпозию. Совета молодых ученых ЛОИА). Л., 1985, с. 43-47.

35. Грязневич П.А. Историко-археологические и этнолингвистические исследования в Хадрамауте. - В кн.: Итоги работы СОИКЭ 1985. Сейун, 1985, с. 2-13. (На араб.яз.).

36. Грязневич П.А. Итоги работы Советско-Йеменской экспедиции в 1983-84 гг. - ВАН СССР, 1985, № 5, с. 136-148, ил.

37. Грязневич П.А. Итоги работы СОИКЭ 1983-1985 гг. - ал-Хикма Йаманийа, Аден, 1985, № 123, с. 32-43. (На араб. яз.).

38. Грязневич П.А. Музей древнего Хадрамаута. /Предисл./ - В кн.: Музей древностей Хадрамаута. Памятка. Сейун, 1985, с. 1-2. (На араб. яз.).

39. Грязневич П.А. Надписи Хадрамаута. - В кн.: Музей древностей Хадрамаута. Памятка. Сейун, 1985, с. II-12. (На араб.яз.).

40. Грязневич П.А. О проекте издания свода "Материалы по истории и культуре Хадрамаута". - ал-Афак. Мукалла, 1985, № 119, с. II-16. (На араб.яз.).

41. Грязневич П.А. Предисловие. - В кн.: Итоги работы СОИКЭ 1984. Сейун, 1984, с. 1-15. (На араб. яз.).

42. Грязневич П.А. Проблемы историко-географических исследований Хадрамаута. - В кн.: Итоги работы СОИКЭ 1985. Сейун, 1985, с. 73-87, ил. (На араб. яз.).

43. Grjasnewitsch P.A. Im Reich der Königen von Saba. Übers. von K.Pickler. - Leipzig-Moskau: Brockhaus-Progress, 1985. - 328 S., 32 ill.

Пер. книги: В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. М., 1978,

44. Гуревич И.С. Две версии "Сутры Шестого Патриарха". - XVI науч.конф. "Общество и государство в Китае". Тез.и докл. Ч. I. М., 1985, с. II2-II6. Библиогр. в примеч. (с. II6).

45. Гуревич И.С. Еще раз о бяньвэнь... (заметки). - III и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 96-101. Библиогр.: с. 100-101.

46. Дандамаев М.А. Государство и религия на древнем Ближнем Востоке. - ВДИ, 1985, № 2, с. 3-9. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз.

47. Дандамаев М.А. и Лившиц В.А. Владимир Григорьевич Луконин. /Некролог/. - Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 8. М., 1985, с. 108-109.

48. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. - М.: Наука, 1985. - ЗИС с., I отд. л. карт., ил. Библиогр.: с. 288-301. Указ. имен: с. 302-309.
49. Дандамаев М.А. и Чехович Н.О. XXXI Международная конференция ассириологов. - ВАН СССР, 1985, № 8, с. 109-116.
50. Дандамаев М.А. Новые работы по истории Средней Азии и Ирана. /Рец. на кн./: Boyce M. A History of Zoroastrianism under the Achaemenians. V. 2. Leiden-Köln, Brill, 1982, 306 p. - Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by J.Narmatta. Budapest, 1979, 162 p. - Persica, №7. Louvain, 1978. X, 261 p. - ВДИ, 1985, № 2, с. 197-201.
51. Дандамаев М.А. /Рец. на кн./: Joannes P. Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982. 450 p. (Études assyriologiques. Ed.: Recherche sur les civilisations, cah. № 5). - ВДИ, 1985, № 3, с. 166-170. Библиогр. в подстр. примеч.
52. Джамилов О.Дж. Арабатское восстание курдов 1930 года и его отражение в исторических песнях. - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 126-134. Библиогр. в примеч. (с. 132-134).
53. Джамилов О.Дж. Восстание 1926 года в Турецком Курдистане и его отражение в исторических песнях. - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 121-126. Библиогр. в примеч. (с. 126).
54. Джамилов О.Д. Восстание Шейх Саида 1925 г. и его отражение в курдском фольклоре.-Карван, Багдад, 1985, № 34. (На курд.яз.).
55. Додхудоева Л.Н. Поэмы Низами в средневековой миниатюрной живописи. Отв.ред. О.Ф.Акимункин. - М.: Наука, 1985. - 327 с., ил. (Культура народов Востока. Матер. и исслед.). Рез. на англ. яз. Библиогр.: с. 86-99.
56. Дулина Н.А. О чифликчийском землевладении в Османской империи (конец ХУШ-ХІХ вв.) - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 134-140. Библиогр. в примеч. (с. 138-140).
57. Дулина Н.А. Отношение к реформам Танзимата различных слоев османского общества. - Науч.конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 18-20.
58. Дулина Н.А. Садык Рифат-паша и его проекты реформ в 30-е годы ХІХ в. - ТС 1979. М., 1985, с. 5-33. Библиогр. в примеч. (с. 31-33).
59. Дунаевская И.М. /Пер. с англ., фр. и нем./: Маттиэ Э. Раскопки Эблы 1964-1982 гг. : итоги и перспективы. - Царский дворец G в Эбле... - Маргерон Ж.-К. Мари-самобытность или заимствования? - Буччелати Дж. Очерки эблайтской графемики. - Сольдберже Э.

Заметки о палеографии текстов из Эблы. - /И др. ст./ - В кн.: Древняя Эбла: (Раскопки в Сирии). М., 1985, с. 5-19, 34-51, 96-140, 191-237, 257-271, 280-317.

60. Дьяконов И.М. /Ред. и закл.статья/: Древняя Эбла.: (Раскопки в Сирии). Пер. с англ., итал., нем. и франц. - М.: Прогресс, 1985. - 366 с., ил., 1 л. карт.-схем. Библиогр.: с. 351-361.

Значение Эблы для истории и языкознания. /Закл.статья/. - с. 318-349.

61. Дьяконов И.М. и Дьяконов И.М. Избранные переводы. - М.: Наука, ГРВИ, 1985. - 255 с.

"Переводчики" /Предисл. И.М.Дьяконова/ - с. 3-12.

Переводы И.М.Дьяконова /Из поэмы о Гильгамеше. - Книга Экклезиаст. - Из "Песни песней". - /и др./ - с. 186-233.

Примечания к пер. И.М.Дьяконова - с. 242-252.

62. Дьяконов И.М. Культурные термины в праафразийском и пра-семитском языках. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез.докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 26.

63. Дьяконов И.М. и Милитарев Л.Д. Послесловие и примеч. - В кн.: Лот А. К другим Тассили: Новые открытия в Сахаре. Пер. с франц. Л., 1984, с. 190-208.

64. Дьяконов И.М. Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки. - В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. Ч.2. М., 1984, с. 3-20.

65. Diakonoff I.M. An evaluation of Eblaite. - In: Studies on the language of Ebla. Firenze, 1984, p. 1-10.

66. Diakonoff I.M. Extended families in Old Babylonian Ur. - ZA, Bd. 75, I. Halbbd., 1985, S. 47-65.

67. Diakonoff I.M. Hurro-Urartian borrowings in old Armenian. - JAOS, 1985, vol. 105. № 4, p. 597-603.

68. Diakonoff I.M. Letter to the Conference. - Current Progress in Afro-Asiatic Linguistics. - In: Papers of the Third International Hamito-Semitic Congress. Amsterdam-Philadelphia, 1984, p. 1-10.

69. Diakonoff I.M., Nerosznak V.P. Phrygian. - Delmar, New York, Caravan Books, 1985. - XX, 153 p., tabl (Anatolian and Caucasian stud.) Bibliogr.: p. 147-149: in notes.

70. Diakonoff I.M. The prehistory of the Armenian people. Transl. from the Russian by L.Jennings with revis. by the author. Delmar, New York, Caravan Books. - 241 p.; 2 maps. (Anatolian and Caucasian stud.) Bibliogr.: p. 207-216.

71. Diakonoff I.M., Jankovska H.B. /Рец. на кн./: Wilhelm G. Grundzüge der Geschichte und Kultur der Hurriter. Darmstadt, 1982. - BiOr, 1985, Jg. 42. № 1/2, S. 147-153.

72. Klanskaya A.I. /Рец. на кн./: Barc B. L'Hypostase des Archontes: traité gnostique (МН II,4); Roberge M. Noréd, (МН IX, 2). Québec, Les Pres. de l'Université Laval; Louvain, Ed. Peeters, 1980. (Bibliothèque copte de Nag Hammadi, Section "Textes", 5). - Chronique d'Égypte, 1984, t. 49, fasc. 118, p. 374-376.

73. Елисеев Д.Д. /Пер. с корейск. и примеч./: Новеллы. - Неизвестный автор. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. - В кн.: Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Пер. с корейск. и ханмуна. Л., 1985, с. 15-60, 103-246, 428-446, 448-455. (Часть примеч. совм. с Л.Н.Меньшиковым).

74. Елисеева Н.В. /Хроникальные заметки о XX годичной научной сессии Ю ИВАН и заседании памяти акад. В.В.Струве/. - НАА, 1985, № 5, с. 144-147.

75. Ермаков Д.В. Идея обновления ислама в раннеханбалитской идеологии. - IV Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч. сообщ. Ереван, 1985, с. 84-85.

76. Ермаков Д.В. Нововведение - бид'а в раннеханбалитской идеологии. - III и ПИКНВ, ХУШ/1, М., 1985, с. 144-149. Библиогр. в примеч. (с. 149).

77. Ермаков Д.В. Религиозно-политическая борьба в халифате и ханбалитская литература (IX-X вв.) - Науч.конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 21-22.

78. Ермаков М.Е. Биографии буддийских деятелей в "Цзинь шу". - III и ПИКНВ, ХУШ/1, М., 1985, с. 140-144. Библиогр. в примеч.: с. 143-144.

79. Жданова Л.В. Стихотворения Гу Юня, Чхве Чживона и Гао Пяня на сюжет "Путь тяньвэй" ("Небесная гроза"). - III и ПИКНВ, ХУШ/3, М., 1985, с. 85-90. Библиогр. в примеч.: с. 89-90.

80. Жданова Л.В. Четверостишие корейского поэта Чхве Чживона и "Банановая притча" Ле-цзы. - III и ПИКНВ, ХУШ/3, М., 1985, с. 80-85. Библиогр. в примеч. (с. 84-85).

81. Жуков К.А. Торговые связи Венеции и Генуи с эгейскими эмиратами Айдын и Ментеше (XIV-начало XV в.) - ТС 1979, М., 1985, с. 34-49. Библиогр. в примеч. (с. 46-49).

82. Западова Е.А. "Война и мир" Л.Н.Толстого на бирманском языке. - Русская речь, 1985, № 2, с. 93-96.

83. Западова Е.А. Пи Моу Нин: Жизнь и творчество. - М.:Наука,

1985. - 182 с. (Писатели и ученые Востока). Библиогр.: с. 180-181.

84. Западова Е.А. Романтические тенденции в творчестве Маха Схвея. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 8-11. Библиогр. в примеч. (с. 11).

85. Зислин М.Н. Фрагмент из рассуждений Абу-л-Фараджа Харуна ибн ал-Фараджа о морфологии древнееврейского глагола. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 47-49. Библиогр. в примеч. (с. 48-49).

86. Зограф Г.А. Два замечания к грамматике языка парья. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 49-52. Библиогр. в примеч. (с. 52).

87. Зограф Г.А. /Пер. с хинди/: Коварный шакал. - Жил-был воробей. - Заморыш. - Испытание ума. /Инд. сказки/. - В кн.: Сказки народов мира. М., 1985, с. 32-35, 37-40, 43-45. (БМЛД, т. 32). - См. также № 226.

88. Зограф И.Т. О литературной диглоссии в Китае. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.3. М., 1985, с. 210-214.

89. Зограф И.Т. О месте дуньхуанских бьяньвэней в истории китайского языка и литературы. - III и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с.90-95. Библиогр. в примеч. (с. 94-95).

90. Кабанов А.М. Увлечение даосизмом в Японии XVII-XIX вв. - XVI науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.2. М., 1985, с. 79-86. Лит.: с. 86.

91. Кабанов А.М. Человек и природа в поэзии годзан бунгаку. - В кн.: Человек и мир в японской культуре: Сб.ст. М., 1985, с. 72-86. Библиогр.:с. 86 (18 назв.).

92. Кадырбаев А.Ш. Китайские источники монгольской эпохи об асах. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 38-42. Библиогр. в примеч. (с. 41-42).

93. Каплан Г.Х. М.В.Никольский и коллекция Блау. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез.докл. Всесоюз. научно-метод.конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 26-27.

94. Каплан Г.Х. Употребление статива в аккадском языке: (На материале среднеассирийского диалекта). - ВДИ, 1985, № 3, с. 51-57. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз.

95. Карская Л.Н. Генерал А.П.Ермолов и принц Аббас-мирза Каджар (социально-психологические портреты). - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 150-157. Библиогр. в примеч. (с. 156-157).

96. Квонг И. Выражение общего вопроса в языке романа "Жулинь вайши". - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 52-56. Библиогр. в примеч. (с. 56).

97. Кепинг К.Б. Категория времени в тангутском языке. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 57-61. Библиогр. в примеч. (с. 61).
98. Кепинг К.Б. Тангутский язык: Морфология. - М.: Наука, 1985. - 367 с. (АН СССР, Ин-т востоковед.) Библиогр.: с. 363-365.
99. Климов В.Д. Восстание верующих секты "икко" в провинции Кага в Японии (1474-1488 гг.) - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 162-167. Библиогр. в примеч. (с. 167).
100. Климов В.Д. Народные движения в Японии в XIV-XV вв.: традиции, идеи. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 32-34.
101. Климов В.Д. Некоторые особенности восстания возчиков 1418 г. в Японии, - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 157-162. Библиогр. в примеч. (с. 161-162).
102. Агаджанов С.Г. и Кляшторный С.Г. Изучение истории тюркоязычных народов СССР. - Эдебият ве сунгат, Ашхабад, 1985, № 37, с. 2-3. (На туркм. яз.).
103. Агаджанов С.Г. и Кляшторный С.Г. Итоги изучения исторического прошлого тюркоязычных народов СССР. - Изв. АН ТуркмССР, СОН, 1985, № 5, с. 3-8.
104. Кляшторный С.Г. Социальная организация и духовная культура древних тюрков. - В кн.: Вопросы советской тюркологии. Тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 10-12 сент. 1985 г. Ашхабад, 1985, с. 287-288.
105. Кляшторный С.Г. Социальное содержание терминов *qul* "раб" и *kül* "рабыня" в древнетюркских рунических памятниках. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 168-170.
106. Кляшторный С.Г. Праболгарский ТАНГРА и древнетюркский пантеон. - Сборник в память на проф. С.Ваклинов. София, 1984, с. 18-22. (На болг.яз.).
107. Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии). - В кн.: Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985, с. 158-169.
108. Klyashtorny S.G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan. - АОН, 1985, t. 39, fasc. 1, p. 137-156; 3 l. ill. Bibliogr. in notes.
109. Кныш А.Д. Два суфизма. - IV Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч. сообщ. Ереван, 1985, с. 90-92.
110. Кныш А.Д. Ибн Араби как идеолог суфизма. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических об-

ществах Азии": Тез. М., 1985, с. 35-36.

III. Книга А.Д. Ханбалитская критика суфизма (по материалам "Талбис Иблис" Ибн ал-Джаузи). - ПП и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 170-175. Библиогр. в примеч. (с. 175).

II2. Кобец В.Н. "Китайизмы" и "европеизмы" в правительственной идеологии первых лет Мэйдзи (1868-73 гг.) - ПП и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 175-180. Библиогр. в примеч. (с. 180).

II3. Козина Е.М. Семья и государство в средневековом Китае (по материалам кодекса династии Тан). - ПП и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 42-48. Библиогр. в примеч. (с. 48).

II4. Козина Е.М. Тягчайшие внутрисемейные преступления (по статье "Ю зол" из Кодекса династии Тан). - ХУІ науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч. І. М., 1985, с. 138-142.

II5. Козырева Н.В. Новые документы из архива Шеп-Сина. - ЭВ, 1985, вып. 23, с. 12-15.

II6. Козырева Н.В. Старовавилонские клинописные документы как источник по социально-экономической истории. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985г. Даугавпилс, 1985, с. 30-31.

II7. Козырева Н.В. /Рец. на кн./: Foster B.R. *Umma in the Sargonic Period. Connecticut: Hamden, 1982.* - ВДИ, 1985, № 3, с. 175-180.

II8. Колесников А.И. Административные топонимы на сасанидских печатях. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 180-185. Библиогр. в примеч. (с. 184-185).

II9. Колесников А.И. Золотая арабо-сасанидская монета. - СГЭ, 1985, т. 50, с. 49-52, 58. Библиогр. в примеч. (с. 52). Рез. на англ. яз. (с. 58).

II0. Колесников А.И. Идеология маздакизма и народные движения в УШ-ІХ вв. в Иране. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии". Тез. М., 1985, с. 37-39.

II1. Розенфельд А.З. и Колесников А.И. Материалы по эпиграфике Памира. - ЭВ, ХУШ. М., 1985, с. 88-95. Библиогр. в подстр. примеч.

II2. Комиссарова Т.Г. Буддийские каталоги династии Тан. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 101-108. Библиогр. в примеч. (с. 108).

II3. Комиссарова Т.Г. Проблема передачи "Пути" в буддийской

библиографической литературе. - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 185-190. Библиогр. в подстр. примеч.

124. Кононов А.Н., Дрейер О.К., Темкин Э.Н., Цельникер С.С. Четверть века серийных публикаций письменных памятников Востока. - НАА, 1985, № 2, с. 155-168. Библиогр. в подстр. примеч.

125. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Баскаков А.Н. Предложение в современном турецком языке. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 200 с. - СТ, 1985, № 1, с. 90-92.

126. Кононов А.Н. /Рец. на кн./: Турецко-русский словарь (неологизмы). Сост. Г.И.Антедова. Тбилиси, Мецниереба, 1985. 167 с. - СТ, 1985, № 2, с. 86-87,

127. Кононов А.Н. /Отв.ред./: Туркологический сборник 1979. Османская империя: проблемы истории и источниковедения. /Чл.редкол.: С.Г.Кляшторный, Д.А.Петросян, С.С.Цельникер/. - М.: Наука, ГРВЛ, 1985.

См. также № 195.

128. Кравцова М.Е. "Пир у воды" (шуйшуйань) по материалам поэзии Лючао. - XVI науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.І. М., 1985, с. 191-196. Лит.: с. 195-196.

129. Крачковский И.Ю. Дагестан и Йемен. - В кн.: Йемен в советском востоковедении: Избр. тексты. Дамаск, 1985, с. 157-172. (На араб. яз.).

130. Крачковский И.Ю. Умара ад-Йамани. - В кн.: Йемен в советском востоковедении: Избр. тексты. Дамаск, 1985, с. 151-156. (На араб. яз.).

131. Кроль Д.Л. Западноканьская подборка указов о движении по "дороге [Сына Неба] для быстрой езды" (опыт реконструкции). - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 191-195. Библиогр. в примеч. (с. 194-195).

132. Кроль Д.Л. Спор как явление культуры древнего Китая. - XVI науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.І. М., 1985, с. 49-57.

133. Кузнецов Б.И. /Пер. с хинди/: Сын пандита. Инд. сказка. - В кн.: Сказки народов мира. М., 1985, с. 49-50. (БМЦД, т. 32).

134. Куликова А.М. Неизвестные указы Петра І. - НАА, 1985, № 3, с. 73-77. Библиогр. в подстр. примеч.

135. Куликова А.М. Новый документ об обучении русских китайскому и маньчжурскому языкам при российских миссиях в Пекине. - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 48-53. Библиогр. в примеч. (с.52-53).

136. Куликова А.М. О научном наследии Ф.Ф.Шармуа. - III и

ПИНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 42-48. Библиогр. в примеч. (с. 47-48).

137. Курдоев К.К. Собственные имена в курдском языке. - В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XIII. Курдоведение. Ереван, 1985, с. 190-197. Рез. на арм.яз.

См. также № 167.

138. Кычанов Е.И. Виды китайского законодательства до династии Юань (XIII в.) - III и ПИНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 53-57. Библиогр.: с. 57.

139. Кычанов Е.И. Закон Тан о борьбе с хищениями людей. - III и ПИНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 48-53.

140. /Кычанов Е.И./ 200-летие со дня рождения Чома де Кёреши. /О симпозиуме Чома де Кёреши, посвящ. Тибету, буддологии и культурам народов Центр.Азии. Будапешт, сентябрь 1984 г./ - НАА, 1985, № 3, с. 136-138.

141. Кычанов Е.И. О формах и праве собственности в Китае в УП-ХП вв. - НАА, 1985, № 4, с. 49-58. Библиогр. в подстр.примеч.

142. Кычанов Е.И. Умысел (моу) и преднамеренность (гу) в традиционном китайском праве. - XVI науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.І. М., 1985, с. 128-132. Библиогр. в примеч.(с. 132).

См. также № 30.

143. Ртвеладзе Э. и Лившиц В. Памятники древней письменности. - Ташкент, Узбекистан, 1985. - 38 с. (Общ-во охраны памятников истории и культуры Узбекистана).

144. Лившиц В.А. Согдийские документы. - В кн.: Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе, 1985, с. 243-247.

См. также № 47.

145. Бауэр Г.М. и Лундин А.Г. История древнего Йемена: Южная Аравия в древности. Пер. Усама Ахмад. Аден, 1984. 79 с. (На араб. яз.).

146. Лундин А.Г. Названия и формы букв в семитских консонантных алфавитах. - ВДИ, 1985, № 4, с. 137-155. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ.яз.

147. Лундин А.Г. Сабейский чиновник и дипломат. - ал-Хикма Йаманийя, Аден, 1985, № 117, с. 6-20. (На араб.яз.).

148. Лундин А.Г. Социальный строй бедуинов Аравии в III-IV вв. по источникам разных типов. - IУ Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч.сообщ. Ереван, 1985, с. 94-95.

149. Лундин А.Г. Финикийская буква "цаде" - название и форма. - В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Вос-

тока: Тез. и докл. конф. Ч. I. М., 1984, с. 53-55.

150. Лундин А.Г. Финикийский алфавит и фонологическая система финикийского языка. - В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. Ч. I. М., 1984, с. 55-57.

151. Лундин А.Г. Этапы развития алфавитного письма. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 34-37.

152. Loundine A.G. L'origine de l'alphabet (texte traduit et commenté par J. Ryckmans). - Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain, 1985, t. 11, p. 173-202.

153. Loundine A.G. Quelques lettres des alphabets sémitiques. - In: Mélanges linguistiques offerts à Maxim Rodinson. Paris, 1985, p. 239-244.

154. Лундин А.Г. Два сабейских словаря. /Рец. на кн./: Biella J.C. Dictionary of old South Arabic, Sabaeen Dialect. Harvard, 1982, XIII, 561 p. (Harvard Semitic Stud. 25). - Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J. Dictionnaire Sabéen. Louvain-la-Neuve-Bevrouth, 1982, XII, 172 IV p. - ВДИ, 1985, № I, с. 192-197. Библиогр. в подстр. примеч.

155. Маранджян К.Г. Огю Сорай и его взгляды на исторический процесс. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч. 2. М., 1985, с. 86-91. Библиогр. в примеч. (с. 91).

156. Мартынов А.С. Доклад Юань Чжэня императору Сянь-Цзуну о воспитании наследника. - III и ПИКНВ, ХУШ/з. М., 1985, с. 29-34. Библиогр. в примеч. (с. 34).

157. Мартынов А.С. О некоторых особенностях духовной культуры императорского Китая. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч. I, М., 1985, с. 14-19. Библиогр. в примеч. (с. 18-19).

158. Мартынов А.С. Общественные движения и идеология в императорском Китае. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии: Тез. М., 1985, с. 52-53.

159. Мартынов А.С. Самоназвание страны как проблема политической идеологии в императорском Китае. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 195-200. Библиогр. в примеч. (с. 200).

160. Мартынов А.С. /Рец. на кн./: Завадская Е.В. Мудрое вдохновение. Ми Фу (1052-1107). М., Наука, ГРВЛ, 1983. 200 с. - НАА, 1985, № 2, с. 191-196. Библиогр. в подстр. примеч.

161. Маслов А.В. Опыт формального анализа иероглифики девизов царствования периода Тан (618-907 гг. н.э.) - III и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 34-42. Библиогр.: с. 38.

См. также № 3.

162. Медведская И.Н. К вопросу о культурном влиянии Ассирии на культуру Урарту. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с.37-40.

163. Меньшиков Л.Н. Примечания. - В кн.: Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Пер. с корейск. и ханмуна. Л., 1985, с. 428-444 (совм. с Д.Д.Елисеевым); 455-461.

См. также № 4, 73.

164. Михайлова И.Б. "Фитна" - смута как элемент политической культуры. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии". Тез. М., 1985, с. 54-56.

165. Михайлова Ю.Д. Школа национальных наук в Японии. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии". Тез. М., 1985, с. 57-59.

166. Михайлова Ю.Д. Эволюция взглядов Мотоори Норинага (к вопросу о развитии самосознания мыслителя). - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 200-205. Библиогр. в примеч. (с. 205).

167. Мусаэлян Ж.С. /Изд. текстов, пер., предисл. и примеч./: Курдские народные песни из рукописного собрания ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина. Отв.ред. К.К.Курдоев. - М.: Наука, 1985. - 130 с., факс. (ППВ, 72). Рез. англ.

168. Мусаэлян Ж.С. /Рец. на кн./: Руденко М.Б. Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания). М.: Наука, 1982. 152 с. - СЭ, 1985, № 1, с. 159-161.

169. Мухаммед Анвар Кадир. Стихи жене - лирический цикл в творчестве курдского поэта Маулави (1805-1882). - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 3-7/. Библиогр. в примеч. (с. 7).

170. Нафтульев И.Ф. Библиография. - В кн.: Древняя Эбла: (Раскопки в Сирии). М., 1985, с. 251-261.

171. Невелева С.Л. О построении древнеиндийского эпического текста (сигнальная функция изобразительных и композиционных приемов). - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 12-17. Библиогр. в примеч. (с. 16-17).

172. Невелева С.Л. Сюжет о Карне в третьей книге "Махабхараты" ("сознание инициации"). - В кн.: Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985, с. 76-87. Библиогр. в примеч. (с. 86-87).

173. Невелева С.Д. /Рец. на кн./: Краснодарская Н.Г. Традиционное мировоззрение сингалов. М.: Наука, 1982, 213 с. - СЭ, 1985, № I, с. 161-163.

См. также № 18.

174. Никитина М.И. Взаимодействие культур и проблема субстрата (по данным корейского мифа и ритуала). - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 205-211. Библиогр. в примеч. (с. 210-211).

175. Никитина М.И. Об интерпретации одной буддийской легенды из "Самгук юса". - III и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 70-79. Библиогр.: с. 79.

176. Никитина М.И. Сидло и хянга: Проблема взаимосвязи (на примере пейзажной поэзии). - В кн.: Теория жанров литератур Востока. М., 1985, с. 24-44. Лит.: с. 44 (23 назв.).

177. Павловская Л.К. О жанрах средневековых китайских исторических повествований. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч. I. М., 1985, с. 202-207. Библиогр. в примеч. (с. 206-207).

178. Павловская Л.К. О создании художественного персонажа в китайском народном историческом романе - пинхуа (изображение Хуан Чао в "Заново составленном пинхуа по истории пяти династий"). - III и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 21-29. Библиогр. в примеч. (с. 20-29).

179. Павловская Л.К. Об исторических источниках "Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств" (Цинь бин лю го пинхуа). - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 17-22. Библиогр. в примеч. (с. 20-22).

180. Пан Т.А. Категория числа маньчжурских существительных. - Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. I: Ист. Литературовед. Языкозн. Ч. 2. М., 1985, с. 226-227.

181. Парибок А.В. Палийские сложновербальные сочетания - предшественники интенсивов. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 62-66. Библиогр. в примеч. (с. 66).

182. Perikhanian A.G. Arm. daşxuran et arm. vsestak. - Annual of Armenian Linguistics, 1985, vol. 6, p. 75-80.

183. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. К вопросу о движущих силах реформаторского и конституционного движения в Османской империи (некоторые процессы социальной трансформации). - ТС 1979. М., 1985, с. 110-126. Библиогр. в примеч. (с. 125-126).

184. Петросян И.Е. Турецкий источник труда Марсылы "Stato militare dell' Imperio Ottomanno". - ТС 1979. М., 1985, с. 99-109. Библиогр. в примеч. (с. 108-109).

185. Петросян И.Е. /Рец. на кн./: *Contributions à l'histoire économique et sociale de l'Empire Ottoman*. Paris, 1983, 503 p.
- НАА, 1985, № 2, с. 200-204.

186. Петросян И.Е. /Рец. на кн./: *Turcica. Revue d'études turques*. T. XVI. Paris-Strasbourg, 1984. - СТ, 1985, № 4, с. 107-108.

187. Петросян Ю.А. Ахмед Саиб - младотурецкий историк и публицист. - ПП и ПИНКВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 211-215. Библиогр. в примеч. (с. 215).

188. Петросян Ю.А. Зейтунское восстание 1862 г. в свете внутренней политики правящих кругов Османской империи в период танзиматских реформ. - ИФЖ, Ереван, 1985, № 3, с. 178-185. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на арм.яз.

189. Петросян Ю.А. и Темкин Э.Н. Изучение собрания восточных рукописей Ин-та Востоковедения АН СССР: Описание фондов, издание и исследование текстов. - Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985, с. 27-36. Библиогр. в примеч. (с. 33-36).

190. Петросян Ю.А. К вопросу о формировании и эволюции общественно-политических взглядов Зия-паши. - ТС 1979. М., 1985, с. 127-139. Библиогр. в примеч. (с. 139).

191. Петросян Ю.А. Коллекция восточных рукописей Института востоковедения АН СССР и ее изучение. - ВАН СССР, 1985, № 7, с. 49-59, ил. Библиогр. в подстр. примеч.

192. Петросян Ю.А. Младотурки перед судом истории. - Советакан Айастан, Ереван, 1985, № 4, с. 11-12. (На арм.яз.).

Пер. рец. на кн.: Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории. Кн. I. Ереван, Айастан, 1982. - НАА, 1984, № 4, с. 200-202.

193. Петросян Ю.А. О соотношении западного и традиционного в развитии турецкой культуры эпохи реформ в Османской империи (конец ХУШ - начало ХХ вв.) - В кн.: Вопросы советской тюркологии: Тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 10-12 сент. 1985 г. Ашхабад, 1985, с. 285-287.

194. Петросян Ю.А. Послесловие. - В кн.: Познаньская Кр. Старая и новая Турция. Пер. на арм.яз. Ереван, 1985, с. 204-211.

195. Петросян Ю.А. Турецкая публицистика эпохи реформ в Османской империи (конец ХУШ - начало ХХ в.) Отв. ред. А.Н. Кононов. - М.: Наука, 1985. - 144 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с. 136-143.

196. Мыльников А.С. и Петросян Ю.А. /Рец. на кн./: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в ХУ-ХУІ вв.: Главные тенденции полит. взаимоотношений. М.: Наука,

1984. 302 с. - ВИ, 1985, № 5, с. 135-138.

См. также № 127, 183.

197. Пиотровский М.Б. Аравийские корни ислама. - IV Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч. сообщ. Ереван, 1985, с. 104-105.

198. Пиотровский М.Б. Кайли, абна, кабаил. - В кн.: Йемен в советском востоковедении: Избр. тексты. Дамаск, 1985, с. 143-150. (На араб. яз.).

199. Пиотровский М.Б. Кинда в Хадрамауте. - В кн.: Хадрамаут. Т. I. Мукалла, 1984, с. 48-52. (На араб. яз.).

200. Пиотровский М.Б. Киндиты в Хадрамауте: Перспективы полевых исследований. - ал-Хикма йаманийа, Аден, 1985, № 122, с. 23-30. (На араб. яз.).

201. Пиотровский М.Б. и Ибн Акил, Абдалазиз Джафар. Обзор и исследование городов и поселений в долинах Рахья и ал-Айн. - В кн.: Итоги работы СОИКЭ 1984. Сейун, 1984, с. 52-567 (На араб. яз.).

202. Пиотровский М.Б. Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле. - В кн.: Йемен в советском востоковедении; Избр. тексты. Дамаск, 1985, с. 1-142. (На араб. яз.).

203. Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье: Становление средневекового общества. - М.: Наука, ГРВЛ, 1985. - 224 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Библиогр.: с. 185-202. Указ.: с. 203-218. Рез. на англ. яз.

204. Пиотровский М.Б. /Рец. на кн./: Родионов М.А. Марониты: Из этноконфессиональной истории Вост.Средиземноморья. - М.: Наука, ГРВЛ, 1982. - 135 с. - СЭ, 1985, № 4, с. 159-161.

205. Полосин Вал.В. Текстологическая база для нового издания критического текста "Фихриста" Ибн ан-Надйма. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/I. М., 1985, с. 57-63. Библиогр. в примеч. (с. 62-63).

206. Посова Т.К. Мифология "Девимахатмья". - В кн.: Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985, с. 134-145. Библиогр. в примеч. (с. 4-145).

207. Пострелова Т.А. О Сюй Бэйхуне как педагоге. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/I. М., 1985, с. 216-221. Библиогр. в примеч. (с. 220-221).

208. Пострелова Т.А. Художник У Чаншо: страницы жизни и творчества. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.3. М., 1985, с. 197-200.

209. Прозоров С.М. Мусульманская доксграфия X-XII вв. и идейная борьба в исламе. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 75-77.

210. Резван Е.А. Религиозно-социальная ситуация в Аравии на рубеже VI-VIII вв. и ее отражение в Коране. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 82-87.

211. Резван Е.А. "Это удручает пророка, но он стыдится вас": (Окказиональный этикет в Коране). - IV Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч. сообщ. Ереван, 1985, с. 107-109.

212. Рудой В.И. Проблемы истолкования индийских классических философских текстов в свете материалистической диалектики К.Маркса. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 23-27.

213. Рыбаков В.М. Специфические хищения в танском праве. - XVI науч.конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч.1. М., 1985, с. 133-138. Библиогр. в примеч. (с. 137-138).

214. Рыбаков В.М. /Пер. с кит., вступ. и коммент./: Танское законодательство о преступлениях против имущества. - НАА, 1985, № 6, с. 96-104.

215. Рыбаков В.М. Функция, статус и персона в танском правовом мышлении. - III и ПИКНВ, ХУШ/5. М., 1985, с. 53-60. Библиогр. в примеч. (с. 59-60).

216. Рыбалкин В.С. Принципы расположения корней в средневековых арабских толковых словарях. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 66-71. Библиогр. в примеч. (с. 70-71).

217. Сазыкин А. Сюжет "Видений ада" в монгольской литературе ХУП - начала XX века. - Информ. бюллетень МАИКЦА, вып. 8. М., 1985 с. 62-69. Библиогр. в примеч. (с. 68-69).

218. Сазыкин А.Г. Эсхатологические мстивы в повести о Наранугэрэл". Часть I. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 63-68. Библиогр. в примеч.: с. 67-68.

219. Sazykin A.G., Yondon D. Travel-report of a Buriat Pilgrim, Lubsan Midžid-Dordži.-АОН, 1985, t. 39, fasc. 2-3, p. 205-241. Bibliogr. in notes.

220. Селиванова Т.П. Кашмирская армия в средние века (по материалам "Раджатарангини" Калханы - XII в.) - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 68-72. Библиогр. в примеч. (с. 72).

221. Берадзе Г.Г. и Смирнова Л.П. Сведения о Грузии в персидском историческом сочинении "Ихйа ал-мудук". (Предварительное сообщение). - В кн.: Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985, с. 119-129. Библиогр. в подстр. примеч.

222. Старкова К.В. Две новые книги о Кумране. /Рец. на кн./: Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983, 328 с., I рис. -

Verber E. Kumransky rukopisi iz perćina Kraj Mrtvog mora. Drogó izd. Beograd, 1983, 400+4 с., 4 фототабл. - ВДИ, 1985, № I, с. 187-191.

223. Старкова К.В. Упоминание о семье и семейных отношениях в литературе Кумранской общины (рукописи Мертвого моря). - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 55-56.

224. Стулова Э.С. Восстание Хуан Чао 875-884 гг. в "Баоцзванг о Мудяне" (предварительные наблюдения). - III и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. II-21. Библиогр. в примеч. (с. 20-21).

225. Султанов Т.И. О прижизненном автору списке "Записок" Бабура. - III и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 72-76. Библиогр. в примеч. (с. 75-76).

226. Темкин Э.Н. и Эрман В.Г. Мифы древней Индии. 3-е изд. /Отв. ред. Г.А. Зограф/. М.: Наука, 1985, - 332 с.

См. также № 124, 189.

227. Торчинов Е.А. Алхимия и ритуал в даосизме. - XVI науч. конф. "Общество и государство в Китае": Тез. и докл. Ч. I. М., 1985, с. 96-101. Лит.: с. 101.

228. Торчинов Е.А. Даосская утопия и общественное движение П-У вв. - Науч. конф. "Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии": Тез. М., 1985, с. 106-107.

229. Торчинов Е.А. Даосская философия в памятниках религиозного даосизма (на материале "Инфу-цзина" и "Глав о прозрении истины" Чжан Бо-дуаня). - В кн.: Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1985, с. 124-144. Библиогр. в подстр. примеч.

230. Торчинов Е.А. Проблемы происхождения даосизма и периодизация его истории. - НАА, 1985, № 3, с. 153-159. Библиогр. в подстр. примеч.

231. Троцевич А.Ф. Предисловие. - В кн.: Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Пер. с корейск. и ханмуна. М., 1985, с. 3-14.

232. Троцевич А.Ф. /Пер. с ханмуна/: Ким Манчжун. Облачный сон девяти. Роман. - В кн.: Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Пер. с корейск. и ханмуна. Л., 1985, с. 247-427.

233. Туманович Н.Н. Барнабадские ходжи и правители г.Герата. - В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 169-176.

234. Туманович Н.Н. Упоминание Москвы в поэме Маила. - III и

ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 76-80. Библиогр. в примеч. (с. 80).

235. Успенский В.Л. Сочинения гуна Гомбоджаба как памятники монгольской историографии ХУШ в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Л., 1985. - 16 с. (ЛО ИВ АН СССР).

236. Успенский В.Л. Структура монгольской хроники "Ганга-йин урусхай". - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 80-83. Библиогр. в примеч. (с. 83).

237. Фихман И.Ф. Праздники и зрелища в римском и позднеримском Египте. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 67-68.

238. Фихман И.Ф. /Рец. на кн./: Kölner Papyri (P. Köln). Bd. 3. Bearb. von B.Kramer u.a. /Opladen/: Westdeutscher Verl., 1980, 218 S. + 35 Taf.; Bd.4. Bearb. von B.Kramer u.a. mit Beiträgen von U.Hagedorn u.a. /Opladen/: Westdeutscher Verl., /1982/, 242 S. + 27 Taf. (Papyrologica Coloniensis, VII,3,4) - ВДИ, 1985, № 4, с. 190-194. Библиогр. в подстр. примеч.

239. Фихман О.Л. К проблеме рецепции Западной Европой ХУП-ХУШ вв. некоторых элементов китайской культуры. - В кн.: Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985, с. 319-327. Библиогр. в примеч. (с. 325-327).

240. Фомкин М.С. Вопросы эвфонии турецкой газели Султана Веледа. - СТ, 1985, № 2, с. 21-27. Библиогр. в примеч. (с. 26-27).

241. Фомкин М.С. Поэтический синтаксис турецкой газели Султана Веледа. - III и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 22-28. Библиогр. в примеч. (с. 27-28).

242. Халидов А.Б. Арабская филология в СССР: состояние и перспективы. - IУ Всесоюзная конференция арабистов (Ереван, 15-17 мая 1985 г.): Тез. докл. и науч. сообщ. Ереван, 1985, с. 128-130.

243. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. - М.: Наука, ГРВЛ, 1985. - 304 с., 4 л. ил. (Культура народов Востока: Матер. и исслед.) Библиогр.: с. 265-279. Указ.: с. 280-301.

244. Ханин З.Я. Низшие социальные группы японского общества: (Сэммины-буракумины), середина УП - первая треть ХХ вв.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. - Л., 1985. - 44 с. (ЛО ИВ АН СССР).

245. Хосроев А.Л. "Поучения Сильвана" и грекоязычная литературная традиция диаспоры. - III и ПИКНВ, ХУШ/І. М., 1985, с. 221-225. Библиогр. в примеч. (с. 225).

246. Циперович И.Э. Китайская новелла "чуаньци" периода Тан (УП-ІХ вв.). Библиография советских исследований и переводов. -

ПП и ПИКНВ, ХУШ/3. М., 1985, с. 109-116.

247. Чан Тхи Хонг Ван. Принципы составления сборников арабских пословиц у филологов VIII-XII вв. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 28-34. Библиогр. в примеч. (с. 33-34).

248. Четверухин А.С. Можно ли говорить о наличии "именного предложения" в египетском языке? - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 71-77. Библиогр. в примеч. (с. 76-77).

249. Чехович Н.О. Праздники в Селевкидском Уруке. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 75-77.

См. также № 49.

250. Шауб А.К. Эпиграфические памятники Явы XIII-XIV веков о системе государственного управления Маджапахита. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 225-230. Библиогр. в примеч. (с. 229-230).

251. Шарафутдинова Р.Ш. К вопросу о разработке схемы систематического каталога библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. - В кн.: Каталогизация и научная систематизация литературы. М., 1984, с. 114-124. Библиогр.: с. 123-124 (7 назв.).

252. Шифман И.Ш. Борьба силача Ба^Слу с богом смерти Муту в угаритских поэтических повествованиях. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 77-78.

253. Шифман И.Ш. Из истории стран Красноморского бассейна (по материалам библейской традиции). - В кн.: Мероз: Ист., ист. культуры и языки стран Сев.-Вост. Африки и Красноморского бассейна. Вып. 3. М., 1985, с. 253-263. Библиогр.: с. 263.

254. Шифман И.Ш. Происхождение ханаанейско-аморейской общности (историческая традиция и языковые связи). - В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. Ч. I. М., 1984, с. 120-121.

255. Шифман И.Ш. Северомесопотамский город Хатра: (К истории переднеазиатского эллинизма). - ВДИ, 1985, № 2, с. 29-51. Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на англ. яз.

256. Шифман И.Ш. Эпиграфические заметки по истории и истории культуры Сиро-Палестинского региона II-I тысячелетий до н.э. - ЭВ, XXIII. М., 1985, с. 16-24. Библиогр. в подстр. примеч.

257. Шрон Г.С. Материалы к библиографии работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1982 год. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 88-114.

258. Шумовский Т.А. /Крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ./: ибн Маджид, Ахмад. Книга пользы об основах и правилах морской науки: Араб. морская энциклопедия XV в. Т. I. - М.: Наука, 1985. - 592 с. (АН СССР. Ин-т востоковед.) Рез. англ. Библиогр.: с. 533-540. Указ.: с. 541-584.

259. Щеглова О.П. К вопросу об источниковедческой значимости коллекции иранских литографий в ЛГУ. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 89-92. Библиогр. в примеч. (с. 92).

260. Юзбашян К.Н. Армяно-грузинское восстание против владычества Сасанидов (482-484 гг.) - ИФЖ, Ереван, 1935, № 1, с. 47-63. (На арм. яз.) Библиогр. в подстр. примеч. Рез. на рус. яз.

261. Юзбашян К.Н. О монографии "Маштоц". /Рец. на кн.: Мартиросян А. Маштоц. Ереван, Изд. АН Арм ССР, 1982. (На арм. яз.)/. - Ерев. университет: Научно-информ. журн., 1985, № 1(51), с. 19-23. (На арм.яз.).

262. Юсупова З.А. Глагольные основы в аврамани (по тексту литературного памятника XIX в. - дивана Мавлави). - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 77-84. Библиогр. в примеч. (с. 83-84).

263. Юсупова З.А. Функции предлога "ля" в курдском языке (сорани). - Рошнбири нуэ, Багдад, 1984, т. 103-104, с. 45-50. (На курд. яз.).

264. Юсупова З.А. Сулейманийский диалект курдского языка. - М.: Наука, 1985. - 144 с. (Языки нар. Азии и Африки). Библиогр.: с. 139-141.

265. Юсупова З.А. Энклитические местоимения в структуре предложения (на материале курдского языка). - В кн.: Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XIII: Курдоведение. Ереван, 1985, с. 228-244. Библиогр. в примеч. (с. 243-244). Рез. на арм.яз.

266. Якерсон С.М. Еврейские инкунабулы и их путь в Россию: (По материалам коллекции ЛО ИВ АН СССР). - 3-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России до середины XIX века". Ленинград, 2-4 окт. 1985 г.: Тез. докл. Л., 1985, с. 68-69.

267. Якерсон С.М. /Сост./: Каталог инкунабулов на древнееврейском языке библиотеки Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Отв. ред. И.Ш.Шифман. - Л., 1985. - 108 с. (БАН СССР. - ЛО ИВАН СССР).

268. Якерсон С.М. Коллекция инкунабулов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР: История возникновения. Состав. - В кн.: Проблемы формирования и раскрытия фондов Библиотеки АН СССР: Сб. науч. трудов. Л., 1985, с. 76-84.

269. Якобсон В.А. Заседание в ЛО ИВ АН СССР, посвященное 70-летию И.М.Дьяконова. - ВДИ, 1985, № 3, с. 188-189.

270. Якобсон В.А. К.Маркс и проблемы истории государства и права. - ПП и ПИКНВ, ХУШ/1. М., 1985, с. 17-20.

271. Якобсон В.А. Обожествление царей в древней Месопотамии. - В кн.: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете: Тез. докл. Всесоюз. научно-метод. конф. 14-15 ноября 1985 г. Даугавпилс, 1985, с. 84-86.

272. Якобсон В.А. Ответ В.С. Нерсесянцу. /Круглый стол "Государство и право на древнем Востоке"/. - НАА, 1985, № 6, с. 204-208.

273. Яхонтова Н.С. Употребление прошедших времен в ойратском и монгольском переводах "Сутры золотого блеска". - ПП и ПИКНВ, ХУШ/2. М., 1985, с. 84-87. Библиогр. в примеч. (с. 86-87).

Список сокращений

- БАН СССР** - Библиотека Академии Наук СССР
ВАН СССР - "Вестник Академии наук СССР"
ВДИ - "Вестник древней истории"
ГРБЛ - Главная редакция восточной литературы
ЗВООРАО - "Записки Восточного отделения Русского археологического общества". СПб., Пг.
ИНИОН - Институт научной информации по общественным наукам АН СССР
ИЭЖ - "Историко-филологический журнал" Ереван
ЛО ИВАН СССР - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАИКЦА - Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
НАА - "Народы Азии и Африки"
ППВ - Памятники письменности Востока. /Серия/
ПП и ПИКНВ - "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока"
СГЭ - "Сообщения Государственного Эрмитажа"
СОЙКЭ - Советско-Йеменская комплексная экспедиция
СТ - "Советская тюркология"
СЭ - "Советская этнография"
ТС - "Тюркологический сборник"
УЗ ТГУ. ТЭС - "Ученые записки Тартусского Государственного Университета. Труды по знаковым системам"
ЭВ - "Эпиграфика Востока"
ААН - Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
АИОН - Annali, Istituto Orientale, Napoli.
АНС - American Numismatic society. New-York
АОН - "Acta Orientalia Academiae scientiarum hungaricae". Budapest
БиОг - "Bibliotheca Orientalis". Leiden
BSO(A)S - "Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies", London Institution (University of London)
JAOS - "Journal of the American Oriental Society". New Haven.

- JASB - "Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal". Calcutta.
- JAEa - "The Journal of Aegyptian Archaeology".
- JNES - "Journal of Near-Eastern Studies".
- JRAS - "Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland". L.
- ZA - "Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie". Berlin-New-York.
- ZÄS - "Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde".
- ZDMG - "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft". Lpz., Wiesbaden.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бурман А.Д. Кадопвэ и пурваранга (сравнительный анализ прологов в бирманской и санскритской драме)	3
Ворожейкина Э.Н. Популярность малых стихотворных текстов в персидско-таджикской литературе предмонгольского времени (к и т а - четырехстишия)	8
Жданова Л.В. Тема "снега" в стихотворениях Ли Гюбо (II68-I24I)	II
Иванова М.В. Легенды о Ёсицуне в "Гикэйки" - "Повести о Ёсицуне" (XV в.)	17
Кнорозова Е.Ю. Фольклорная традиция в "Записях о необычном" Фам Динь Хо и Нгуен Ана	22
Кушев В.В. Афганские (паштунские) племена Хайбара и Тираха в стихах Али-Акбара Оракзая	25
Мусаев Я.С. Произведения курдского народного творчества в журнале "Хавар"	29
Невелева С.Л. О звукописи в "Махабхарате"	33
Троцевич А.Ф. Буддийские сюжеты в корейской простонародной прозе	37
Фомкин М.С. О ленинградских списках произведений Султан Велледа (I226-I3I2)	4I
Хойслер С. Роль стихов в "Жизнеописании шестерых вассалов" Нам Хёона (XV век)	45

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вовин А.В. Падежные форманты в японском языке XI в.	50
Воевуцкий И.Н. Орфографические принципы профессиональных языков	53
Гуревич И.С. Слова <u>하</u> <u>цзян</u> и <u>把</u> <u>ба</u> (препозиция дополнения в танских юйлу школы чань)	57
Зислин М.Н. Из неопубликованного сочинения по грамматике древнееврейского языка "Ал-Китāб ал-Муттамил..."	62
Зограф И.Т. Препозиция дополнения в вэньяне	66
Иоаннесян Ю.А. К вопросу о происхождении предлога <u>bar-e</u> в разговорном дари	7I
Ирене Квонг Лай Ю (И.Квонг) Глаголы движения с суффиксом <u>-kan</u> в индонезийском языке	74

Канова И.Т. Заметки по шумерской грамматике IV	78
Халпан Г.Х. Употребление видо-временных глагольных форм в законах Хаммурапи	81
Кешинг К.Б. Сложноподчиненное предложение в тангутском языке	84
Пан Т.А. Функция маньчжурского причастия с показателем <u>ньгэ</u>	87
Хуршудян Э.Ш. Маги и "обитатели магов" на сасанидских печатях	92
Четверухин А.С. Возможные лингвистические интерпретации выражения <u>Ч</u> "говорит/сказал(а)" в Текстах пирамид . . .	98
Осупова Э.А. Определенность-неопределенность в курдском диалекте аврамани (по тексту дивана Мавлави)	104

PERSONALIA

Куликова А.М. Востоковед А.Н.Гусев (1810-1835)	109
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Г.С.Шрон. Библиография работ сотрудников ЛО ИВ АН СССР за 1985 г.	114
Список сокращений	137

Часть II

Подписано к печати 16.12.87. Печать офсетная
Усл. п.л. 8,75. Усл. кр.-отт. 8,88. Уч.-изд.л. 8,47
Тираж 150 экз. Зак. 451. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

